Проверено 1964 г.

ПРАВО и ЖИЗНЬ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

профессоров А. М. Винавера, М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина.

ЖУРНАЛ

посвященный вопросам права и экономического строительства.

Год издания 5-й.

1926 г.

Книга шестая-седьмая.

Кооперативное Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ".
МОСКВА—34,
ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 17. Телефон 1-63-64.

Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ“.

Москва—34, ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 17. Телефон 1—63—64.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1927 г.

НА ЖУРНАЛ

„ПРАВО и ЖИЗНЬ“.

Под редакцией профессоров

А. М. Винавера, М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина.

Журнал посвящен вопросам права и экономического строительства.

В выпущенных №№ журнала помещены статьи авторов: проф. М. М. Агаркова, И. И. Аншелеса, Ю. Ю. Бехтерева, И. Л. Брауде, проф. Н. Г. Вавина, проф. П. В. Верховского, проф. А. М. Винавера, проф. В. Ю. Вольфа, Н. Н. Гедеонова, проф. М. Н. Гернета, В. П. Голубева, проф. Н. Н. Голубева, Л. Гольдина, проф. А. В. Горбунова, А. Н. Граниной, проф. М. М. Гродзинского, Н. П. Дмитревского, проф. А. А. Жижиленко, проф. Н. А. Захарова, проф. М. Д. Загряцкого, М. В. Зимелевой, Д. И. Иваницкого, проф. М. М. Исаева, Я. А. Канторовича, А. Д. Кейлина, Кильби, проф. Г. М. Колоножникова, А. Н. Колосова, акад. А. Ф. Кони, проф. С. А. Котляревского, проф. Н. Н. Кравченко, проф. А. Э. Кристера, проф. К. А. Кузнецова, О. М. Купера, В. И. Куфаева, проф. Liepmann (Гамбург), проф. А. М. Ладыженского, И. А. Лури, проф. П. И. Люблинского, проф. А. Н. Макарова, проф. И. А. Малиновского, В. С. Малченко, проф. А. А. Мануилова, проф. Э. Я. Немировского, проф. И. Б. Новицкого, А. Н. Одарченко, В. Н. Ошерова, В. П. Падучева, проф. М. Я. Пергамента, Л. И. Поволоцкого, проф. Н. Н. Полянского, проф. Б. В. Попова, проф. Б. Д. Плетнева, Н. Н. Рейнке, Д. П. Родина, проф. В. И. Серебровского, В. Соловьевой, А. С. Тагера, проф. Л. С. Таля, А. А. Тарнопольского, проф. Н. М. Тоцкого, проф. А. Н. Трайнина, проф. В. С. Трахтерова, И. Н. Трепицына, Б. С. Утевского, Л. И. Фишмана, В. В. Хижнякова, проф. Б. Б. Черепахина, И. В. Шерешевского, проф. В. Н. Ширяева, проф. Т. М. Яблочкова, проф. А. И. Яковлева, В. Р. Якубсона и др.

Условия подписки:

На 1 год с доставкой и пересылкой . . . . . 10 руб.
„ ½ года „ „ . . . . . 6 „
Комплекты журнала: за 1923, 1924 и 1925 г. г. по. . . 6 „
Имеются в продаже отдельные книги журнала за 1922—1925 г.г.

МАЙ 2008

ПРАВО и ЖИЗНЬ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

профессоров А. М. Винавера, М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина.

ЖУРНАЛ

посвященный вопросам права и экономического строительства.

Год издания 5-й.

1926 г.

Книга шестая-седьмая.

Кооперативное Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ".
МОСКВА—34,
ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 17. Телефон 1-63-64.

Главлит № 68321 Москва. Тираж—2.000 экземп.

Р Ж Е В.
Типография Общего Отдела Уисполкома
1926.

Идея права на землю в ее прошлом и настоящем.

I.

Право трудового землепользования принадлежит к числу вопросов, наиболее отчетливых и строго очерченных в советской юриспруденции. Не касаясь в целом этого вопроса, уже не раз получившего освещение в нашей литературе, мы хотим коснуться тех идей, из которых развился принцип всеобщего трудового землепользования, и сделать сравнение с правом на землю в других странах.

Французская революция провозгласила декларацию политических прав человека и гражданина. Однако, уже с начала XIX века, опыт общественной жизни стал все более доказывать, что голые политические права далеко не достаточны, чтобы служить гарантией для классов экономически слабых, и свобода действительная требует для своего обеспечения еще других условий. В связи с этим, в литературе стала выдвигаться точка зрения, что гражданам должны быть предоставлены еще некоторые экономические права, которые могли бы упрочить их материальное положение.

До французской революции деятельность отдельных лиц была сильно стеснена сложной и мелочной регламентацией, что особенно относится к земельным отношениям. Порядок обработки и пользования землею, лугами, лесами, водой, рабочим скотом, мельницами и т. д. был самым детальным образом регламентирован, при чем многое зависело от усмотрения помещиков. Такого рода регламентация, имевшая своим конечным результатом финансовую эксплоатацию крестьянства, потому что было в обычае откупаться деньгами от большинства перечисленных феодальных стеснений,—привела к тому, что основным лозунгом французской революции сделалось требование свободы собственности [1]). Отмена феодальных ограничений, тем более несправедливых, что пестрота их была очень велика,—вот руководящий мотив того времени. В конституциях революционной эпохи ярко отражается взгляд на важность свободы собственности. В конституции 1791 года (ст. 17) собственность именуется „неприкосновенным и священным правом". В конституции 1793 года (ст. 2) собственность называется „неотъемлемым правом". Кодекс Наполеона определяет собственность, как „право пользоваться и располагать вещами с полнейшей и абсолютной свободой". Аналогичные взгляды проведены были и в конституциях других стран. Антон Менгер говорит, что в большей части конституций о ненарушимости частной собственности упоминается в таких же выражениях, как и о неприкосновенности особы монарха [2]).

---

[1]) Tocqueville—L'ancien régime et la révolution. Гейсер.—История французской революции.

[2]) А. Менгер.—Гражданское право и неимущие классы.

Когда стали высказывать требования положительных гарантий экономической свободы, социалистическая мысль сыграла в этих требованиях серьезную роль. Выдвигаются идеи о праве на, так называемое, „достойное человека существование“ и о других правах, как-то: право на труд, право на полный продукт труда. Эти идеи пользовались широкой популярностью во время революции 1848 года и являлись откликом на интенсивное развитие промышленности на Западе и связанный с нею рост пролетариата.

Право на существование состоит в том, что между всеми человеческими потребностями выдвигаются на первый план те, которые можно назвать самыми насущными и которые должны быть удовлетворены безусловно раньше, чем менее настоятельные потребности других членов общества. Содержание этого права может быть различно и заключать в себе право на поддержание существования, право на воспитание, призрение, опеку и т. д. в зависимости от возраста субъекта.

Буржуазное право не ставит себе задачей удовлетворять все личные потребности, и отдельные лица не имеют права требовать себе от государства предметов или услуг на том основании, что они необходимы для их существования. Для характеристики отношения буржуазных писателей к праву на достойное человека существование достаточно привести цитату из сочинений Мальтуса [1]), пользовавшуюся в свое время громадной известностью: „кто рождается на планете, находящейся уже в чьем-либо владении, тот не имеет права на содержание, если он не может добыть средств к существованию от своих родных или собственным трудом, фактически он оказывается лишним на земле. На большом пиршестве природы для него не приготовлено прибора. Природа велит ему удалиться и не замедляет привести свой приказ в исполнение“.

Совершенно другой точки зрения держались социалисты, при чем идею о праве на „достойное человека существование“ можно найти уже у самых ранних социалистов.

Что касается права на труд, то Антон Менгер [2]) считает его своеобразной модификацией права на существование, которая в качестве переходной формы к социалистическому правопорядку имела в свое время большое историческое значение. В связи с правом на труд возникла идея о праве на полный продукт труда. Одними из главных сторонников права на полный продукт труда являлись Годвин, Томпсон, Прудон и особенно Родбертус.

Таковы три основных вида экономических прав, выдвинутых в первой половине 19 века в Европе. Георг Еллинек называет их естественными социалистическими правами [3]).

Наибольший интерес представляет для нас право на труд. Главная мысль, которая лежит в основе этого права, была высказана различными законодательствами еще за долго до XX века в связи с вопросом о призрении бедных. Английский закон о бедных 1601 года, французские декреты 1791 и 1793 г. г. и прусский закон 1794 года определяют, что государство обязано или поддерживать бедных или предоставлять им работу.

В прошлом столетии вопрос о праве на труд был разработан ранее других социалистов Фурье. В своем сочинении „Traité de l'association domestique agricole“ Фурье говорит, что в первобытном состо-

---

[1]) Malthus—An essay on the principle of population, 1803, стр. 531.
[2]) А. Менгер. Право на полный продукт труда (стр. 6, изд. 1906 г.).
[3]) Г. Еллинек. Общее учение о государстве, стр. 229.

нии человек имеет право повсюду охотиться, ловить рыбу, собирать плоды и пасти скот. Эти четыре права он считает четырьмя основными экономическими правами, однако, в современных условиях пользование ими невозможно, а потому людям необходимо предоставить известный эквивалент. Таким эквивалентом является право на труд. Эти мысли Фурье были восприняты его школой, особенно Консидераном, который, вместе с Фурье, считал, что вместо совместного пользования благами природы, которое в данный момент не может быть осуществлено, необходимо дать всем желающим право на труд. Под правом на труд следует понимать не право приискания себе работы, а обязанность государства предоставлять индивиду требуемую ему работу.

Право на труд было официально декретировано во время февральской революции прокламацией Временного Правительства 25-го февраля 1848 года и декретом 26 февраля того же года об учреждении национальных мастерских, возникших затем в Париже. Однако, уже с лета 1848 года, вследствие изменившихся политических условий, право на труд постепенно заменяется правом на призрение и, наконец, после революции 1848 года вопрос о праве на труд постепенно утрачивает свою остроту. В дальнейшем, возникновение научного социализма на основе марксизма вытесняет указанные выше идеи из социалистической литературы на Западе, делая их излишними [1]).

Иная была обстановка в России. В первой половине XIX века это была почти сплошь земледельческая страна, с многочисленным крепостным населением, все интересы и экономические возможности которого были сосредоточены в земле. Уже с 30 и 40 годов прошлого столетия начала укрепляться точка зрения (мы не касаемся работ Радищева, декабристов и др.), что крестьянство, составлявшее беднейший класс в стране, только тогда сможет выйти из своего угнетенного состояния, когда получит не только свободу, но и земельный надел. Повидимому, здесь имели влияние также идеи Фурье, который считал земледелие основным производительным фактором хозяйства.

Таким образом, мысль о праве на труд (или, лучше сказать, на возможность приложить свой труд) была неразрывно связана в России с мыслью о получении земли, которая одна могла дать крестьянину возможность осуществить свое право на труд и воспользоваться продуктами последнего.

Поэтому идея об основных экономических правах получила в тогдашней России несколько одностороннее, но зато вполне яркое, специфическое выражение, в виде требований для крестьян земли [2]).

Последующее возникновение фабричного пролетариата в России не сразу устранило эту идею. Само крестьянство охотно пошло на усвоение идеи о земле и стихийно питало убеждение в своем праве на получение в свои руки земли. Характерной является формулировка революционных лозунгов того времени—„Земля и воля“, лозунгов, которые встречались вплоть до революции 1917 года.

Живучесть народнических принципов объясняется тем, что идеи марксизма проникли у нас в народную массу позднее чем в других странах. Теперь эти принципы утратили, конечно, свое значение, хотя в настоящее время в литературе отмечается иногда необходи-

---

[1]) В Германии в 1849 г., при обсуждении на франкфуртском национальном собрании конституции, был также поставлен вопрос о праве на труд, но постановления о нем в конституцию включено не было.

[2]) Герцен, Чернышевский, Чернов.

мость, чтобы наша аграрная политика была направлена на удаление из земельного законодательства пережитков народнической идеологии [1]).

Октябрьская революция осуществила передачу земли народу, включив право на землю в число основных экономических прав населения, как это видно из статьи 3 п. „а" Декларации Прав Трудящегося и Эксплоатируемого Народа 10 июля 1918 года. Согласно Земельному Кодексу, все земли составляют собственность государства [2]), однако, если субъектом права на землю является государство, то все же оно не может распоряжаться ею по своему усмотрению. Земля передана государству для осуществления определенных целей, которые могут быть выражены следующим образом: 1) развитие производительных сил страны, 2) уравнительное землепользование трудового населения и 3) недопущение к земле паразитических и эксплоататорских элементов.

То положение, в котором находится сейчас земля, было установлено постепенно. Частная собственность на землю была отменена 26 октября 1917 г., однако быстро последовало дальнейшее изменение земельного строя в виде социализации земли. Декрет 19 февраля 1918 года вводит принцип трудового уравнительного землепользования.

Затем, Положением о социалистическом землеустройстве 1919 г. было положено начало созданию единого производственного хозяйства, путем общественного землепользования. Вся земля, в чьем бы пользовании она ни состояла, должна была считаться единым государственным фондом и находиться в непосредственном заведывании государства. Наконец, декретом о мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства (1921 г.) было дано начало широкому принудительному государственному регулированию всего крестьянского хозяйства. Одним из важных моментов социалистического земледелия была хлебная разверстка.

В дальнейшем, в 1921 году, был введен продналог, который заменил хлебную разверстку, и, таким образом, была признана самостоятельность крестьянского хозяйства. Затем последовало издание земельного кодекса 1922 года, который снова утвердил принцип национализации земли. В настоящее время эксплоатация земельных пространств не производится ни государством, ни гражданами по выработанному государством обязательному плану, возлагается на самих трудящихся, которые совершают ее, сообразуясь со своей индивидуальной хозяйственной волей. Автономия крестьянского хозяйства еще более ясно проявилась с изданием закона о едином сельско-хозяйственном налоге, особенно после отмены натуральной его формы и оставления только денежного способа уплаты.

II.

Понятие государственной социалистической собственности интересно сравнить с понятием публичной собственности некоторых иностранных законодательств. Так, согласно французскому праву, характерными признаками публичной собственности являются: 1) свобода от обязанностей соседства, 2) все лица могут пользоваться этой собственностью, сообразно ее назначению, 3) публичная собственность

---

[1]) М. Вольф.—К аграрной политике на Украине („На агр. фронте", № 11—12 1925 г.).

[2]) Такая формулировка была принята не сразу. В декларации прав Трудящихся 10.VII—1918 г. весь земельный фонд объявлен общественным достоянием. В украинском законе о земле 5/II—1920 г. говорилось, что право пользования землею имеют только трудящиеся, без упоминания о принадлежности земли государству.

органичена в распоряжении ею, 4) администрация самостоятельно охраняет назначение вещи, не обращаясь к суду, и 5) всякого рода узурпации, нарушения и захваты публичной собственности являются уголовными правонарушениями. Публичная собственность перестает быть таковой, если переходит в частную собственность или теряет способность осуществлять свое назначение, например, судоходная река перестает быть судоходной. Наконец, публичная собственность теряет свой характер, если правительственная власть постановляет о прекращении ее общественного назначения. В последних двух случаях публичная собственность превращается в частную собственность казны. Положения Советского права отличаются от принципов, указанных выше. Земля в Советском государстве является монопольной собственностью всего коллектива-государства и не может переходить в частную собственность. Пользование ею посторонними лицами обусловлено личным трудом и не должно сопровождаться эксплоатацией других трудящихся.

Иначе обстоит дело в германском праве. До революции в Германии государственные недвижимые имущества находились почти все в наследственной аренде у частных лиц по договорам, заключающимся, обыкновенно, на 18 лет и по окончании срока возобновляющимся. В пользование частно-земельной собственностью, кроме польских областей, германское правительство вмешивалось не более, чем всякое другое буржуазное правительство. В конституции германской республики 1919 года проведены другие начала. Собственность, говорится в названной конституции, *обязывает*, и пользование ею должно служить общему благу; распределение земли и пользование ею должно быть поставлено под наблюдение государства; обработка и использование почвы являются обязанностью по отношению к обществу [1]).

Таким образом, германское право, в отношении владения землею, сделало значительный шаг вперед, и надо отметить, что в данном вопросе влияние идей русской революции несомненно.

Юриспруденция различает три главных формы собственности: общественная, частная и смешанная форма, к которой следует отнести имущества, считающиеся частной собственностью, но, в силу общественного их значения, поставленные под контроль государства. Следовательно, Германия из режима обыкновенной буржуазной собственности переходит теперь к третьей—смешанной форме, являющейся мостом к полной национализации. Кроме того, германская конституция особо предусматривает право общегосударственной власти по обобществлению естественных богатств страны. Впрочем, фактически в Германии до сих пор не было случаев такого обобществления.

В современной Турции большая часть земельной площади принадлежит казне (мирие), над которой последней принадлежит верховное право собственности, пользование же принадлежит частным лицам, посредством передачи его казной под разными титулами.

Владелец земли может ее продать, заложить, сдать в аренду и завещать, но подлежит государственному контролю и при каждом мероприятии, изменяющем обработку, должен испрашивать разрешение правительства. Если в течение трех лет владелец без уважительных причин оставляет землю без обработки, то он теряет право на участок [2]).

---

[1]) Ст. ст. 153 и 155 Герм. Констуции: ср. ст. 163 о возможности для каждого немца добывать себе пропитание хозяйственным трудом.
В ст. 151 мы встречаем даже упоминание о „достойном человека существовании".

[2]) Prof. Gruntzel.—Agrarpolitik, 1921. Wien.

В последнее время возник вопрос о национализаци нефтяных земель в Мексике, однако, вследствие протеста Соединенных Штатов и Англии, отстаивающих права иностранцев, он не получил пока разрешения. Насколько известно мексиканское правительство пользуется поддержкой одной лишь Испании. В более давнее время попытки проводить национализацию земли имели место в Новой Зеландии, где законом 1893 года и последующими его изменениями были одно время введены земледельческие коммуны.

В древнем Китае земля была государственной собственностью, и жители могли иметь лишь право пользования за известную плату в пользу казны. Во время династии Хиа (около 2000 лет до Р. Х.) каждое семейство получало участок в 50 му (му—равен приблизительно 640 кв. метр.) и отдавало 10% дохода. При династии Ин (1400 лет до Р. Х.) на каждые восемь семейств давалось 900 му, при чем каждое из них получало 180 му для посева и 2,5 му для усадьбы, а остальное, или 80 му, должно было обрабатываться сообща, и продукты обработки отдавались государству. В царствование династии Чеу (1100 лет до Р. Х.) полагалось 1000 му на 10 семейств, которые должны были обрабатывать землю коллективно и отдавать десятую часть урожая государству [1]).

Право на землю выражено у нас в ст. 9 Земельного Кодекса, которая гласит, что право на пользование землей имеют все граждане, желающие обрабатывать ее своим трудом. Земля предоставляется для ведения сельского хозяйства, и самое право именуется правом трудового пользования. Обращает на себя внимание всеобщность права на получение земли, которое распространено теперь и на трудящихся иностранцев.

Таким образом, мы имеем с одной стороны—обязанность государства предоставлять землю в пользование лиц, желающих ее обрабатывать, а с другой стороны—обязанности государства соответствует право гражданина требовать обеспечения его землею по трудовой норме. Гражданин, получивший землю, обязан ее обработать личным трудом под страхом лишения участка. Следовательно, с одной стороны, государство является субъектом права и одновременно и обязанности, а с другой—граждане также являются субъектами как прав, так и обязанностей. Взаимные права и обязанности государства и граждан являются, во-первых, органически между собой связанными, друг от друга неотделимыми и, во-вторых, в этих правах и обязанностях характерно выступает точка зрения на право, свойственное советскому законодательству, как на социальную функцию. Публичная собственность на землю установлена в интересах самих же трудящихся, объединенных в коллектив (государство), при чем эти последние имеют право требовать себе участки земли лишь в целях их обработки, каковой придается общественное значение.

А. Н. Одарченко.

---

[1]) Prof. Vilfredo Pareto.—Les systèmes socialistes. 1902.

Давность и земельные правоотношения.

Применима ли давность к земельным правоотношениям?

В Земельном Кодексе слово „давность“ вовсе не встречается, нет и описательного упоминания об этом понятии. С другой стороны, по ст. 3 Гражд. Кодекса, отношения земельные регулируются особым, т. е. Зем. Кодексом. Из этого получается ясный с первого взгляда вывод: Земельный и Гражданский Кодекс образуют две совершенно самостоятельные правовые системы: исковая давность, определяемая в ст. 44—51 Гражд. Кодекса, не указана ни в Зем. Кодексе ни в процессуальной Инструкции о зем. спорах от 10/I—24 г., следовательно, давность Гражданского Кодекса к земельным правоотношениям не применима.

Насколько нам известно, ни Верх. Суд ни Особая Коллегия В. Контроля по зем. спорам в своих опубликованных руководящих разъяснениях ни разу еще не высказывались по этому вопросу. Но один очень авторитетный комментатор Зем. Кодекса, А. А Ржаницын, в своем комментарии (Зем. Кодекс, с объясн. статей, изд. „Нов. Деревня“ 1925 г.), под ст. 11 Зем. Код. высказывается очень определенно в обратном смысле: „По силе 44 и 45 статей Гражданского Кодекса, землепользователь, не осуществивший права на иск в течение трех лет, утрачивает право на иск...“ Сам указанный автор никаких оснований к этому не приводит; в практическом комментарии оно и понятно. Совсем без оснований решать столь серьезный вопрос он не мог. Рассмотрим, какие могли бы быть приведены к тому основания и если они не верны, то не верен и вывод.

В Зем. Код. привлекает внимание прежде всего ст. 8, упоминающая в числе источников (или форм) зем. права „общие законы“ РСФСР. Значит ли это, что всякий вопрос, прямо не регламентированный Зем. Кодексом, следует разрешать путем применения других кодексов? Думается, что только в тех случаях, где вопрос не затронут Зем. Кодексом ни прямо ни косвенно, и где по характеру данного правового вопроса нет никаких оснований применять специальные нормы Зем. Кодекса. Пример — безвестное отсутствие: тут приходит на помощь прим. к ст. 12 Гр. Код. [1]). Другой пример: двое арендаторов сада Гос. имуществ, применима ст. 115 § 2 Гр. Код. (о солидарной ответственности).—Если же бы мы признали, так сказать, огульную применимость общих законов при всякой недоговоренности в Зем. Кодексе, то это привело бы в ряде случаев к несомненным противоречиям общему духу Зем. Код. Отметим вопрос о дворе по Зем. Код. и о семье по Код. Акт. Гр. Сост. Ст. 65 Зем. Код. определяет двор как „семейно-трудовое объединение“, ст. 67 определяет, что именно объединяется из имущества: постройки и сел.-хозяйственный инвентарь; ст. 73 при семейных разделах предусматривает раздел именно общего имущества. Подлежат ли разделу хлебные запасы, напр., при разводе супругов? Зем. Код. ответа не дает, а если по методу огульного применения других Кодексов мы посмотрим в Код. Акт. Гр. Сост., то там найдем ст. 105: „Брак не создает общности имущества супругов“. Однако есть в Зем. Код. и ст. 77, и из сопоставления ее с предыдущими получается ясный вы-

[1]) Циркуляр НКЗ от 24/II—1923 г., № 21.

вод: система семейно-имущественных отношений в Зем. Код. существенно иная, чем в Код. Акт. Гр. Сост.. общность имущества здесь предположение, юридическая презумпция. Перед нами толкование, так сказать, „внутри" Зем. Код., такое толкование и дано по затронутому специальному вопросу о сем. разделах в опред. ОКВК от 4/XI—1924 г. № 1741, которое и приведено А. А. Ржаницыным на стр. 138 I тома его Комментария [1]).

Правильность такого обращения с законодательным материалом подтверждается еще следующим обстоятельством. В ст. 1 Инструкции НКЗ и НКЮ о порядке рассмотр. спорн. зем. дел от 10 января 1924 г., в числе узаконений, которыми должны руководствоваться Зем. Комиссии, упоминается и Гражданский Кодекс. Но собственно не весь Гр. Код., а статьи его, „указанные в этой Инструкции". Указана же в этой инструкции прямо одна ст. 16 Гр. Код. и косвенно ст. 33 Гр. Код. (в ст. 5 Инстр.): обе статьи не имеют отношения к вопросу, здесь разбираемому, так как первая из них говорит о представительстве на суде, а вторая—о кабальных сделках. Слово „давность" встречается, правда, в Инструк. о зем. спор., именно в ст. 185 Гр.-Проц. Код., входящей в состав Инструкции; но здесь говорится только о давностном сроке для просьб об истолковании решений. К этой статье 185 мы еще вернемся.

Вообще надо заметить, что и ОКВК и Верх. Суд применяют другие Кодексы к отношениям, регулированным в Зем. Код., чрезвычайно редко. Это не случайно, и вполне подтверждает выше выраженную здесь мысль о принципиальной, так сказать, „замкнутости" правовой системы Зем. Кодекса [2]).

Далее, в защиту применения давности можно бы указать и то, что отсутствие общего упоминания о давности в Зем. Код. не одиноко. Нет в Зем. Код. и слов „юридическое лицо", столь знакомых нам по ст. 13 и сл. Гражд. Код., однако, ст. 64 Зем. Код., характеризуя дееспособность земельного о-ва, что же иное может означать — как не юридическое лицо. Нет в Зем. Код. упоминания о „собственности" на постройки, однако, ст. 25 выражением „принадлежит" указывает на собственность [3]).

Дело в том, что Зем. Кодекс давность устанавливает, но не одну, а несколько и несколько различных давностных сроков, исчисляемых то по годам, то по специальному, ему одному свойственному способу: по севооборотам, что соответствует той особой категории хозяйственных отношений, которые он призван регламентировать.

---

[1]) По поводу ст. 3 Гр. Код. проф. И. Б. Новицкий замечает: „Впрочем, на почве и в связи с земельными отношениями возможны по действующему закону и настоящие имущественные отношения, напр., иски о возмещении вложенных в землю и неиспользованных затрат, подлежащие разрешению на почве общих норм обязательственного права".—„Право Трудового Землепользования" (М., 1925 г.), стр. 4, прим. Отсюда как будто вытекает, что автор считает Гр. Код. к земельным отношениям принципиально не применимым, пока не доказано в специальных вопросах противоположное. О давности в указанном комментарии указаний мы не нашли.

[2]) Другие косвенные, но веские доказательства сказанной „замкнутости": 1) История истолкования ст. 27-ой Зем. Код. ОКВК и Верхсудом—см. „Сел. Хоз. Жизнь" 1924 г. № 31 и „Еженед. С. Юст." 1925 г. № 1,2). Неприменимость наследования, ст. 418 и 433 Гр. Код. к имуществу крест. двора: Постан. СНК 9/X—1925 г. и о пред. ОКВК по поводу ст. 67 Зем. Код., 1923 г., № 987.

[3]) Приводится здесь ст. 25 лишь в виде примера, сама же история вопроса о постройках, начиная с пост. НКЮ 6/IX—1918 г. (Собр. Уз., ст. 715) до декр. об Осн. части имущ. правах 1922 г. (С. У. 423) и Зем. Кодекса, данного предмета не касается

Так, по ст. 20 прекращение хозяйства есть неиспользование земли в течение 3 лет. По ст. 75 право на иск о семейном разделе погашается неучастием в хозяйстве двора в течение более 2 севооборотов. По ст. 129 дворы, выходящие в порядке землеустройства, сохраняют за собой усадьбы в прежнем селе на срок 3-хлетний. Новым примеч. к ст. 18 (Пост. ВЦИК 21 апр. 1925 г.) за переселенцами и расселенцами установлено право сохранения зем. участков в прежних местах до 2-х и 3-х лет. В двух последних случаях (ст. 129 и 18 пр.) мы имеем перед собой, правда, не исковую давность в собственном смысле, но нечто весьма близкое к ней и по своим основаниям и по последствиям: различие в том, что здесь не неиспользование, а использование своего права; сходство же в погашении права одним истечением срока.

Чтобы не осложнять основную задачу, мы намеренно оставили в стороне вопрос о различии погасительной и *приобретательной* давности, хотя и имеющий для нашей темы своеобразный интерес,— коснемся его очень кратко. Как известно, приобретательной давности Гр. Код. не допускает. Иначе, однако, обстоит дело в Зем. Кодексе с участками дворов, входящими в общественные; здесь из сопоставления ст. 62 с ст. 20, 92 и др. вытекает в сущности не что иное, как специальная приобретательная давность на право землепользования в пользу зем. *общества*. Но далее, по смыслу ст. 75 Зем. Код. и § 3-б Цирк. НКЮ 24/II—1923 г. (о безвестно-отсутствующих, по аналогии), получается тот вывод, что своеобразная приобретательная давность (2-хсевооборотная) имеет место на земельную и имущественную долю выбывшего члена двора при участковом землепользовании, уже в пользу этого *двора*.

Итак, по „букве“, по текстам, выходит, что общая исковая давность ст. 44 Гр. Кодекса к земельным правоотношениям не *применима*.

Попробуем подойти к вопросу с другой стороны—со стороны „духа“ закона, и характера тех социально-хозяйственных отношений, которые он призван регулировать.

В чем социально-хозяйственный смысл давности?

„Права должны реализироваться по горячим следам... При постоянно меняющейся конъюнктуре нашего времени осуществление права много лет спустя после того, как оно могло и должно было осуществляться, означало бы в действительности осуществление права *не в соответствии с его социально-хозяйственным назначением*“ (*Гойхбарг*, Хоз. Пр. т. I—1923 г. стр. 56). С другой стороны, долгота давностных сроков в законодательствах стоит в непосредственной связи с степенью развития хозяйственного оборота и степенью его быстроты. Французский Гражд. Кодекс устанавливает наибольший общий исковой давностный срок в 30 лет, для недвижимостей 20 и 10 лет, не считая специальных случаев более кратких сроков (ст. 2262, 2264, 2265, и 2271). Но ведь французскому Кодексу 120 лет. Для нашей эпохи темпы хозяйственного оборота 1804 года не указ. Вполне понятно почему авторы Гражд. Кодекса РСФСР в 1922 г. установили 3-хлетнюю исковую давность. В условиях городской жизни 20 века, с телефонами, железными дорогами, трамваями, хозяйственный оборот достиг такой быстроты, что более долгий срок был бы ему нестерпимым стеснением. Однако Гражд. Кодекс есть именно „городской“ кодекс. Едва ли можно отрицать, что социально-хозяйственные условия города и деревни в нашей стране в настоящую эпоху во многом сильно различаются. И законодатель это несомненно учитывает. Кроме указанных примеров о различии семейного права, на-

помним, что именно в одном только Зем. Код. прямо допускается применение обычая как формы права. Темп сельской жизни доныне так отличается от городской, что земельное законодательство наше более чем все остальное запечатлено характером „переходности". В будущем, с индустриализацией сел. хозяйства, можно предвидеть, при сохранении принципа изъятия земли из гр. оборота, изменение и правового облика сел.-хоз. отношений, сближение их с городскими-гражданскими. Но только в будущем, может быть, довольно далеком. До сих пор же при медленности хозяйственного темпа деревенской жизни, с точки зрения социально-хозяйственной, краткий 3-хлетний давностный срок едва ли здесь применим. Не только в отношении отдельных дворов и лиц, но и в земельных отношениях между целыми зем. обществами часты еще случаи и недостаточной правовой определенности и инертности. Бывают случаи, когда обширный участок фактически более 3 лет никем не используется, или используется не тем об-вом, которому он по волостному распределению был назначен. Случай из практики—недавнее определение ОКВК 1925 г. д. № 2297/3564, еще неопубликованное,—здесь между прочим говорится: „Как усматривается из дела, постановление Волсъезда Советов, состоявшееся в 1918 г., и пост. УЗО от 11 мая 1920 г. до настоящего времени и без уважительных на то оснований в исполнение не приведено, спорной землей продолжает пользоваться об-во гр-н села О..... Вследствие этого указанные постановления по смыслу ст. 185 ГПК утратили свою силу". В данном случае применена в сущности именно давность, но как бы не прямым путем, а через Г. П. Код., что уже сомнительно, ибо ст. 185 ГПК имеет явственно процессуальное значение, относясь специально к вопросу об истолкованиях. Кроме того, насколько нам известно и как выше упомянуто, применение в данном случае давности со стороны ОКВК является первым и потому едва ли можно думать, что здесь выражен твердый и общий взгляд на данный вопрос.

Однако, по поводу неиспользования обществом в течение ряда лет своих прав на известный участок напрашивается и такой вопрос: справедливо ли и целесообразно ли признать беспределенную возможность, не ограниченную никакими сроками, исков о возврате такого участка тому об-ву, которое его фактически не использовало, напр. лет 7, хотя имело на то право [1]).

Нельзя отрицать, что иногда и в других случаях вопрос о применении давности является острым. Пример: огород был заброшен его законным пользователем более 10 лет назад, затем он об-вом предоставлен другому лицу как „бесхозяйственный". Это другое лицо ряд лет производило коренные улучшения на нем, все 10 лет использовало его бесспорно. С первого взгляда для оценки прав прежнего пользователя применима ст. 20 Зем. Код. Однако она говорит о прекращении „хозяйства двором": 18-б, след., к случаю неиспользования одного огорода неприменима. С точки зрения социально-хозяйственной целе-

[1]) В этом отношении особенное затруднение представляет буква „и" в середине ст. 141 Зем. Код. („и было законно..."), так как не редки случаи именно такого положения, при котором один и тот же участок находится (и находился в 1922 г.) в фактическом пользовании одного об-ва, а в закономерном—другого. С. Розенблюм („Зем. Право РСФСР", 1925 г., стр. 118), по нашему мнению, не разрешает проблемы, а его слова об „аутентическом толковании" ст. 141 не убеждают. В подобном случае при землеустроительном производстве может помочь 2-я часть ст. 165 Зем. Код., а вне его уже ст. 4 Г. П. К., как „последнее средство", напр., соображения о большой близости участка к селу, о размерах зем. обеспечения (аналогия с ст. 204 прим.) (Ср. опред. ОКВК в журн. „Сель.-Хоз. Жизнь". 1925 г., № 18 и 29—30).

сообразности и ст. 4 Гр. Пр. Код. в данном случае, думается, правильнее признать огород за тем, кто его обрабатывает и улучшает,— в особенности имея в виду, что по духу Зем. Код. применение труда и улучшение почвы пользуются особой охраной (ср. ст. 119, 131 и др.).

Особого внимания заслуживает последняя часть ст. 17 Зем. Код., уже в обратном смысле—в смысле невозможности применения давности (по крайней мере, 3-летней). Вопрос ставится так: двор, один из членов которого отсутствовал на трудовых заработках более 2 севооборотов,—имеет ли право на иск о зем. наделе на возратившегося. Здесь возможны два случая: 1) Возвратившийся после 2 севооборотов—хотя бы через 10—20 лет, требует надел тотчас по возвращении, тогда он имеет право на него по правилам последней части ст.17,—притом независимо от времени, какое он пробыл в отлучке: такое право *беспредельно*.—2) Но возможно иное: такой отсутствовавший более 2 севооборотов возвращается в свою семью в селе, однако не приступает вновь к сел. хоз. работам, а занимается промыслом, отнимающим все его время (плотник, кузнец, портной),землей и не интересуется. Такое положение длится 3 года. Потом, по каким-нибудь изменившимся обстоятельствам он оставляет свое ремесло и намерен перейти к земледелию. Если давность применима, надел он уже не получит, так как право на надел возникло с момента его возвращения, а он этим правом не воспользовался. Таким образом, присутствующий окажется в худшем положении чем отсутствующий, несмотря на тождество причин, объяснявших их временный отрыв от земледелия. Может ли быть таков смысл закона?

В заметке в № 3 „Еженед. С. Юст." 1926 г. *А. Смирновым* приводятся в пользу применения давности, кроме общих практических соображений,—мотивировавших установление ее в Гр. Код.—еще соображения теоретического и исторического свойства: вопрос этот, по мнению автора, чисто процессуальный, не упомянут в Зем. Кодексе только потому, что Зем. Код. вышел раньше Гр. Кодекса, когда эти вопросы еще не были разработаны для обще-гражданского оборота. Но эти доводы едва-ли серьезны. Зем. Код. старше Гражданского только на один день (30—31 окт. 1922 г.) Вопрос о давности не может считаться процессуальным, так как давностью погашается и материальное право.

Выводы:—1) к земельным отношениям давность ст. 44 Гр. Кодекса не применима,—2) в Земельном Кодексе специальные давностные сроки,—3) если же нужен общий давностный срок в применении к земельным искам, для случаев не предусмотренных Зем. Кодексом, то таковой может быть установлен лишь в законодательном порядке, при чем, в виду особенностей социально-хозяйственных отношений, регулируемых земельным законодательством, такой срок следовало бы установить более долгий, чем в ст. 44 Гр. Код., напр., в шесть лет.

Пав. Алексеев.

Невозможность исполнения и сила договорного обязательства [1]).

V.

Против защищаемой нами теории первоначальной объективной невозможности выдвигают обычно то возражение, что само понятие *„объективной“* невозможности расплывчато, не имеет твердых очертаний. Германские юристы различают: 1) *невозможность* (Unmöglichkeit), при коей удовлетворение вообще не может иметь места, напр., гибель предмета („объективная невозможность“ по русской терминологии), и 2) удовлетворение само по себе возможно, но должник не в состоянии его исполнить: *„неспособность к исполнению“* (Unvermögen) („субъективная невозможность“).

То же различение проводится и в других зап.-евр. законодательствах и в русском проекте Гр. Ул. (ред. 99 г., ст. 22). Во всех странах первоначальная объективная невозможность влечет за собою недействительность договора, субъективная же невозможность в уважение не принимается и не колеблет силы договора. Последующая невозможность как объективная, так и субъективная, устраняет обязанность исполнения (ср. § 275 Герм. Ул.).

Но и в зап.-евр. литературе нет ясного разрешения вопроса о критерии различия этих двух невозможностей. Отсюда делается (проф. Генкин) безнадежный вывод о несостоятельности деления невозможности на субъективную и объективную. И, действительно, надо согласится с тем, что это деление во многих областях права бесполезно, напр., в отношениях строго личных (трудовых), ибо здесь всякая *субъективная* невозможность будет одновременно и *объективной* (пианист сломал себе руку). В прочих областях права искомый критерий не находим, ибо все зависит от ширины комплекса тех условий, с коими мы считаемся. Напр., больной квартирант не очищает квартиры. Всякий другой (больной?) на его месте очистил бы квартиру. Посему, непригодна без оговорок формула: „для *субъективной* невозможности причина невозможности (causa difficultatis) должна быть такова, что *для другого* она не существует“. („Cum alio possibile sit“. „Alio“ не *каждому* 3-му лицу, а *какому-либо* третьему лицу).

Нам думается, что указанное затруднение в значительной степени разрешается (на что и указывается в литературе вопроса) тем, что для кредитора безразлично *личное* исполнение должником (§ 267 Герм. Ул.: удовлетворение м. б. учинено и третьим лицом. Поскольку данное исполнение может быть учинено и третьим лицом и для кредитора нет основания (интереса) к такому отклонению исполнения, затруднительность исполнения для данного лица должна быть отнесена к субъективной невозможности [2]).

Поскольку данное исполнение по существу договорного отношения должно быть выполнено данным лицом (вышеприведенные примеры с пианистом, квартирантом), препятствие в исполнении, лежащее даже в данном лице, будет *объективной* невозможностью.

---

[1]) См. жур. „Право и Жизнь“ 1926 г., кн. 4-5.

[2]) Поэтому нет нарушения принципа д о б р о й с о в е с т и со стороны кредитора, который знает о субъективной невозможности исполнения должника и не считается с этим, при заключении договора.

Теоретические и практические затруднения возникают также и при разграничении *первоначальной* и *последующей* невозможности исполнения. Многие юристы (проф. Генкин) указывают: во 1-х, на трудность определения границы во времени между той и другой невозможностью. В особенности это касается условных и срочных сделок. Во 2-х, на несостоятельность различения двух видов невозможности, ибо оно не считается с тем,—устранилась ли невозможность впоследствии или нет. „Кредитор заинтересован в исполнимости договора *в срок*, а не к моменту заключения обязательства".

Мы полагаем, что все сказанное нами выше в значительно степени опровергает эти сомнения. Гранью между двумя видами невозможности является *возникновение обязательственного отношения*, а этот момент определяется (вопреки § 241 Герм. Ул.) уже моментом возникновения тех или иных прав и обязанностей. Указание, что „*кредитор заинтересован в исполнимости договора в срок*" не точно и даже неверно во многих отношениях. Как мы указали выше, во 1-х, центр тяжести лежит не в „интересе кредитора", а в более высоких, общих принципах права. Естественная (физическая) или юридическая невозможность исполнения исключает охрану „интереса" объективным правопорядком, ибо этот интерес охраняется лишь постольку, поскольку он покрывается соответствующей „экономикой" (ст.ст. 1, 4 ГК).

Во 2-х, кредитор заинтересован не только в исполнимости договора *в срок*, но и в возможности учета этой исполнимости, ибо лишь при *заблаговременной* осведомленности об исполнимости он может вести свое дело, как добрый хозяин.

Рамки журнальной статьи не позволяют нам развить более подробно эти положения, но и сказанное, смеем думать, дает нам право поддерживать приемлемость для нужд практики традиционного разграничения указ. видов невозможности.

VI.

Дернбург, Das bürg. Recht, II, I, стр. 130, верно замечает: „первоначальная невозможность — сравнительно редкое явление. Ибо лишь ошибка или обман могут быть причиной заключения изначала невозможной сделки. Наоборот, *последующая невозможность*—обычное явление. Она обязана всеобщей и непрерывной изменчивости человеческих отношений".

При последующей невозможности объективная невозможность *погашает обязательство*. Но современное право (зап.-евр. и русское) тот же принцип распространяет и на *субъективную* невозможность, „ибо было бы несправедливо заставлять должника выносить тяжесть обстоятельств". Во всех современных законодательствах должник отвечает за убытки лишь при наличности *вины* его (§ 275 Герм. Гр. Ул., ст. 1137, 1147—8 Код. Нап., ст. 97 Шв. Ул., ст. 118 ГК РСФСР, ст. 147 Пр. Гр. Ул., изд. 1899 г.) [1]. Посему, в противоположность

[1]) Германистический принцип причинения (Kausalhaftung) вытесняет успешно романистический принцип вины в области деликтов, но менее успешно в области договорных отношений. Компромиссная т. з. в борьбе двух указанных принципов найдена в распределении бремени доказывания (onus probandi) не в пользу должника. Должник должен доказать, что событие, сделавшее исполнение невозможным, он не мог предотвратить. Такое распределение бремени доказывания не порывает связи с принципом вины. Оно касается лишь процессуального положения сторон, в судебном споре; с т. з. же материально правовой, должнику открыта защита своей невиновности. Конечно, ст. 118, 403 ГК, кроя в себе презумпцию, для должника неблагоприятную, фактически ведет за собой усиление его ответственности. Так

первоначальной объективной невозможности, объективная невозможность, как *фактор слагающий ответственность*, лишена самостоятельного значения: объективная и субъективная невозможности здесь обсуждаются на равных началах (ср. § 275 Герм. Ул.; ст. 1147 — 8 Код. Нап.; ст. 3294—3300, 3302 Остз. Св.; ст. 1294, 1298 Австр. Ул.; ст. 119 Швейц. Ул.; ст. 129 п. 2 ГК РСФСР).

Мы должны уяснить себе: что такое есть *„невозможность исполнения“*, как особый способ прекращения обязательства, и каково отношение „невозможности исполнения“ *к условиям наступления гражданской ответственности?*

Поставленные вопросы, несмотря на их повседневность, суть наименее разработанные проблемы научной доктрины. Здесь все неясно и неувязано, и такое печальное положение научной доктрины сказалось и на несовершенствах самого закона. Мы изложим наше понимание трактуемого вопроса.

Прежде всего, обратим внимание на то, что закон повсюду говорит только о *„невозможности исполнения“* и регулирует его последствия. (См. ст. 118, 129, 144—147 ГК РСФСР, § 119 Швейц. Ул., §§ 275, 323 сл. Герм. Ул., ст. 112 Пр. Гр. Ул. Изд. 1899 г. и пр.).

Но невольно напрашивается вопрос: а разве только этими случаями (невозможности исполнения) ограничивается круг освобождающих должника оправданий? Разве споры по неисполнению договора ограничиваются только случаями привхождения *„обстоятельства“*, которое создает *„невозможность исполнения“*?

Должник может защищаться двояко: он может утверждать, что хотя налицо—убыток, но он в нем неповинен: он-де проявил всю ту *заботливость*, которая от него требовалась, а убытки последовали по иной причине. Например, вино, перевозимое по ж. д. замерзло. Ж. дорога возражает: я перевожу вино, а охрана вина—дело проводников грузоотправителей. Или хранитель возражает: я хранил вино в сухом месте, но все же оно прокисло, вследствие своих свойств.

Здесь не возникает вопроса о *„невозможности исполнения“*! Охрана вина в том и другом казусе объективно и субъективно возможна, но здесь *нет ответственности*, ибо должник не отвечает за убытки, поскольку они не могли быть предвидены и предотвращены при той степени *заботливости*, которая требовалась от него по исполнению обязательства. Разрешая в такого рода защите вопрос об ответственности, мы не встречаем нужды в учении о „невозможности исполнения“.

Как ни обычна такая защита, она не урегулирована в законодательствах. Этот пробел ощутителен и в ГК РСФСР. Единственная общая статья, сюда относящаяся, говорит: „должник... освобождается от ответственности за неисполнение, если докажет, что *невозможность исполнения*, обусловлена *обстоятельством*, которого он не мог предотвратить“ (ст. 118).

Подобное ограничение в законодательствах средств защиты должника возражением *„невозможности исполнения* вследствие наступления *обстоятельства“* (ст. 118, 144 ГК) покоится на роковой

на это единодушно смотрит вся зап.-евр. цивилистическая наука, и можно лишь удивляться тому, что русская литература и суд. практика упорно понимает ст. 118, 403 ГК, как ответственность по принципу причинения, не учитывая того, что в этих статьях как раз указано, что должник в праве оправдываться. А разве ответственность по принципу причинения допускает какие-либо оправдания?

ошибке [1]). Законодатель исходит из предположения, что должник освобождается от обязательства лишь тогда, когда он *не имеет возможности его исполнить*. Наоборот, можно смело утверждать, что наступление обстоятельства, делающего исполнение „*невозможным*“, есть сравнительно редкий случай практики, отступающий на второй план перед типичным случаем *неисполнения договорной (или законной) заботливости* (умысел, небрежность). Этот типичный случай поглощает первый, и мы не боимся упреков в излишнем новаторстве, если рекомендуем будущему законодателю исключить „последующую невозможность исполнения“, как особое самостоятельное средство защиты.

Во-вторых, должник может, конечно, сослаться на *невозможность исполнения*. Мы только что указали, что это не есть самостоятельное средство защиты: оно имеет значение лишь постольку, поскольку оно исключает титул ответственности. Это значит, что невозможность исполнения не исключает безусловно гражд. ответственность стороны. Если сторона в договоре отвечает (по принципу вины или причинения) за наступление *обстоятельства*, вызвавшего объективную невозможность, то сама природа „*объективной*“ невозможности не спасает сторону от ответственности. (Ст. 129 п. 2, ст. 144—147 ГК). Не надо поэтому представлять себе дело так, что „объективная невозможность“ есть непременно невозможность, к которой не может отнестись никакой титул ответственности, например, вина [2]). Околевание собаки в день срока ее передачи покупателю создает „*объективную невозможность исполнения*“, но вопрос об ответственности продавца разрешается в зависимости от требуемой по договору заботливости. Употребляя в юридическом обиходе этот термин, юрист-практик отнюдь не желает тем самым сказать, что причина такого неисполнения должна быть непременно свободна от участия в ней *вины* стороны. Этот термин желает указать лишь на то, что известный круг исполнения недоступен не только лицу, но и всякому другому [3]).

То же мы должны сказать и про *субъективную невозможность исполнения* (Unvermögen). И это понятие очищено от элементов ответственности: оно указывает на отношение события, родившего невозможность, к определенному лицу (у данного предприятия сломалась машина), но этот термин отнюдь не означает, что причина неисполнения кроется в невиновности ответственного лица! Это ясно вытекает, напр., из § 279 Герм. Ул. и соответств. ст. 119 п. I, ГК РСФСР. Здесь говорится, что если предмет обязательства определяется родовыми признаками (genus), то должник отвечает за *субъективную невозможность исполнения*, поскольку доставление имущества того же рода объективно возможно, *даже если она наступила помимо его вины*. (В ст. 119 ГК та же мысль выражена в словах: „*во всяком случае*

[1]) Эта ошибка ясно обнаруживается в Объяснит. Записке к Проекту Гр. Ул., ред. 99 г., к ст. 112. В ст. 112 тоже говорится о доказательстве того, что „исполнение обязательства сделалось невозможным (вследствие такого события...“). А на стр. 236 Объясн. Зап. мы читаем: „Т. о., вопрос о том, ответствует ли должник за неисполнение, или, напротив того, освобождается от обязательства, возникает лишь тогда (?), когда должник не имеет возможности (?) его исполнить“.

[2]) В нашей статье: „Непреодолимая сила в гражд. праве“. (Юрид. Записки 1916 г. № 2), мы дали анализ взаимных отношений, в коих может стать форс-мажорное обстоятельство к различным основаниям гражд. ответственности: вина, опасность промысла и пр. Вопрос об ответственности не разрешается установлением события форс-мажор, ибо это событие может быть рождено или не предотвращено деятельностью ответного лица.

[3]) Вот почему лучше не злоупотреблять этим термином в тех случаях, когда решающее значение лежит вовсе не в объективной природе невозможности исполнения.

невозможность исполнения не освобождает должника...“ „Во всяком случае“ имеет в виду *отсутствие вины*. „Невозможность исполнения“ имеет в виду *субъективную* невозможность).

Итак, субъективная невозможность, на ряду с объективной, являются подвидами *родового* понятия „невозможности исполнения“, и там, где закон не желает проводить этого различия, он пользуется этим общим термином (Швейц. Ул. § 97, Герм. Улож. § 323, ГК ст. 118, ст. 129 п. 2, 144-7). Там, где закон желает придать особое значение *объективной* невозможности исполнения, он употребляет, именно, этот термин (ст. 119 п. 1 ГК, § 279 Герм. У.), и тогда каждый подвид невозможности получает свою самостоятельность [1]).

Родовое понятие „невозможности“ предполагает, таким образом, два реквизита: 1) препятствие исполнения и 2) причина этому—определенное событие.

Если ГК РСФСР не откланяется в этом вопросе от лучших зап. евр. образцов, то все же можно пожелать дополнения ГК некоторыми разъясняющими статьями. Ст. 144-147 соответствуют §§ 323-325 Герм. Ул. и говорят о „невозможности исполнения“ (Unmöglichkeit). Хотя этот термин употребляется в Герм. Ул. только для *объективной* невозможности, но в §§ 323-325 он охватывает собою и случаи *субъективной* невозможности (Unvermögen), ибо, в силу § 275 Герм. Ул. для *последующей* невозможности оба подвида его равнозначны. В ГК нет нормы, соответствующей § 275 Герм. Ул., хотя она вполне жизненна и необходима, а потому самый термин *„невозможность исполнения“* (ст. 118, 119, 129, 144-7 ГК) лишается своей определенности. В нашем современном юридическом наречии юристы-практики пользуются термином *„объективная невозможность“*, со ссылкой на ст. 144 ГК, для обозначения безответственности лица, не учитывая двух истин: во 1-х, того, что в этих ст. ст. речь идет о *всякой* невозможности, и во 2-х, того, что этот способ защиты недостаточен, т. к. слово „объективный“, как нами указано выше, еще не означает „субъективно-безупречный“ [2]). Еще менее оно означает безответственность лица. Последующая невозможность *не уничтожает договора*, и ее последствия зависят: во 1-х, от вопроса о виновности или невиновности той или другой стороны (ст. 144 сл. ГК) и, во 2-х, от распределения риска: periculum obligationis (ст. 186 ГК) и, в 3-х, от договорных условий (ст. 118 ГК).

Подводя итоги всему вышеизложенному, мы приходим с следующим выводам, которые, мы полагаем, необходимо учесть при будущей ревизии ГК.

Надо ввести в ГК (в общую часть договорного права), в соответствующей редакционной обработке, такие правила: договор, по которому объективно невозможно учинить удовлетворения, вследствие естественных препятствий или наличия запретительной нормы, недействителен. Контрагент, вводящий другую сторону в заблуждение касательно действительности договора, должен уплатить ей возникшие

---

[1]) Это имеет место не только в случае, предусмотренном ст. 119 п. 1 ГК., но и в случаях недостаточности имущества должника для удовлетворения кредитора. Быть может, следовало бы расширить объем ст. 119 п. 1 ГК и на эти случаи, т. е. оговорив в законе, что недостаточность имущества ни в каком случае не освобождает его от ответственности перед кредиторами.

[2]) Последняя ошибка встречается не только у русских юристов, но и у зап.-европейских. Так, Клейнейдам под понятие объективной невозможности подводит все те случаи, которые не могли быть предотвращены при той степени заботливости, которая требуется по договору.

отсюда убытки [1]). Это обязательство отпадает, если противная сторона знает или должна была знать о невозможности исполнения. Если невозможное удовлетворение обещано под каким-либо отлагательным условием или сроком, то договор действителен, коль скоро невозможность будет устранена к моменту наступления условия или срока и сохранился интерес кредитора в продолжении силы договора.

В общую часть обязательственного права необходимо внести еще следующие новелы.

Поскольку иное не предусмотрено законом или договором, должник обязан проявлять заботливость, требуемую в деловых отношениях. Поскольку убыток оказался непредвиденным и непредотвратимым при соблюдении должником требуемой по закону или договору от него заботливости (случай), в частности вследствие наступившей невозможности исполнения обязательства, он не отвечает за возникший убыток. Доказательство наступления безответственного случая падает на должника. Если невозможность по своей природе преходяща, то обязательство не погашается, но за это время должник не впадает в просрочку. Но при слишком продолжительной невозможности исполнения, а также если, по своей природе, невозможность является длящейся, стороны имеют право отступления. Прекращенное обязательство не возникает вновь, вследствие того, что исполнение случайно стало вновь возможным.

Таков должен быть смысл новой редакции ст. 118 ГК. Отметим то новое, что вносится нами в старую редакцию.

Во 1-х, дается научное определение понятия *случая*, как круга событий, непредотвратимых контрактной заботливостью.

Во 2-х, старая ред. говорила: „*если* должник докажет". У нас лучше отмечается относительность отпадения ответственности: „*поскольку*" (это частичное исполнение может касаться места, времени, качества, количества). Конечно, все решает намерение сторон, ибо и частичное неисполнение равнозначно полному, если для сторон полнота удовлетворения (напр., срочное исполнение; ср. ст. 121, абз. 2 ГК) составляет существенное предположение договора.

В 3-х, скрытый (в форме презумпции) *принцип вины* требует для гражданской ответственности наличности не только внешней причинной связи обстоятельства, сделавшего исполнение невозможным с тем или иным действием должника (imputatio facti), но и вменение его в вину должнику, что обусловлено наличием *предвидения* (provideri) последствий своих действий.

В 4-х,—и это самое главное—мы освобождаем ст. 118 ГК от той узкой формы, в которой она пребывала, очевидно под влиянием зап.-евр. законодательств. Наступление *невозможности исполнения* включено в статью не как единственное, а лишь как примерное средство защиты должника.

Т. Яблочков.

---

[1]) Мы не вдаемся в мало продуктивные теоретические контроверзы о том,—на каком титуле (на законе, на деликте, на договоре) основана такая ответственность стороны в данном случае.

Исковая давность по обязательствам из причинения вреда по Гражданскому Кодексу [1]).

Пленум Верхсуда полагает, что право на предъявление иска по 403, 404 и сл. ст. Г. К. возникает *лишь* с момента, когда потерпевший мог и должен был знать о причинении ему убытка, т.-е., в случае увечья, с того дня, как выяснился его вред.

Т. обр., Верхсуд считает, что иск потерпевшим может быть предъявлен не с момента причинения ущерба, а со времени, когда потерпевши *мог и должен был* узнать об этом ущербе, полагая при этом, что такое исчисление давностного срока является общим правилом для обязательств из причинения вреда и основывается на 45 ст. Г. К.

Можно, конечно, спорить о справедливости и целесообразности тех правовых положений, которые созданы пленумом Верхсуда, но ни в коем случае не приходится признать их основанными на нашем законе, что я и постараюсь здесь доказать.

В тезисах разбираемого постановления обнаруживается стремление перенести в наше право положения, заимствованные из Германского Гражданского Уложения, оставаясь на почве ст. 45 Г. К.

Для проведения этой точки зрения Верхсуд вынужден утверждать что *право на иск* у потерпевшего возникает только тогда, когда он узнает о понесенном им ущербе. При последовательном развитии этой точки зрения следует признать, что до этого он не только фактически *не мог*, но и *не имел права* предъявлять иск. Только путем такого неправильного утверждения оказывается возможным вести исчисление срока исковой давности с момента, когда потерпевший узнал об ущербе, так как наш Г. К. всегда приурочивает начало течения исковой давности к тому моменту, когда управомоченный получил право на предъявление иска.

Совершенно правильно германские и швейцарские юристы, говоря о сокращенной давности по обязательствам из правонарушений, противопоставляют способ ее исчисления общему правилу, а этим последним и для нашего Г. К. (ст. 45), и для Герм. Гражд. Улож. (§ 198) и для Швейц. Зак. об Обяз. (ст. 130) является исчисление срока исковой давности с момента возникновения права на иск.

В германском и швейцарском праве имеются, т. обр., специальные правила для исчисления срока исковой давности по обязательствам из правонарушений. В нашем Г. К. такого специального правила нет, и его введение Верхсудом идет в разрез с ясными положениями закона.

Совершенно не обоснованным является утверждение пленума Верхсуда, что право на предъявление иска по обязательствам из причинения вреда возникает со дня выяснения этого последнего (при увечьи, почему-то: со дня выписки из больницы?!).

Важно не то, когда выяснился вред, а то, когда этот вред причинен. Со времени причинения вреда потерпевший имеет право требовать его возмещения, имеет, следовательно, право на соответствующий иск. Подтверждением этого положения может служить текст

---

[1]) См. журн. „Право и Жизнь“ 1926 г., кн. 4—5.

ст. 403 Г. К., в которой сказано: „*причинивший* вред личности и имуществу другого обязан возместить причиненный вред...“ Следовательно, с момента причинения вреда возникает обязанность причинившего его возместить, а отсюда и соотв. право требования.

Незнание потерпевшего о вреде, ему причиненном, есть вместе с тем лишь незнание о своем уже возникшем праве. В подлежащих случаях оно может послужить основанием для продления исковой давности в порядке ст. 49 Г. К. К тому же, в случае увечья—пострадавшему факт причинения ему вреда бывает обычно известен сразу же вслед за причинением. То, что Верхсуд понимает под „выяснением убытков“ есть, в сущности говоря, выяснение *размеров и длительности* последствий полученного увечья. Судебно-медицинская экспертиза может и то и другое выяснить, с известной приближенной точностью, почти в первые же недели после причинения увечья, назначив в сомнительных случаях переосвидетельствование через определенный период времени.

Т. обр., Верхсуд совершенно неправильно считает, что до выяснения ущерба и его размеров потерпевший не имеет права на иск, а потому не начинается и течение исковой давности. У лица потерпевшего увечье право на иск возникает с момента причинения увечья, а потому, на точном основании ст. 45 Г. К., с этого момента начинается и течение исковой давности.

Следует учесть также и то обстоятельство, что особое определение начала течения исковой давности по обязательствам из причинения вреда может быть допущено, как уже отмечено выше, только при наличии двойной давности, в противном случае оно может привести к вечному иску, в нарушение основ института давностного погашения исков.—У нас такой двойной давности не установлено, а потому не может быть и подобного порядка исчисления срока исковой давности.

Необходимо, в результате изложенных соображений, притти к выводу, что наш закон (ст. 45 Г. К.) дает точное и ясное решение поставленного вопроса. Пленум Версуда вводит правило, законом не предусмотренное, заимствуя соответственную норму из иностранного права и внося в нее такие изменения, которые делают ее неприемлемой не только de lege lata, но и de lege ferenda [1]).

Наши дореволюционные Законы Гражданские не давали в общей форме разрешения вопроса о давности по обязательствам из причинения вреда, а в частности—о начале ее течения. Этот пробел восполняла Сенатская практика.

Резюме всей предшествовавшей практики Сената было дано в определении по делу Скопинского Городского Банка (1895 г. № 30), в котором говорится, что „началом исковой давности должен быть признаваем самый момент нарушения, при чем не делается различия

---

[1]) Интересно отметить попутно неправильность выводов Верхсуда также специально применительно к случаю Романщука: Версуд полагает, что Романщук мог и должен был знать о причинении ему убытков только со дня выписки его из больницы. Но из описательной части того же постановления Пленума видно, что еще во время пребывания в больнице этот гражданин обращался в органы Социального Страхования с просьбами о назначении ему пенсии и о выдаче ему протез. Т. обр. вывод Пленума, что Романщук узнал о причиненных ему убытках только после выхода из больницы, совершенно не соответствует обстоятельствам дела, установленным Судом, разбиравшим дело по существу.—Очевидно, Верхсуд имел в виду выяснение не столько самого наличия убытков от увечья, сколько их размеров и продолжительности. И то и другое совершенно не необходимо для предъявления иска.

между гражданским правонарушением и уголовным... Начало исковой давности определяется исключительно временем совершения того нарушения, которое служит основанием иска, *независимо от того, когда такое нарушение сделалось известным пострадавшему от него лицу*".

То же положение высказывает в своей монографии о давности проф. Энгельман [1]), отмечая, что по иску о вознаграждении за вред и убытки начало течения давности определяется „со дня совершения действия, причинившего вред и убыток..." „По обязательствам о вознаграждении за вред и убытки *иск возникает и течение давности начинается* со времени совершения преступления и проступка или события, причинившего вред".

Иначе разрешался этот вопрос 683 ст. I ч. X т. для ответственности железнодорожных и пароходных предприятий: „Потерпевшие вред или убыток вследствие смерти или повреждения в здоровье получают вознаграждение от владельцев железнодорожных и пароходных предприятий на основании следующих правил:... Для начатия исков по делам об означенном в пункте 1 вознаграждении полагается годичный срок, если несчастие произошло на железной дороге или на внутренних водных путях сообщения, и двухлетний, когда оно последовало на пароходе в морских водах. Срок для начатия исков исчисляется: а) если несчастие произошло на железной дороге, то со дня воспоследования события, служащего поводом к иску, а если событие это вызвало уголовное преследование, то со дня прекращения сего последнего или вступления в законную силу приговора уголовного суда, и б) если несчастие произошло на внутренних водных путях сообщения или на пароходе в морских водах, то со дня последовавшей смерти или повреждения в здоровье. Ходатайства этого рода, предъявляемые по истечении сего срока, не подлежат удовлетворению. Подача просьб об изменении размера присужденного срочного пособия п. б, не ограничивается никаким сроком..."

Таким образом, течение исковой давности по искам за увечье или смерть, по коим ответственными были железные дороги, было весьма льготным для последних, как в отношении срока, так и в отношении порядка его исчисления. В этом последнем отношении здесь имелось то же положение, какое установлено в германском и швейцарском праве для определения начала течения исковой давности по обязательствам из причинения вреда, когда к этим обязательствам применяется общая тридцатилетняя (в Швейц. праве—10 л.) давность, но отнюдь не для случаев применения трехгодичной (одногодичной), т. е. сокращенной давности. В этих случаях, как было указано, применяется способ исчисления значительно более льготный для потерпевшего.

Как говорит *Ф. Осецкий* [2]): „Давностный срок железнодорожных законов имеет абсолютный характер: он течет... против тех, которые не знали о принадлежащем им праве; против тех, которые находились в физической невозможности начать судебное дело; против тех, наконец, для которых самое право на вознаграждение возникло после

---

[1]) И. Е. Энгельман. „О давности по русскому гражд. праву", изд. 3-е СПБ 1901. Стр. 328 и 330.

[2]) „Смерть и увечье при эксплоатации железных дорог" СПБ 1886 г., стр. 139-140.

истечения годового срока с момента случая, причинившего личное повреждение“ [1]).

Эта же точка зрения с совершенною определенностью неизменно проводилась практикой Сената.

Таким образом, в русском дореволюционном праве исковая давность по обязательствам из причинения вреда начинала течь со времени возникновения права на иск, только для исков к жел. дорогам, основанным на 683 ст. Законов Гражданских, начало течения исковой давности приурочивалось к моменту вредоносного события. Другими словами: в отношении обязательств из причинения вреда, как таковых, не делалось никаких отступлений от общего правила.

Все вышеизложенное заставляет признать, что по нашему действующему праву начало течения исковой давности по обязательствам из причинения вреда во всех случаях приурочивается к моменту возникновения права на иск, то-есть к моменту причинения ущерба. Знание или незнание потерпевшего об этом ущербе не влияет на начало течения давности по этим искам.

3.

Как отмечено выше, течение исковой давности может быть приостановлено и прервано благодаря привхождению различных законом предусмотренных обстоятельств. На обязательства из причинения вреда распространяются все общие основания, приостанавливающие и прерывающие течение исковой давности. Вместе с тем для некоторых из них установлены также и некоторые специальные случаи перерыва и приостановки, которые здесь и должны быть разобраны.

Такие специальные прерывающие и приостанавливающие давность обстоятельства устанавливают в нашем действ. праве статьи 413 и 414 Г. К. и ст. 104 (в связи со ст. 97) Устава ж. д., а именно: 1) обращение в органы социального страхования и 2) возбуждение вопроса о преступности действий или бездействия предпринимателя, коими причинен вред (ст. 413 и 414), прерывают исковую давность; 3) заявление претензии в т. наз. рекламационном порядке в соотв. Управление или Правление Дороги приостанавливает течение давности (ст. 104) [2]).

Все эти обстоятельства являются необходимым условием для предъявления иска к данному ответчику и вместе с тем проявлением активности потерпевшего в осуществлении принадлежащего ему права на возмещение понесенного им ущерба.

Интересно сопоставить эти случаи с общим правилом устанавливаемым § 210 Германского Гражд. Уложения для подобного положения: „Если допустимость обращения в суд зависит от предварительного разрешения вопроса каким-либо должностным лицом.., то давность прерывается подачею заявления должностному лицу.... в равной мере, как через предъявление иска..., если при этом в течение

---

[1]) Далее автор приводит следующие примеры: „Во время крушения поезда человек выбрасывается из окна вагона, ударяется головою о полотно дороги, впоследствии иногда страдает головною болью, но особенного ничего не замечается; спустя 13 мес. у него является потеря памяти и полный упадок умственных сил. Пока повреждение представлялось обыкновенною головной болью, предъявлять иск не было практической возможности, а когда обнаружилось, что повреждение серьезно—иск стал юридически невозможным... Ребенок получил ушибы при столкновении поездов,—вредные последствия явились только после достижения совершеннолетия, спустя несколько лет...“.

[2]) В. Фелонов.—„Приостановление и перерыв течения давностного срока по искам к железным дорогам “—„Е. С. Ю.“ № 16 за 1925 г. Об исковой давности по действ. жел. дор. праву см. продолжение настоящей статьи.

трех месяцев, после разрешения вопроса (должностным лицом), будет предъявлен иск...“

Пленум Верхсуда РСФСР в упомянутом выше постановлении по делу Романщука отмечает:

„3) что потерпевший не мог предъявить иска, пока на основании ст. 414 ГК не был предварительно вырешен вопрос, не имеет ли он получить полностью или отчасти возмещение вреда в порядке социального страхования, и пока об этом решении по его, поданному им в срок, заявлению ему не было объявлено.“

Следует принять во внимание, что наш закон [1]) различает следующие положения:

1) Когда потерпевший *не был застрахован вовсе*,—и не должен был быть застрахован,—постановления ст. 413 и 414 ГК к нему не имеют применения, т. е. он не обязан (и не может) обращаться с просьбой о пособии в органы Соцстраха; в связи с этим—подача им заявления в страховые органы не прерывает течений исковой давности.

2) Когда потерпевший *был* или должен был быть в момент причинения ущерба *застрахован* лицом (или предприятием), *причинившим ущерб*.

В этом случае предприниматель, причинивший вред, по общему правилу, не обязан возмещать ущерб.—Он обязан возместить расходы Соцстраху, в порядке регресса последнего после удовлетворения потерпевшего, и выдать этому последнему дополнительное возмещение до полного возмещения вреда, поскольку потерпевший не получил такового от органов Соцстраха,—*если вред причинен преступным действием или бездействием предпринимателя* [2]).

3) Когда потерпевший *был* или должен был быть в момент причинения ущерба *застрахован* третьим лицом, а *не причинившим* ущерб.

В этом случае потерпевший также в первую очередь должен обратиться в Соцстрах, последний же в порядке регресса имеет право требования к лицу, причинившему вред в размере выданного пособия.

Если Соцстрах не дает полного возмещения вреда, потерпевший имеет, как и по 413 ст., право дополнительного требования к причинившему вред [3]).

Т. обр., при наличии преступного деяния со стороны причинившего вред страхователя, а также в том случае, когда вред причинен не тем, кто платит или должен платить страховые взносы, выступает ответственность причинившего вред перед Соцстрахом (в порядке регресса) и перед потерпевшим (в размере разницы между действительным ущербом и пособием от Соцстраха) [4]).

---

[1]) Ст. 413 и 414 ГК.

[2]) Ст. 413; ст. 191 Код. Зак. о Труде постановляет, что работающий по найму, даже если страховые взносы за него нанимателем не уплачены, является застрахованным от всех видов социального риска, предусмотренных законом. См. З. Тетенборн.—Советское Социальное Страхование, 1925. Стр. 134.

[3]) Ст. 414.

[4]) Интересно отметить, что в данном отношении Пленум Верхсуда вторично вошел в противоречие с фактич. обстоятельствами дела, отмеченными в самом его постановлении.

Верхсуд утверждает, что гр. Романщук не мог предъявить иска к Правлению Сев.-Кавк. ж. д. до получения ответа на поданное им заявление от органов соц. страхования. Однако, в описательной части того же постановления сказано, что хотя гр. Романщук и обращался в Соцстрах с просьбами о назначении пенсии, но ему в этом было отказано, в виду того, что он, как безработный, не был застрахован.

До предъявления требования к Соцстраху и получения ответа от него, требование к причинившему вред не может быть заявлено. Вместе с тем, как правильно полагает Верхсуд, само по себе это требование к Соцстраху должно быть заявлено в срок, то-есть до истечения исковой давности. Отсюда видно, что начало течения давности не отодвигается до получения ответа из органов соц. страхования: давность начинает течь с момента причинения ущерба, но *подача заявления в органы соц. страхования прерывает ее течение.*

В этом смысле следует понимать постановления 413 и 414 ст. ГК, так как иначе давностный срок сам по себе удлинялся бы при наибольшем небрежении потерпевшим защитой своих интересов. Давность почти никогда не могла бы быть пропущена.

Необходимо признать, что и в том случае, если заявлению ходатайства в органы соцстраха мы будем придавать значение обстоятельства, прерывающего течение исковой давности по увечным делам,— все же замедление ответа от Соцстраха может весьма значительно оттянуть предъявление иска. Было бы целесообразнее связывать с этим обстоятельством не перерыв, а приостановку течения давности, но, с точки зрения действующего права, ст. 413 и 414 ГК устанавливают именно перерыв, а не приостановку исковой давности.

Таким образом, подача заявления в органы соц. страхования, обязательная для всякого потерпевшего, если он застрахован или вообще принадлежит к числу работающих по найму, должна быть выполнена в пределах срока исковой давности. В этом случае такой подачей течение исковой давности прерывается. После получения ответа от органов соц. страхования давность начинает течь сызнова.

Несколько иной характер носит возбуждение вопроса о преступности действий или бездействия лица, причинившего вред, имеющее своим последствием уголовное преследование и в подлежащих случаях установление преступности в действиях или бездействиях причинившего вред.

Как уже было указано выше, последнее обстоятельство обусловливает ответственность страхователя перед органами соц. страхования и потерпевшим (413 ст. ГК), а потому должно быть установлено предварительно.

Само по себе это возбуждение вопроса о преступности так же, как и обращение в Соцстрах, не отдаляет начала течения исковой давности, но лишь прерывает его. Следовательно, в данном случае возбуждение уголовного преследования может быть приравнено к предъявлению иска, хотя бы в возникшем уголовном деле не был своевременно заявлен гражданский иск.

Давность уголовного преследования при этом может не совпасть с давностью на предъявление иска в общегражданском порядке. В этом случае следует допустить заявление гражданского иска в пределах уголовной давности [1]).

Следовательно, гр. Романщук не мог и не должен был обращаться в органы Соцстраха. Ст. 413 и 414 имеют в виду исключительно те случаи, когда потерпевший был или должен был быть застрахован, а потому мог расчитывать получить пособие от Соцстраха.

[1]) По швейцарскому праву при уголовной наказуемости деяния, в результате коего причинен ущерб, иск в гражданском порядке может быть предъявлен в пределах давности уголовного преследования, которая исчисляется со времени совершения преступного деяния ст. 60, 2-ой абзац. См. Virgile Rossel, цит. стр. 98 соч.

Т. обр., признание преступности тех действий или бездействия лица причинившего вред, коими этот вред причинен, является необходимым условием для ответственности страхователя, причинившего вред, как перед самим потерпевшим (дополнительное требование), так и перед органами социального страхования (регресс).

Возбуждение вопроса о наличии преступного характера до предъявления иска прерывает течение исковой давности и в отношении притязания, направленного на возмещение вреда.

При этом необходимо разрешить весьма спорный вопрос: что здесь следует понимать под „преступностью", и кем и в каком порядке должна быть установлена наличность преступности в действиях или бездействии лица, причинившего вред.

Вопрос сводится здесь к выяснению наличия или отсутствия состава преступления, непосредственно предусмотренного Уголовным Кодексом, или же получаемого путем аналогии в порядке ст. 10 УК.

Совершенно правильно высказывается по этому поводу *С. И. Раевич* [1]): „Такое освобождение от ответственности (предусмотренной первым абзацем 413 ст.) не наступает при наличии преступного действия (или бездействия) предпринимателя (или вообще застраховавшего). Преступным же, согласно ст. 6 УК, признается „всякое общественно-опасное действие или бездействие, угрожающее основам сов. строя и правопорядку, установленному на переходный к коммунизму период времени". При этом установление преступности может последовать через ст. 10 УК".

Так же разрешает вопрос и проф. *А. Е. Семенова* [2]): преступное действие или бездействие она приравнивает к преступлению.

Правда, эти авторы не указывают, кем и в каком порядке должна быть установлена преступность поведения причинившего вред, но, поскольку они связывают вопрос с Уголовным Кодексом, следует признать единственно соответствующим их точке зрения установление наличия состава уголовного преступления через специально для того предназначенные судебные органы.—*Преступность должна быть установлена уголовным судом в порядке уголовного судопроизводства*, а отнюдь не гражданским при производстве гражданского дела по иску потерпевшего или Страхкассы.

Такова точка зрения Пленума Верхсуда УССР, выраженная в его постановлении от 16 ноября 1925 г. („В. С. Ю. № 2 (60) за 1926 г. стр. 82).

„Под преступным действием или бездействием следует понимать все те деяния и упущения, которые признаются преступными по Уголовному Кодексу (ст. 132, 156 УК), если означенные действия и наступление в результате их страхового случая будут установлены приговором уголовного суда.

Примечание. В тех случаях, когда вследствие акта об амнистии или других причин дело в уголовном порядке прекращается или не было возбуждено, событие нанесения ущерба преступным действием или бездействием устанавливается гражданским судом".

На совершенно противоположной точке зрения стоит Верховный Суд РСФСР.

---

[1]) Комментарий к Г. К. изд. И. К. П., 2 изд. 1925 г. стр. 445 и сл.
[2]) Комментарий к Г. К. под ред. проф. Ал. Малицкого (2-е изд.); к ст. 413 и 414.

В циркуляре Верхсуда РСФСР № 18 от 18/VI-1924 г. [1]) сказано: „при наличии же со стороны страхователя доказанного в уголовном или гражданском порядке преступного действия или бездействия, последний в указанных в п. I случаях несет ответственность перед застрахованным до полного возмещения всего вреда, при чем слова „преступное действие или бездействие" следует понимать в широком смысле несоблюдения мер предосторожности или постановления работающего в условиях труда, при которых он вполне или отчасти утратил или мог утратить трудоспособность, безразлично, был ли вопрос на рассмотрении уголовного суда или нет".

В том же смысле: определение ГКК Верхсуда УССР от 26/IX-1924 г. по делу Маслия, цитированное у Семеновой.

Таким образом, преступное действие или бездействие приравнивается к гражданской вине, установление наличия таковой может быть произведено как в порядке уголовного, так и в порядке гражданского судопроизводства, при этом, как в специальном процессе, так и попутно, в связи с другим делом.

Совершенно прав *Ю. Кричевский* [2]), когда он, став на точку зрения приведенного выше циркуляра Верхсуда № 18, говорит, что в данном случае „Гражданскому Кодексу все же приходится столкнуться с принципом *вины* причинившего вред", что „при применении 413 ст. ГК возникает вопрос о вине предпринимателя"... При буквальном и формальном толковании этой статьи можно было бы признать, что преступное действие или бездействие предпринимателя должно быть предварительно установлено уголовным судом, а гражданская ответственность должна вытекать из обвинения предпринимателя по 156 ст. УК, предусматривающей „заведомое поставление работающего в такие условия работы, при которых он вполне или отчасти утратил или мог утратить свою трудоспособность". От такого *формального толкования* [3]) предохраняет циркуляр Верхсуда № 18, разъяснивший, что слова „преступное действие или бездействие" следует понимать в широком смысле несоблюдения мер предосторожности... при чем безразлично, был ли вопрос на рассмотрении уголовного суда или нет"... Исходя очевидно из социальных оснований охраны интересов увечных [4]) циркуляр разъяснил, что предусмотренные 413 ст. преступное действие или бездействие предпринимателя следует понимать не только, как действие уголовно наказуемое, но и как гражданско-неправомерное... Предприниматель, следовательно, обязан возместить убытки независимо от того, может ли иметь место применение к нему или к его служащим ст. 156 УК во всех случаях, когда установлена Судом неправомерность его действий..."

В заключение автор высказывает пожелание, чтобы слова „преступное действие или бездействие" были заменены в 413 ст. ГК словами—„умысел или грубая неосторожность", предлагая сопоставить это с 393 ст. ГК, вполне раскрывая этим теоретическую сущность положений, выставленных Верхсудом РСФСР.

Верхсуд конструирует ответственность предпринимателя по 413 ст., как ответственность, основанную на принципе гражданской вины, что совершенно не соответствует основной точке зрения нашего

---

[1]) „Е. С. Ю." № 26 за 1924 г., ГК. с постатейными материалами, стр. 876 и сл.

[2]) „Рабочий Суд" № 39—40 за 1925 г., стр. 1501-1506.

[3]) Вполне правильного!

[4]) Выше в той же статье говорится, что „при разрешении вопросов об ответственности за причинение вреда ГК стоит на социальной точке зрения причинения, а не на—индивидуалистической вины".

закона в вопросе об обязательствах из причинения вреда. Едва ли такое отступление от принципа причинения может быть признано целесообразным и правильным. Во всяком случае оно представляет собою *изменение* закона в порядке судебной практики.

Таковы специальные прерывающие исковую давность обстоятельства, установленные нашим законом для т. наз. увечных дел: обращение в органы социального страхования и возбуждение уголовного преследования против лица, причинившего вред.

4.

Незнание потерпевшего об ущербе, ему причиненном, и о лице, обязанном к его возмещению, несомненно является таким обстоятельством, которое может послужить основанием к продлению исковой давности, в порядке ст. 49 ГК.—Действительно, если потерпевший большую часть давностного срока ничего не знал о причиненном ему ущербе или о лице, обязанном к его возмещению, а потому до истечения давностного срока не успел предъявить иска, то можно признать в полнеосновательными те причины, по которым в данном случае пропущен срок исковой давности. Тем более это следует сказать о том случае, когда потерпевший узнал уже после истечения давностного трех (или одно)—годичного срока.

Следует, впрочем, иметь в виду, что такое продление давностного срока в порядке 49 ст. может быть допущено только в отношении обыкновенной трехгодичной давности, но не сокращенной—одногодичной.

Устанавливая специальные сокращенные сроки исковой давности, законодатель имел в виду не допустить по тем или иным причинам применения общей трехгодичной давности к тем или иным искам. Так, например, примечанием к 404 ст. ГК, как уже отмечалось выше, введена сокращенная одногодичная давность по искам, основанным на настоящей статье и направленным против госорганов. В данном случае не может быть поэтому допущено судейское продление давности.

Это понимание полностью принято практикой ГКК и Пленума Верхсуда РСФСР [1]).—Последний разъяснил, что „ст. 49 ГК. о праве суда на удлинение общего давностного срока непременима к сокращенным срокам давности или к срокам давности, установленным специальными законами (как то: полож. о векс., уст. ж. д.)...“

В кажущемся противоречии с этим 3-м пунктом разъяснения находится п. 4, разрешающий суду восстанавливать срок на подачу искового заявления в порядке 62-63 ст. ГПК.

Однако, это восстановление *процессуального срока* не имеет ничего общего с продлением давности в порядке 49 ст. ГК., но касается лишь самого *принятия к рассмотрению искового заявления, поданного с пропуском срока,* и должно противополагаться оставлению этого искового заявления без рассмотрения. Это восстановление касается исключительно процессуальной стороны давностного срока, аннулирует его процессуальные последствия.

---

[1]) Определения ГКК по делу № 31470-1924 г. (Сборник, стр. 51 и сл.); постановление Пленума Верхсуда по делу Романщука и разъяснение от того же 16/XI-1925 г., неоднократно цитированные.

Верховный Суд РСФСР совершенно правильно не допускает в интересующем нас случае продления давностного срока или точнее: признания пропущенного срока не пропущенным.

На иной точке зрения стоит Верховный Суд УССР, полагающий, что продление давности в порядке 49 ст. ГК применимо и к специальной давности, установленной примеч. к ст. 404 ГК. (Опред. ГКК по делу № 132-1924 г. по иску Гликлан к Харьковскому Горткомхозу, см. „В. С. Ю.“ № 5 (63) за 1926 г. стр. 202, С. З.). Сколько-нибудь серьезного обоснования этого положения в определении не проводится.

IV.

Подводя итоги предшествующим рассуждениям, следует притти к выводу, что наше законодательство почти не выделяет исковую давность по обязательствам из причинения вреда, не создает для нее сколько-нибудь существенных особенностей.

Общегражданский трехгодичный давностный срок распространяется и на обязательства из причинения вреда, поскольку в качестве причинившего вред не выступают органы государства, деятельность которых связана с „повышенной опасностью для окружающих“ (прим. к 404 ст. ГК).

Начало течения исковой давности по этим обязательствам совпадает с моментом возникновения права на иск (45 ст. ГК.), а этот последний—с моментом причинения вреда.

Попытка Верховного Суда РСФСР связать начало исковой давности с моментом, когда потерпевший узнал или должен был узнать о причиненном ему ущербе, совершенно не соответствует действующему законодательству.

В отношении перерыва и приостановки течения исковой давности интересующие нас обязательства подчиняются общим правилам (48, 50 и 51 ст. ГК.). Сверх того, прерывающее давность значение имеют для увеченных дел обращение в органы социального страхования и возбуждение уголовного преследования.

Продление давности допускается здесь на общих основаниях (ст. 49 ГК.), за исключением сокращенной давности, предусмотренной примечанием к 404 ст. ГК.

Б. Черепахин.

О варрантных операциях.

Среди ценных бумаг, имеющих значительное распространение в торговом обороте большинства европейских стран и Америки, особое место занимает варрант.

Значение варранта определяется тем, что, будучи всегда непосредственно связан с реальным обеспечением в виду товарной ценности, точно определенной как со стороны количественной, так и качественной, он в то же время по некоторым свойствам—возможности неформальной передачи по надписи, способу установления прав держателя и приобретателя и т. д.—приближается к природе векселя.

Благодаря этим своим качествам варрант способствует быстроте оборота, облегчая, с одной стороны, реализацию товаров и являясь, с другой, очень верным и гибким орудием кредита. Продажа товара

может быть совершена не только без взвешивания и перемеривания, но даже без предварительного осмотра. Вместе с тем варрант как бы создал особый вид торгового кредита, основанный и на вексельном и на закладном праве; при этом пользование подобным кредитом является наименее стеснительным для хозяина товара, который, как мы увидим ниже, не ограничен в распоряжении своим имуществом и имеет возможность в любой момент освободить свой товар от залога. Равным образом эта же система кредита предоставляет максимум выгод и для кредитора, обеспечивая ему быстрое взыскание неуплоченной в срок ссуды. Неуплата долга в срок влечет за собой протест, аналогичный вексельному, за которым следует продажа товара.

Несмотря на столь очевидную пользу для торгового оборота от внедрения варрантных операций, эти операции тем не менее не всюду достигли одинаковой степени развития. Достигнув наибольшего расцвета в С. А. Соединенн. Штатах, они почти совершенно не привились в дореволюционной России, несмотря на то, что последняя имела соответствующий закон еще с 1888 г. Это объясняется тем, что варрантные операции для возможности своего развития требуют определенных предпосылок, которые лежат в хозяйственно-экономических условиях той или иной страны.

Каковы же эти предпосылки или вернее факторы, которые в ту или или иную сторону могут повлиять на развитие варрантных операций?

Остановимся на наиболее главных из них.

Первая и наиболее важная предпосылка—это, конечно, развитие товарескладского хозяйства. В данном случае может итти речь о складах общественного пользования не только местного значения, но связанных удобными путями сообщения с отдаленными районами. Исторически дело происходило следующим образом: такие склады, учреждаемые первоначально для безопасности хранения и в целях экономии расходов, поскольку они сосредотачивали в себе большие товарные массы, постепенно стали вызывать к себе интерес и со стороны обеспечения кредита, что в свою очередь вызвало нормировку института товарных документов.

Второй, чрезвычайно важный фактор — это вопрос организации надзора за деятельностью склада. Отсутствие фактического контроля над деятельностью складов со стороны государства или общества естественно влияет на развитие варрантных операций отрицательно, подрывая доверие к варранту.

Такую же роль положительную или отрицательную играет порядок учреждения товарных складов (явочный или концессионный), требует ли государство от учредителей склада реального обеспечения в производимых операциях.

Но, пожалуй, наибольшее значение для развития варрантных операций имеет вопрос стандартизации.

Для того, чтобы в торговом обороте было доверие к варранту, необходимо, чтобы последний не вызывал никаких сомнений относительно воплощенной в нем товарной ценности. Всякое сомнение в количестве, натуре, марке и т. п. признаках, характеризующих товар, под которым выдан складом варрант, уже подрывает доверие к нему, как таковому, т.-е. как документу, который должен иметь т. о. абстрактный характер, приближающийся по своей сущности к денежным бумагам, отличаясь от последних лишь в том отношении, что выражением его ценности, и при том общезначимой, должен служить товар. Отсюда ясно, что отсутствие в стране единообразных методов стандартизации

и классификации товаров не может создать удобной почвы для развития варрантных операций. Если отдельные товарные склады и выработают для себя твердые стандарты, которым они будут руководствоваться при выдаче варрантов, это обстоятельство все же не может иметь существенного значения для успеха варрантных операций в целом; ибо варрант, как и вексель расчитан на обслуживание товарооборотов всей страны. Даже более того, варрант должен быть интернационален, приспособляясь и к внешнему товарообороту. И исторически и в настоящем дело обстоит так, что в тех капиталистических странах, где стандартизация товаров стоит на особенно большой высоте, как, наприм., в С.-А. Штатах и Канаде, варрант, благодаря приобщенной к нему вследствие этого общезначимости, играет большую роль не только во внутреннем товарообороте, но и во внешней торговле.

Так как варрант по своим свойствам приближается к природе векселя и при том переводного векселя, то для успеха варрантного дела некоторое значение имеет и вопрос, в какой степени в кредитном обороте данной страны играет роль переводный вексель.

Наконец, в качестве последней предпосылки следует указать на самый закон, регулирующий деятельность товарных складов и систему и обращение выдаваемых ими документов.

Теперь станет понятным, почему дореволюционная Россия с ее мало концентрированными капиталами, не только не выработавшая твердых стандартов, но даже единой системы мер и весов, почти не знавшая в своем обороте переводного векселя, не могла достигнуть сколько-нибудь значительных успехов в развитии варрантных операций.

В противоположность старой России Советский Союз заключает в себе большие возможности для успешного развития товаро-складского дела и связанных с ним варрантных операций.

Система планового хозяйства с монополией внешней торговли, связанная с маневрированием большими массами товаров, безусловно благоприятствует развитию товаро-складского хозяйства.

Равным образом, из принципов Советского хозяйства вытекает и необходимость правильной постановки классификации и стандартизации товаров—это диктуется регулирующей ролью Советского государства во всех областях хозяйственной жизни.

Далее, из совокупности всех условий нашего хозяйственного строя можно с уверенностью допустить, что варрантные склады будут у нас учреждаться или государственными и кооперативными организациями или смешанными обществами с преобладанием государственного капитала и, как все отрасли народного хозяйства, будут находиться под бдительным контролем государства, что, конечно, должно способствовать созданию доверия к нашему варранту.

Уже сказанного достаточно, чтобы сделать вывод о том, что неудача варрантной системы в прошлом не является показательным для будущего.

Вопрос о создании у нас товарных складов с выдачей варрантов впервые возник в 1923 г., и тогда же по инициативе Госбанка и Наркомвнешторга был выработан законопроект, устанавливающий правила, регулирующие это дело.

Интересно отметить, что организации у нас варрантных складов придавалось первоначально значение не только в интересах кредита и достижения наиболее успешных результатов при реализации товаров, особенно на заграничных рынках, но отчасти предполагалось, что выдаваемые складом варранты могут также послужить в роли суррогатов денег. Варрант, конечно, ни в коем случае не может выполнить

функции денег: не говоря уже о том, что время обращения варранта ограничено сроком хранения товара на складе,—необходимо иметь в виду, что варрант лишь воплощает в себе твердую товарную ценность, денежное выражение которых может подвергаться значительным колебаниям. Но все же необходимо признать, что мысль о таком использовании варранта в свое время имела право на существование, особенно если принять во внимание, что она возникла у нас в период падающей валюты. С другой стороны—сама мысль о таковом использовании варранта лишний раз свидетельствует об его преимуществах, как ценной бумаги.

Вышеуказанный проект с некоторыми изменениями, касающимися главным образом системы документов, был впоследствии положен в основу правил соответствующего раздела проекта Торгового Свода 1923 г. И, наконец, почти через два года, т.-е. 11 сент. 1925 г. было опубликовано постановление ЦИК и Совнаркома СССР „О документах, выдаваемых товарными складами в приеме товаров на хранение", коим открывается возможность для производства у нас варрантных операций.

В противоположность обоим проектам закон, как это явствует уже из самого его заголовка, касается не всех сторон товаро-складского дела. Им лишь устанавливаются правила, регулирующие систему выдаваемых складом документов и их обращение, и лишь косвенно затрагивается вопрос о порядке дачи разрешений на выдачу варрантных свидетельств, окончательное же регулирование этого вопроса обусловлено изданием соответствующей инструкции.

Таким образом закон оставляет совершенно открытыми вопросы, касающиеся порядка утверждения варрантных складов регулирования подсобных операций складов и тарифов платы, ответственности складов, и вопрос о порядке приемов товара на хранение и др.

В отношении некоторых из указанных вопросов, как, напр., тарифа, подсобных предприятий и др. можно согласиться, что, принимая во внимание новизну дела, быть может является более целесообразным предоставить регулирование их на первых порах в порядке уставном, чем устанавливать соответствующие правила в общем законе. И когда практика выявит преимущество того или другого решения, можно будет ввести соответствующее дополнение в общий закон. Что же касается других, как, например, об ответственности складов, то умолчание о них в законе является уже большим пробелом его, особенно если принять во внимание, что нашим Гражданским кодексом договор поклажи, как известно, не регулируется.

Остановимся на наиболее существенных постановлениях нашего закона.

Право выдачи варрантных свидетельств закон предоставляет не всякому товарному складу, а только тем, которые получили соответствующее на то разрешение от Народного Комиссариата по внутренней торговле СССР (ныне НК по внут. и внеш. т.) или соответствующих наркоматов союзных республик по принадлежности.

Что же касается других складов, то таковым закон предоставляет право выдавать в приеме товаров лишь квитанции, которым не присвоены особенности варрантных свидетельств с их специфическими признаками.

В противоположность проекту торгового свода, варрантные свидетельства выдаются складами в приеме товаров на хранение как с обезличиванием, так и без обезличивания таковых. Это правило вызывает некоторые сомнения. Как мы уже выше указывали, успех вар-

рантной системы в значительной степени зависит от правильной постановки дела стандартизации товаров и установления правильной их классификации. В этом отношении товарные склады при наших условиях могли бы сыграть значительную роль, особенно, если им будет предоставлена широкая возможность подвергать поступающие в них товары некоторой дополнительной обработке (чистка, сушка, приведение в ликвидное состояние, повышение качества одного сорта путем смешения с другими и т. д.).

Но такого рода деятельность склад может осуществить лишь в отношении товаров, подлежащих обезличиванию. Предоставление складам права выдавать варрантные свидетельства и под отдельные партии товара, быть может, продиктовано интересами момента в виду новизны дела, в целях привлечения складчиков; и с этой стороны эта мера, в известной степени, может быть оправдана. Но в дальнейшем являлось бы на наш взгляд все же желательным, исходя из вышеуказанных соображений, ввести некоторые ограничения в отношении приема товаров, не подлежащих обезличиванию. Это могло бы быть достигнуто, как установлением путем инструкции иного порядка ответственности склада, более усиленной при приеме обезличиваемых товаров, как то практикуется в Канаде по закону 1912 г. и в отдельных штатах С. Америки, а также путем установления правила, согласно которого преимущественное право на пользование товарными складами должно быть предоставлено тем учреждениям и лицам, которые будут сдавать на хранение товары с обезличиванием их.

Следует отметить, что и дореволюционный закон устанавливал различие в порядке ответственности в этих двух случаях. В отношении товаров, принятых с обезличиванием, склад отвечал за утрату и повреждение их, вызванных даже непреодолимой силой. Такое усиление ответственности следует признать уже чрезмерной, так как она противоречит основной сущности договора поклажи, в силу которого склад ни в коем случае не является собственником сданного ему на хранение товара, а следовательно он не может отвечать за force majeur (vis maior).

В отношении системы выдаваемых складом документов закон устанавливает два вида таковых: двойные свидетельства и простые.

Двойное свидетельство состоит из двух частей, которые могут быть отделены одна от другой, а именно из складочного и залогового. Наш закон присваивает термин варрант лишь залоговому свидетельству. Содержание, повторяемое на каждом из этих свидетельств, состоит из обозначения: склада, наименования лица, от которого принят на хранение товар, товара по весу, роду, сорту и т. д., срока, на который товар сдан на хранение, платы за хранение, суммы, в которой застрахован товар, даты выдачи свидетельства и наименования лица, на чье имя выдано свидетельство. Таким образом и складочное и залоговое свидетельства являются именными.

Обладание обоими документами дает держателю их безусловное право распоряжаться товаром.

Оба эти свидетельства могут быть передаваемы вместе и порознь по передаточным надписям, именным или бланковым, при чем в отношении формы надписей, удостоверения прав держателей свидетельств и перехода прав к приобретателю применяются соответственно правила, установленные для векселей.

Кроме того, держатель складочного и залогового свидетельства, желающий разделить товар на несколько партий, в праве потребо-

вать, чтобы товарный склад выдал ему в обмен на первоначальные свидетельства, новые на каждую отдельную партию товара.

Передаваемое по надписи отдельно от складочного свидетельства залоговое свидетельство устанавливает в пользу приобретателя последнего залоговое право на товар в размере выданной по этому свидетельству ссуды и процентов.

Держатель же складочного свидетельства, отделенного от залогового, не лишен права распоряжаться товаром, собственником которого он остается, но не может брать его из склада до погашения ссуды, выданной по залоговому свидетельству. Его право распоряжения в этом случае состоит в том, что он имеет возможность передавать право собственности на обремененный залогом товар путем передачи по надписи оставшегося у него складочного свидетельства. При этом, конечно, долг переходит на нового приобретателя.

Таким образом, обращение двойного документа может происходить в двух направлениях путем передачи по надписям каждой его части с соответствующим переименованием, перенесением прав собственности и залога с предыдущего приобретателя на последующего.

Передача свидетельства по надписям не обставлена никакими формальностями за исключением первой передачи залогового свидетельства отдельно от складочного.

В этом случае закон требует, во-первых, чтобы надпись содержала в себе обозначение наименования лица, выдающего ссуду, сумму ссуды и условия, на которых она выдана, и, во-вторых, чтобы эта надпись была дословно повторена на обоих свидетельствах и засвидетельствована нотариальным порядком или внесена в реестр склада.

Следует подчеркнуть, что залоговое свидетельство является одновременно и документом, устанавливающим залоговое право на хранящийся на складе товар и в то же время векселем, которым устанавливается и личное право к должникам. Это следует из того положения, что „если через продажу товара не будет выручено всей суммы долга по ссуде, то держатель залогового свидетельства имеет право требовать от лица, получившего ссуду (первого надписателя), а по праву оборота и с последующих надписателей залогового свидетельства, недовыручennую через продажу товара сумму по ссуде согласно правилам, установленным в этом отношении для векселей“ (ст. 18).

Этого права держатель залогового свидетельства лишается, если неполучение им в срок платежа по ссуде не было им своевременно удостоверено посредством протеста.

Простое свидетельство, допускаемое нашим законодательством к обращению на ряду с двойным, состоит из одного документа и в противоположность последнему выдается на предъявителя.

Этот предъявительский характер простого свидетельства является в сущности его единственным преимуществом.

Простое свидетельство должно содержать в себе все те обозначения относительно товара, срока хранения и т. д., которые обязательны и в двойном, за исключением, конечно, наименования собственника товара. Залог осуществляется посредством передачи этого свидетельства кредитору с надписью, содержащей все те же обозначения, которые заключает в себе первая надпись при передаче залогового свидетельства отдельно от складочного, при чем эта надпись должна быть аналогично засвидетельствована или внесена в реестр склада. При этом должнику предоставлено право получить копию свидетельства с такой же отметкой. Такая копия заменяет

складочное свидетельство, отделенное от залогового (применительно к двойному). В дальнейшем простое свидетельство переходит из рук в руки путем простого вручения.

Права держателя простого залогового свидетельства соответствуют правам держателя залогового свидетельства, но такому свидетельству уже в меньшей степени присущи особенности векселя, так как в виду его предъявительского характера держатель его не имеет права регресса к надписателям в виду отсутствия таковых. С этой стороны может вызвать некоторые недоумения, что закон при определении прав держателя простого свидетельства ссылается между прочим и на выше приведенную нами статью 18, коей предусматривается и право регресса к надписателям.

Вопрос о преимуществах той или другой системы документов вызвал в свое время очень много споров как у нас, так и за границей. Сторонники ординарного свидетельства видели его преимущества в легкости обращения, вытекающего из предъявительского характера последнего. Сторонники двойного свидетельства выдвигали в качестве веского возражения против системы простого свидетельства то обстоятельство, что в последнем случае затрудняется возможность для собственника продать уже заложенный им товар.

В этом отношении интересно отметить, что из предшествующих изданию нашего закона проектов (Госбанка и торгового свода) первый предусматривал установление простого свидетельства, которое могло быть именным или выдано на предъявителя; а к последнему присоединялась копия, которой не присваивается значение распорядительного документа; копия, содержав в себе те же сведения, что и варрант подлинный, носит лишь характер осведомительный (на случай продажи товара).

Второй проект, наоборот, стал на точку зрения необходимости установления системы двойного документа. Практически вопрос о системе документов также решается разно. В одних странах (Франция, Бельгия, Австрия, Венгрия) принята система двух документов. В других (Голландия, Германия, Соедин. Штаты С. Америки) выдается лишь один документ.

Наш закон, как мы видели, выбрал компромисное решение, установив оба вида документов, а с другой стороны сблизил простое свидетельство с двойным, придав копии первого характер складочного свидетельства отделенного от залогового.

Нашему хозяйственному строю, пожалуй, более должна соответствовать система двойного свидетельства в виду именного характера последнего, особенно если принять во внимание, что нашу варрантную систему придется согласовать с монополией внешней торговли и ее лицензионным порядком. Равным образом некоторым возражением против введения двух типов документов может послужить соображение о нежелательности усложнений в виду новизны для нас всего варрантного дела.

С. Завелевич.

Вопросы цивилистики.

I.

Трудовой договор и „личный наем".

Старый вопрос о разграничении договора подряда от трудового договора до сих пор остается новым, привлекая к себе внимание целого ряда теоретиков и практиков советского права, посвятивших ему не мало, как статей, так и страниц в своих трудах. Это, конечно, вполне понятно. Как известно, правовое регулирование отношений, оформляемых в рамках этих договоров, в корне различно. Далее, избираемое в качестве профессии подрядничество (в смысле ГК) и работа по найму (в смысле КЗоТ) придают специфическую физиономию лицу, занимающемуся той или другой профессией, в области его взаимоотношений с государством („общественные права" по терминологии ГПК 20). Наконец, сопоставление подряда и трудового договора может оказаться небесполезным и с точки зрения более общего и также спорного вопроса о взаимоотношениях между ГК и КЗОТ.

Мы не будем останавливаться на анализе тех признаков, которые тот или иной автор выдвигал в качестве решающих для определения грани между трудовым договором и договором подряда. Отчасти потому, что это вкратце нами было проделано в нашей статье „Подряд и трудовой договор" („Вопросы труда" № 10 1924 г.). В еще большей степени потому, что после работы И. С. Войтинского „Трудовое право СССР" (ГИЗ 1925) мы считаем этот вопрос окончательно решенным. Главным же образом потому, что сейчас в нашу задачу не входит разграничение подряда от трудового договора. Мы имеем в виду высказать некоторые соображения по существу выдвинутого вопроса о введении в ГК нового понятия „личного найма" и той характеристики этого понятия, которое дает Н. Н. Рейнке в своей статье „Трудовой договор и подряд" („Право и жизнь" книга 2—3—1925 г.).

Основным мотивом, заставившим Н. Н. Рейнке выдвинуть мысль о введении в ГК нового договора, несомненно, явилась именно различная правовая характеристика, присваиваемая действующим законодательством лицам наемного труда, с одной стороны, и предпринимателям (а в их числе и подрядчикам) — с другой: „согласно принципу классового государства публичные права гражданина определяются его социальным положением",—говорит Рейнке. „Таким образом та или иная квалификация договора... может иметь публично - правовые последствия" [1]). Н. Н. Рейнке конструирует очень простую схему взаимоотношений между подрядом, трудовым договором и личным наймом. Для него и трудовой договор и подряд „суть ветви одного дерева—найма услуг". В свою очередь трудовой договор есть на ряду с договором личного найма не что иное, как виды одного и того же родового понятия. Общий ход мыслей автора нам представляется таким.

Существует общее понятие отношений, построенных на применении чужого труда в хозяйственном обороте. Такое применение осуществляется или в рамках подряда или—трудового договора. Но

[1]) Не будем останавливаться на терминологии автора, вытекающей, несомненно, из определенных обще-теоретических взглядов.

подряд может быть предпринимательским и трудовым. Установить грань между „трудовым подрядом“ и трудовым договором крайне затруднительно. И Рейнке выходит из этого затруднения весьма простым способом: он трудовой договор и „трудовой подряд“ (личный наем) объединяет в одну родовую категорию, но относит личный наем к сфере действия ГК.

Мы должны вообще заметить, что для нас формально-логический метод в области разрешения тех или иных спорных вопросов права представляется непригодным. Того же взгляда, очевидно, придерживается, и Рейнке. Он говорит, что „разграничение этих договоров следует искать в моментах, характеризующих самую сущность возникающего социально-экономического отношения, а не... юридических особенностях рассматриваемых договоров“. И когда мы так поставили вопрос о разграничении подряда и трудового договора, мы пришли к выводу, что перед нами не две „ветви одного дерева“, а совершенно различные отношения. В своей вышеупомянутой статье мы говорили: „если отношения подряда суть отношения *двух независимых сторон*... то трудовое отношение—это отношение *внутри единого* хозяйственного организма. Экономическая самостоятельность нанимающегося с момента установления трудового отношения поглощается нанимателем. В хозяйственном обороте выступает один последний“.

Таким образом, мы здесь принуждены отсечь одну из ветвей дерева, взрощенного Рейнке. Подряд мы относим в сферу труда экономически-самостоятельного, трудовой договор—в сферу труда несамостоятельного.

Но „личный наем“, который, по мнению Рейнке, является одним из видов того же родового понятия, к которому относится трудовой договор?

„Жизнь знает многочисленные случаи полной тождественности социально-экономического значения подряда и трудового договора“— говорит Рейнке: „рабочий, нанявшийся для вывоза мусора за сдельную плату на время, потребное для выполнения работы — очистки места (ст. 34 Код. Зак. о Труде), заключает трудовой договор,—тот же рабочий, обязавшийся очистить место от мусора с повозной платой,— есть подрядчик“.

Заметим, во-первых, что здесь Рейнке разграничивает подряд от трудового договора на основе формальных признаков, которые он сам считает крайне неустойчивыми. Далее, какая имеется в виду „тождественность социально-экономического значения“ обоих случаев? Очевидно, тождественность их заключается в тождественности результата: место в обоих случаях очищено. Но вряд ли возможно оценивая ту или иную передвижку в хозяйственном обороте, упускать из виду те формы, в которых эта передвижка произошла. В таком случае мы могли бы говорить о социально-экономической тождественности дарения и купли-продажи, ибо в результате обоих договоров происходит передвижка права собственности. Перед нами несомненное смещение понятий: „рабочий“, как лицо, занимающееся физическим трудом, и „рабочий“, как предоставляющий в смысле КЗоТ свою рабочую силу.

Нам представляется, что отмеченное смешение понятий вытекает с неизбежностью из другого,—и при том гораздо более серьезного,— смешения понятий труда и рабочей силы. „И при порядке“, говорит Рейнке, „объектом“ сделки может явится труд: сапожник, принявший на себя обязательство изготовить сапоги для заказчика из его материала, в сущности продает ему свой труд по изготовлению сапог“.

Рейнке упускает из виду, что приведенная им здесь же статья 27 КЗоТ говорит о предоставлении не *труда, а рабочей силы* [1]).

Труд не может быть объектом сделки. Труд есть процесс потребления рабочей силы, начинающийся уже после заключения трудового договора во исполнение последнего. Труд не является и объектом подряда, ибо для заказчика важен лишь результат труда. Действия же подрядчика его интересуют лишь постольку, поскольку они способствуют достижению этого результата.

Упуская из виду эту разницу между трудом и рабочей силой, Рейнке, как мы говорили выше, объединяет трудовой договор и „личный наем" в одну родовую категорию. Разница между ними, по мысли Рейнке, лишь в том, что трудовому договору свойственно подчинение нанявшегося хозяйской власти. Но характеризовать трудовой договор признаком личной зависимости нанимающегося — значит становиться на очень скользкий путь. Во-первых, известная зависимость в действиях по выполнению договора должна быть признана и за подрядчиком. Во-вторых, директор завода, например, в достаточной степени в своих действиях самостоятелен, не будучи самостоятельным предпринимателем. Наконец, говорить о хозяйской власти вообще можно лишь по отношению к трудовому договору, ибо при „личном найме" нет хозяина. Но в таком случае такое разграничение не что иное, как тавтология: трудовой договор от договора личного найма отличается исключительно тем, что он—трудовой договор. Хозяйская власть, несомненно, входит в содержание трудового отношения, но является признаком производным из экономической несамостоятельности нанимающегося по трудовому договору. Поскольку же некоторые „выражающие чисто трудовые отношения" договоры не предполагают подчинение хозяйской власти, постольку это значит, что они заключаются между субъектами равно-самостоятельными экономически, т.-е, по существу, не отличаются от подряда. *Личный наем не отличается по существу от подряда* и должен быть отнесен к одной с ним области со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Мы считаем, что если и возможно говорить о выделении особого договора личного найма, то лишь как разновидности подряда. И подряд и личный наем предполагают самостоятельное выступление обоих контрагентов в процессе общественного производства. Практически же вряд ли целесообразно к двум внешне переплетающимся договорам присоединить еще третий, с трудом отличаемый от одного из первых двух и по характеру регулирования не могущий существенно отличаться от подряда.

Возникает вопрос: каким же образом, выдвигая на первое место экономический признак, мы забываем об экономической разнице между пользующимся наемным трудом предпринимателем и мелким самостоятельным производителем-одиночкой?

ГК, как правило, не знает разницы в регулировании охватываемых им отношений в зависимости от экономической характеристики контрагента отношений. Для ГК каждый контрагент выступает, как самостоятельный субъект предоставленных ему прав. И если обязанности подрядчика в отдельных моментах усиливаются по сравнению с обязанностями контрагентов других договоров, то вовсе не потому, что ГК обязательно предполагает подрядчика эксплоататором; ГК лишь считает необходимым в интересах развития производительных сил

---

[1]) Того же характера ошибка И. Баркова („Подряд, заказ и трудовой договор" ЕСЮ № 44 1924): „разве подрядчик... не предоставляет... своей рабочей силы".

страны дать усиленную охрану заказчику, к какой-бы общественной группе последний ни принадлежал. Особенно резко эта усиленная охрана интересов заказчика выступает в Положении о государственных подрядах и поставках, которое, заметим, распространяется и на те случаи, когда в качестве подрядчика выступает также государственный орган.

Иное, конечно, дело в области законодательства, определяющего права и обязанности различных групп населения: административное, налоговое и т. п. Но мы полагаем, что в данный момент оно уже в достаточной степени учитывает разницу между эксплоататорским и трудовым предпринимательством.

Ив. Троицкий.

II.

Неиспользованный отпуск.

В Тимирязевской С. Х. Академии служил в качестве табельщика технического отдела рабочий Д. с 17-го ноября 1925 г. по 22-е декабря и был избран секретарем „Учкома“, где оставался до 4-го мая 1926 г., освобожденный от производственной работы в Академии; жалование получал от „Месткома“ учреждения.

Тем временем должности табельщиков в Академии были сокращены, о чем 15-го января 1926 г. было сообщено „Учкому“, 5-го же мая была упразднена согласно ст. 159 Тр. Код. должность секретаря „Учкома“, и Д. возвратился обратно на производство. Ему было объявлено, что по случаю сокращения работ вообще ему может быть предоставлена лишь временная работа, какая потребуется в академическом хозяйстве. На следующий день действительно ему поручена была на 3 дня работа по его специальности бетонщика (устройство бетонного пола), которую он закончил 9-го мая, получив соответственную плату.

15-го мая от Д. поступило исковое требование в Особую Сессию Народного Суда по Трудовым Делам: взыскать с Тимирязевской С. Х. Академии за неиспользованный отпуск и за прогульные дни со дня увольнения до дня удовлетворения иска.

Почему только с Академии?

В решении Трудовой Сессии 25-го мая исковое требование за прогульные дни отклонено. Что же касается компенсации за неиспользованный отпуск, то Суд постановил взыскать с Академии 25 руб. немедленно.

Решение обжаловано лишь представителем Академии, который настаивал, что ни ст. ст. 91, 114-120 Тр. Код., ни постановление НКТ СССР 14-го августа 1923 г. № 36 (Изв. НКТ 1923 г. № 4/28) не устанавливают, кто из нанимателей, у которых последовательно прослужил рабочий в общей сложности непрерывно $5^1/_2$ месяцев, обязан выплачивать денежную компенсацию полностью из своих средств; поэтому, так как бюджет Местного Комитета обособлен от бюджета Академии (ст. 162 Тр. Код.), то или соответчиками должны быть Академия и Местком, или при предъявлении иска только к Академии с последней должна быть взыскана лишь доля компенсации пропорционально времени производственной работы Д., ибо по делам данной категории ст. 166 и 5 Гр. Пр. Код. не устранены.

И вот Московский Губернский Суд 7-го июля 1926 г. отменил решение Трудовой Сессии по следующим основаниям: Истец работал сначала в Академии на производственной работе с 17-го ноября по 23-е декабря 1925 г., далее по 5-е мая 1926 г. работал по выбору секретарем Месткома, поэтому Суду надлежало или ограничиться присуждением компенсации за время проработанное на производстве или согласно ст. 166 ГПК привлечь в качестве соответчика Местком; присуждение же полностью всей исковой суммы противоречит установленным судом обстоятельствам дела (д. Губ. Суда № 15281).

Не стоило бы подробно излагать означенное кассационное решение, если бы до сих пор в судебной практике не игнорировался вопрос о том, как происходит денежная выплата за неиспользованный отпуск, когда претендент работал хотя бы и непрерывно более $5^1/_2$ месяцев, но не у одного нанимателя и при том у каждого из них менее этого периода времени (ст. 91 Тр. Код.). Общая структура Гражданско-Процессуального Кодекса не оставляет сомнения, что истцу надлежит указать ответчиками всех нанимателей, у которых он работал, или что ответчик имеет право привлечь соответчиков по ст. 167 Гр. Пр. Код., поскольку они известны. Закон (ст. 166 Гр. Пр. Код.) даже рекомендует это делать Суду по собственному почину.

Целесообразность сего понятна, ибо таким способом предотвращается необходимость ответчику вчинять иски к другим нанимателям о расчете за уплаченную полностью им одним компенсацию. Однако, в огромном большинстве случаев наниматели, не исключая государственных учреждений и предприятий, получали в судебных решениях оставление без всякого ответа ходатайства о привлечении соответчиков.

Поэтому знаменательно категорическое указание Народному Суду Губернским Судом на обязательность применения ст. 166 Гр. Пр. Код. в делах этого рода и на отсутствие права возлагать всю компенсацию на того нанимателя, к кому предъявлен иск.

Теперь продолжает оставаться пока открытым в судебной практике и у комментаторов Трудового Кодекса вопрос, от кого из нескольких нанимателей уволенный работник может требовать компенсацию за неиспользованный отпуск: от последнего уволившего его нанимателя или от того, кому он долее прочих проработал, или, наконец, по своему выбору.

Так как солидарности нанимателей в данном отношении закон не установил, то отпадает свобода работника в выборе ответчика. Повидимому, иск должен быть обращен к нанимателю, у которого более продолжительное время протекала служба истца. Это потому, что с него причитается наибольшая доля компенсации и, следовательно, по адресу этого ответчика предпочтительно обратиться в суд с иском к нему и прочим соответчикам.

Вообще приведенное решение, очень существенное в деле истолкования ст. 91, 114 и других Труд. Код., должно дать ключ к решению остальных вопросов, связанных с применением законодательных норм данной категории.

В. С. Малченко.

III.

Договор в сфере выселения из жилищ.

Как в недавно опубликованном постановлении (С. У. 1926 г. № 35), так и в прежних отмененных им декретах о выселении предусмотрены случаи, когда принудительное выселение носит характер переселения в предоставленное выселяющим учреждением помещение с использованием перевозочных его средств.

Может ли в этих случаях иметь применение соглашение выселяемого с выселяющим о том, что будет предоставлена вместо транспорта и помещения натурою—денежная компенсация?

Едва ли может быть указано на основе законности или целесообразности возражение. Если принудительно выселяемый в административном порядке предпочтет взять на себя заботу о приискании помещения и организации передвижения труда своих вещей под условием возмещения выселяющим расходов, и если обе стороны условятся относительно срока выселения и размера денежной компенсации, то все может произойти к обоюдному удобству и с наименьшим напряжением усилий. Но иногда согласованность действий сторон прерывается и нарушается либо по вине обеих или по вине одной из них, либо вследствие непредвиденного обстоятельства. Может, например, заболеть договоренный переселяемым перевозчик, может сгореть нанятое помещение или заявлен отказ его обладателя от выполнения договора найма и т. п. Каков должен быть исход?

В означенных изредка проявляемых случаях возможны две вариации. Или стороны почитают соглашение отпавшим, несостоявшимся, или настаивают на том, что взаимоотношение на основе закона о принудительном выселении в административном порядке уже преобразовалось в договорное отношение, которое подлежит реализации по нормам гражданского права и процесса. Если соглашение признать незавершенным, недействительным, то стороны возвращаются в первоначальную фазу отношений. Но если подлежащий выселению принял предложение осуществить выселение своими распоряжениями, получил деньги на расходы в условленном размере, даже выдал подписку очистить занимаемое помещение к определенному сроку, может ли означенное соглашение быть отменено односторонним заявлением одной из сторон? Может ли выселяющий потребовать свои деньги обратно и осуществить выселение в декретированном порядке? Может ли, равным образом, выселяемый отказаться от добровольно обусловленного соглашения?

Означенное соглашение нельзя считать незаконным (ст. ст. 30, 33, 130 Гр. Код.), нельзя признать прекращенным (ст. 129), невыполнимым (ст. 144), несоответствующим нормам административного выселения (ст. 172) и пр. Однако в каком порядке осуществляется соглашение? Судебным или административным?

Приняв во внимание, что договорное соглашение в таких случаях относится лишь до формы осуществления жилищных прав выселителя, ничуть не ликвидируя природы права, установленного 172 статьей Гр. Код., нужно утверждать, что для исполнителя должно быть безразлично приготовлено ли помещение, куда произойдет выселение, выселителем или выселяемым. Коль скоро имеется подписка выселяемого о согласии выселиться в определенный срок и о получении для найма нового помещения и перевозчика денежных средств от выселителя, то у административной и милицейской власти нет осно-

вания не приступить к принудительным мерам для очищения занятого помещения, хотя бы подлежащий выселению в административном порядке стал отказываться, под предлогом ошибки своей, в определении срока выселения, промедления в найме нового помещения и т. п. Цель закона о выселении в административном порядке—это спешное очищение домов и квартир от жильцов, захвативших помещения незакономерно, и от жильцов, занимавших помещение правомерно, но утративших в данное время свое право. Эта цель проводится в административном порядке под контролем прокуратуры, следовательно, предоставление выселяемому транспорта и нового помещения натурой ли или взаимно условленною компенсацией не должно менять отношения милиции к исполнению. Повидимому в новом законе 14-го июня 1926 года такой взгляд должен быть усмотрен в ст. 7 (последний абзац).

В судебной практике известно такое дело. В Тимирязевской Академии один из жильцов, подлежащих выселению в административном порядке, выдал подписку „очистить занимаемое помещение не позднее 19 сентября 1925 г. по подыскании помещения, если Правление Академии компенсирует меня на выезд и наем помещения в сумме 100 р.“ Деньги вручены Г-ву 15-го сентября 1925 г., но 20-го числа он подал заявление, что нужно получить еще 100 рублей. Так как милиция отказалась счесть подписку достаточною для принудительного выселения, то был вчинен иск о выселении. Народный Суд сначала признал дело в судебном порядке подлежащим прекращению, а после отмены такого определения Губернским Судом решил ответчика выселить, обязав Академию предоставить ему комнату равного размера; с ответчика взыскать 100 руб. в пользу Академии. Кассационная жалоба Академии была Губернским Судом оставлена 4-го мая 1926 г. без последствий. Таким образом ни одна из вышеизложенных проблем административного выселения судебною властью не разрешена. Но вопрос о том, может ли взаимное соглашение сторон быть нарушено волеизъявлением одной из них, получил утвердительный ответ, впрочем без изложения какого бы то ни было обоснования или хотя бы лаконического разъяснения (Д. Губ. Суда 1926 г. № 78221).

Правильно ли это?

В. С. Малченко.

IV.

Момент вступления в силу арбитражного решения.

Высшая Арбитражная Комиссия при Экономическом Совещании 13-го апреля 1926 г. утвердила решение Московской Областной Комиссии по иску Тимирязевской С. Х. Академии к Правлению Московско-Белорусско-Балтийской ж. д. В силу этого решения на ответчика возложена обязанность, во-первых, восстановить в 2-х месячный срок забор на меже лесной дачи Академии с полосой отчуждения ж. д., во-вторых, уплатить истцу судебные издержки.

Когда истец обратился в Московскую Комиссию с просьбою о выдаче исполнительного листа, то получился неожиданный отказ. В заседании, где обсуждался вопрос о выдаче листа, поверенный железной дороги представил справку о том, будто устройство забора уже начато и будет закончено в срок, к 19-му июля с. г. Возражение

представителя Академии в том смысле, что срок истек 13-го июня и что самое заседание Комиссии 18-го июня происходит после срока, очевидно не произвело впечатления и в определении Комиссии даже не отмечено. Повидимому отказ Московской Комиссии в выдаче исполнительного листа последовал по соображениям, высказанным юрисконсультом ж. д., а именно: резолюция Высшей Комиссии 13-го апр., изложено решение к 12-му мая, копия решения доставлена ответчику 19-го мая, 2-х месячный срок на сооружение забора начинается 19-го мая, окончание срока 19-е июля 1926 г.

Высшая Арбитражная Комиссия, куда была принесена жалоба от Академии на определение Московской Комиссии, постановила 2-го июля с. г. так: „Принимая во внимание, что судебное решение ВАК Экосо по кассационным делам входит в силу и подлежит исполнению с момента вынесения резолюции,—определение Московской АК от 18 июня 1926 г. отменить и предложить ей пересмотреть вопрос о выдаче Тимирязевской С. Х. Академии исполнительного листа, имея в виду при этом заявление поверенного Московско-Белорусско-Балтийской ж. д. в заседании АК того же числа о приступе к постройке забора и обязательство окончить ее к 19-му июля с. г."

Приведенная редакция определения способна вызвать недоумение относительно направления, в котором должен происходить пересмотр,—текст, констатируя точно момент вступления кассационного решения в законную силу, во второй части резолюции подчеркивает, что постройка забора закончится 19-го июля.

Однако, недоумения здесь не должно быть. Если бы Высшая Комиссия была несогласна лишь с мотивами Областной Комиссии к отказу выдать исполнительный лист, а не с резолютивным выводом об отказе, то это разумеется было бы ясно выражено,—было бы постановлено: определение оставить в силе, но по другим мотивам. Определением же ВАК отменено распоряжение об отказе с предложением пересмотреть вопрос о выдаче исполнительного листа. Таким образом упоминание о заявлении ответчика относительно выполнения постройки забора к 19 июля является просто обоснованием, почему нужно пересмотреть вопрос, и пояснением, что 2-хмесячный срок, начинаясь 13-го апреля, истекает ранее 19-го июля. Нельзя же допустить, что в резолюции ВАК первая часть текста расходится с концом. Не может, например, факт подачи жалобы после срока отодвинуть обязательность срока, если пропуск срока не имел уважительных причин; равным образом и течение срока не с 13-го апреля, но с 19-го мая, может быть оправдано лишь какими-либо закону соответствующими причинами.

За отсутствием в Положении об Арбитражных Комиссиях и в правилах их судопроизводства твердых норм о моменте вступления в силу решения, которое не оглашено одновременно с резолюцией, изложенное определение ВАК не лишено очень большого значения в практической жизни, как это обнаруживается хотя бы одним из эпизодов процесса Тимирязевской С. Х. Академии с Правлением Московско-Белорусско-Балтийской ж. д.

В. С. Малченко.

Об ответственности наследника по обязательствам наследодателя.

I.

Некоторые современные буржуазные законодательства, а равно наше недавнего прошлого, проводят, в виде общего правила, начало неограниченной ответственности наследника по обязательствам наследодателя. В этом отношении они примыкают к римскому праву, согласно коему наследник отвечал по всем обязательствам наследодателя, хотя бы последние превышали полученный актив. Наследник, становясь ответственным перед кредиторами, отвечал своею личностью, стало быть и всем достоянием. Только впоследствии императором Юстинианом была предоставлена наследнику общая льгота составить опись (инвентарь) наследства и тем ограничить свою ответственность по долгам размерами полученного наследства (beneficium inventarii [1]). Эта так называемая инвентарная система, созданная Юстинианом, являлась несомненною уступкою жизненным требованиям и послужила той канвой, на которой развились современные системы ограниченной ответственности наследника. Равным образом и в юридической литературе как Запада, так и нашей недавнего прошлого, установился определенный взгляд на объем ответственности наследника по обязательствам наследодателя. И многие юристы Запада и наши дореволюционной эпохи сходятся в том, что такая ответственность является неограниченною— ultra vires hereditatis, т.-е. не только в пределах имущества, полученного по наследству, но и собственным имуществом наследника, и при том применима как к наследникам по закону, так и по завещанию. Такой взгляд как теоретиков, так и практиков на размер ответственности наследника по долгам наследодателя соответствует свойству их воззрений на сущность права наследования. С точки зрения одних, наследование есть переход имущества со всеми правами и обязательствами от одного лица к другому по случаю смерти. Кто принял наследство, тот вступает в преемство умершего во всех его правах и обязательствах, представляет его личность. В этом отношении между умершим и его наследником существует единство личности. Иначе говоря, согласно этой теории, наследники представляют лицо наследодателя, составляют продолжение его личности; к ним вместе с правами переходят и все обязательства, лежащие на наследодателе. По мнению же других, такое универсальное преемство делает наследника продолжателем личности оставителя наследства, но не как определенной фигуры с индивидуальными особенностями, а как носителя имущественных прав и обязанностей. Наследник—продолжатель имущественно-юридической личности наследодателя, отвечающий по его обязательствам также, как и сам наследодатель. Переходящие на него обязательства и долги сохраняют тесную связь с имуществом и пределами его ценности, так что наследник не может быть обязан к уплате долгов из своих средств; он дает кредитору только то, что сам получил, или менее того, но во всяком случае не более.

---

[1]) Cod. VI. 30. 22.

Однако, как ни толковать значение и смысл такой фикции, вряд ли возможно на основании ее разрешить сущность вопроса об ответственности наследника. Иначе говоря, едва ли такое освещение вопроса является правильным, а отсюда следует, что едва ли справедливо считать начало ответственности наследника—ultra vires hereditatis неизбежным последствием универсального преемства. По нашему мнению, начало ограниченной ответственности — pro viribus hereditatis вполне допустимо и в сочетании универсального преемства. А если так, то вполне целесообразным, казалось бы, отрешиться от противоположного начала ответственности. Если уже в отдаленную эпоху римской империи чувствовалась жестокость принципа безграничной долговой ответственности наследника,—иначе не было бы оснований для Юстиниана устанавливать „beneficium inventarii",—то такое чувство сильнее говорит в наше время, когда народная жизнь имеет за собою целые века фактического применения обратного начала—ограниченной долговой ответственности наследника. Едва ли возможно возражать против того, что безграничная ответственность наследника есть нечто несправедливое и жестокое и что нет разумного основания возлагать на лицо, получившее определенное имущество по наследству, долговую ответственность не только этим имуществом или его ценностью, но и всем его достоянием. Начало ответственности наследника за долги наследодателя не только принятым имуществом, но и собственным, противоречит основному принципу права, заключающемуся в том, что во всякого рода гражданских сделках и во всякого рода способах установления гражданских прав и обязанностей—между правом и вытекающими из него обязанностями должно быть полное равновесие, т.-е., другими словами, никто в сфере частных правовых отношений не обязан ни делать, ни давать другим больше того, что сам получает. В противном же случае закон дозволял бы каждому безвозмездно обогащаться на счет другого, что, без сомнения, было бы противно не только понятию о праве, но понятию нравственности; наследники, неосмотрительно принявшие наследство, несут перед кредиторами наследодателя большую ответственность, чем какую понес бы он сам, оставаясь в живых. Ведь при таких условиях наследники иногда меньше приобретают, чем отдают, вследствие принятого ими наследства, а в силу этого, в свою очередь, кредиторы обогащаются на счет неосмотрительных или введенных в заблуждение наследников, так как получают больше, чем получили бы из имущества умершего должника, если бы оно осталось непринятым наследниками.

Подобное начало не оправдывается никакими даже практическими соображениями, ибо, при правильной системе приведения в известность имуществ, оставшихся после смерти лиц, нельзя опасаться того, что наследники будут иметь возможность скрыть от кредиторов наследодателя часть полученного ими наследства, а потому нет никакой надобности возлагать на них и ответственность за долги наследодателя в размере, превышающем стоимость принятого после смерти наследодателя имущества. Напротив, начало неограниченной ответственности, думается нам, скорее может вынудить наследника прибегать к мерам сокрытия своего собственного имущества, вовлекая его в крайне разорительные для него сделки.

Наследство нельзя считать способом безусловно обогащающим получившего его; оно есть одно из рискованных приобретений, в особенности, если принять во внимание, что обыкновенно наследник не имеет возможности привести в ясность наследственные долги и оградить себя от безграничной ответственности, ибо ему не дозво-

ляется принимать наследство условно, впредь до ознакомления; наследник должен выбирать одно из двух: или безусловно принять наследство или также безусловно отречься от него; при этом достаточно, если наследник воспользуется какою-либо самою ничтожною частью дохода или вещью, совершит какое-либо другое действие, в качестве наследника, и наследство считается принятым безвозвратно со всеми его последствиями. Между тем, часто случается, что наследство, казавшееся на первый взгляд значительным по своему составу, оказывается затем призрачною ценностью, а в руках наследника остается одна ответственность. Наконец, нельзя не иметь в виду еще и того, что долги умершего могут быть неизвестны не только в момент принятия наследства, но и долго после того. Итак, при установлении размера ответственности наследника по долгам наследодателя нет основания исходить из фикции продолжения личности наследодателя, а необходимо руководствоваться соображениями справедливости и целесообразности. Очевидно, несправедливо возлагать на наследника ответственность и собственным его имуществом и улучшать положение верителей наследодателя, предоставляя им право обращать взыскание не только на имущество умершего, служащее источником для их удовлетворения, но и на имущество наследника, не участвовавшего в тех договорах, сделках и действиях, которые породили обязательства наследодателя. Те западно-европейские законодательства, которые отрешились от начала безграничной ответственности наследника, восприняли т. н. инвентарную систему, тем самым стремятся примирить два принципа ответственности наследника за долги наследодателя. Средством такого примирения они избрали составление описи наследства. Несомненно, они делают шаг вперед, но нельзя не сознаться, что все же они останавливаются на полдороге.

Вот почему нельзя не приветствовать действующего в Советских республиках Гражданского Кодекса, который в этом отношении с полною последовательностью и безоговорочно проводит начало ограниченной ответственности наследника по обязательствам наследодателя. Так, согласно ст. 434, наследник, принявший наследство, а равно государство, к которому перешло выморочное имущество, отвечают по долгам, обременяющим наследство, *лишь в пределах действительной стоимости наследственного имущества.* В силу же примечания к этой статье, кредиторы наследодателя обязаны заявить свои претензии, под страхом утраты права требования, в течение шести месяцев со дня принятия мер охранения.

После всего вышеизложенного становится ясным, что такое нововведение в области юриспруденции определяется полным его соответствием как условиям современной жизни, так и навыкам и воззрениям общества. Приведенная норма не только не стоит в противоречии с укладом нашей жизни, но и вполне согласна и с общим духом действующего у нас законодательства. Так, с точки зрения Гражданского Кодекса, наследование является универсальным преемством. В этом отношении постановления его в существе своем ничем не отличаются от западно-европейских законодательств. Прежде всего объектом наследственного преемства служит все наследственное имущество в целом (весь актив и пассив). По крайней мере, согласно последним законодательным актам, в советских республиках не существует ограничения суммы наследства [1]); в силу этих актов, право наследования

[1]) Постановления ЦИК и СНК Союза Сов. Соц. Республик от 29 января 1926 года, введенные в действие с 1 марта 1926 (Известия ЦК СССР, 12/II 1926 г. № 35).

может распространяться на все то, что служит предметом собственности. Вот почему указываемое некоторыми исследователями основание признания ограниченности преемства по наследованию в этом отношении лишено юридической силы. Правда, круг лиц, призываемых к наследованию по Гражданскому Кодексу (ст. 418), ограничен прямыми нисходящими (детьми, внуками и правнуками), пережившим супругом, а также нетрудоспособными и неимущими лицами, фактически находившимися на полном иждивении наследодателя не менее года до его смерти. Равным образом, все указанные лица наследуют совместно. Иначе говоря, каждый наследник наследует самостоятельно и по своему праву (ст. 420). Гражданскому Кодексу неизвестно начало применения нескольких линий наследников, равно как последовательного призыва этих линий к наследованию (исключения дальнейшей линии ближайшею). Однако, эти особенности Гражд. Кодекса отнюдь не могут служить основанием к отрицанию за наследованием характера универсального преемства. Ведь и по западноевропейским законодательствам круг лиц, призываемых к наследованию, хотя и шире, чем по действующему советскому праву, но не является безграничным и определяется точными пределами. И все же это одно обстоятельство не может подорвать общепризнанного характера наследования по буржуазному праву, как универсального преемства. Вместе с тем в пользу такого заключения не может служить и особое свойство завещания по Гражданскому Кодексу, ибо то основное его положение, что воля завещателя может быть направлена только в пользу законных наследников, отнюдь не изменяет существа самого права наследования. Вот почему едва ли возможно согласиться с вышесказанным в юридической литературе мнением, будто наследование по советскому праву не является наследственным преемством универсальным [1]), или, как утверждают другие, хотя и универсальным, но ограниченным, и что эта главнейшая особенность наследственного права по Гражд. Кодексу, по сравнению с гражданскими кодексами буржуазных государств, вызвана особенностями существующего ныне советского экономического строя при действии новой экономической политики [2]). Мы, напротив, склонны думать, что право наследования по закону и по завещанию, с точки зрения советского права, является универсальным преемством безоговорочно. Но, признавая за правом наследования характер универсального преемства, мы далеки от мысли усматривать в Гражданском Кодексе непоследовательность в категорическом проведении им принципа ограниченной ответственности наследника по обязательствам наследодателя. В этом отношении мы снова повторяем, что следовало бы раз навсегда отвергнуть весьма распространенную, сказали бы мы, презумпцию, будто ответственность наследника ultra vires hereditatis есть последствие действия принципа универсального преемства, а начало pro viribus hereditatis недопустимо в сочетании с понятием универсального преемства. По крайней мере, хотелось бы думать, что между первым и вторым элементами нет логической связи, а лишь случайное сцепление понятий. И, действительно, с нашей точки зрения, воспринятое Гражданским Кодексом начало ограниченной ответственности (pro viribus hereditatis), при признании им универсального преем-

---

[1]) См. Е. Ловман „Очерки Наследственного Права", Право и Жизнь, 1923 г. книга 9—10, стр. 33—34.

[2]) Такого мнения придерживается проф. В. И. Серебровский „О завещательном отказе по Гражданскому Кодексу"—Право и Жизнь, 1925 г. № 4—5, стр. 22; его же Наследственное право—Комментарий Гражд. Код., 1925 г. стр. 6.

ства, заслуживает полного одобрения и ничуть не противоречит существу и системе проводимого им в такой форме института наследования.

Эта ответственность, конечно, применима лишь в отношении обязательств наследодателя имущественного, а не личного, характера, и, разумеется, не может быть изменена волею завещателя в его посмертном распоряжении. Особенность Гражданского Кодекса заключается в том, что он устанавливает определенный срок (шестимесячный) со дня принятия мер охраны наследства, в течение которого кредиторы наследодателя могут заявить свои требования. Вместе с тем Гражд. Код. допускает начало подобной ответственности и в отношении государства, к которому перешло выморочное имущество. Такой взгляд Кодекса представляется правильным и последовательным. В самом деле, даже римское право, которое вначале признавало принцип неограниченной ответственности наследника, и современные буржуазные законодательства, усвоившие инвентарную систему, созданную Юстинианом, проводят то положение, что казна, наследующая на выморочном праве, отвечает по долгам наследодателя лишь в размере полученного наследства. И, действительно, начало неограниченной ответственности государства, получающего выморочное имущество, стояло бы в противоречии с основною целью наследования по выморочному праву [1]). Целью последнего является передача государству, а, следовательно, на общую пользу имущества, оставшегося бесхозяйным после смерти его владельца и не перешедшего к другим лицам в порядке наследования по закону или завещанию, а не в том, чтобы верителям наследства предоставить возможность требовать удовлетворения из общих средств государства. Недостаток действующего Гражданского Кодекса прежде всего заключается в том, что он не разрешает вопроса, по какому моменту должна определяться стоимость наследственного имущества, т. е. по моменту ли смерти наследодателя или по моменту расчета с кредиторами, так как стоимость имущества может за это время измениться. А ведь наследник всегда в праве указать, что наследственное имущество не покрывает собою всех долгов и потому он платить должен не полностью, а лишь в пределах полученного наследства. Равным образом в праве ли наследник удовлетворять кредиторов по мере явки или же расчет с кредиторами всеми должен быть одновременный по окончании срока, установленного примечанием к ст. 434? В этом отношении буржуазные законодательства применяют двоякую систему. Одни (французское) допускают удовлетворение кредиторов по мере их явки, другие же (Австрийское Гражд. Улож.) придерживаются того положения, что кредиторы получают удовлетворение после окончательного выяснения актива и пассива наследства. Казалось бы, и действующему Гражданскому Кодексу присуща последняя система, по крайней мере, в отношении долгов, не предусмотренных 195 ст. Гражд. Проц. Код. Но точных правил о порядке удовлетворения кредиторов при наследовании действующий кодекс не содержит. Вместе с тем кодекс не разрешает вопроса и о том, в каком именно порядке должны быть предъявлены кредиторами претензии, т. е. в суд или непосредственно наследникам.

---

[1]) Буржуазное законодательство (французское, германское) рассматривают государство, как наследника, а не как оккупанта бесхозяйственного имущества. Такая же точка зрения воспринята и нашим Гражд. Код. Противоположного мнения придерживается проф. В. И. Серебровский, который отрицает за правом государства на наследственное имущество характер права наследственного (Наследств. право. Коммент. стр. 28).

Наконец, Гражд. Кодекс не предусматривает последствий столкновения прав кредиторов наследодателя и прав кредиторов наследника в отношении имущества, оставшегося после наследодателя. Иначе говоря, он не содержит постановления о том, получают ли кредиторы наследодателя право предпочтительного удовлетворения из средств наследства пред кредиторами наследника. Между тем слияние имущественных масс (массы наследника, принявшего наследство, и имущественной сферы наследодателя) может оказаться невыгодным для кредиторов наследодателя в тех случаях, когда сам наследник не обременен долгами в большей мере, чем обременено наследство. В виду этого некоторые законодательства, по примеру римского права, признают за кредиторами наследодателя право домогаться, при известных условиях, обособления имущественных масс (beneficium separationis). Такое обособление является необходимым коррективом, вызванным потребностями жизни. Цель его заключается в осуществлении кредиторами наследства преимущественных прав [1]). В юридической литературе Запада, равно как и в нашей дореволюционной эпохи существует разногласие по этому вопросу. Одни, исходя из того положения, что наследство, с переходом к наследнику, сливается с его личным имуществом, утверждают, что верители наследства не имеют преимущественного права на удовлетворение. По их мнению, наследник с момента принятия наследства становится неограниченным собственником последнего, а потому преимущественное право кредиторов наследодателя равносильно было бы установлению какого-то своеобразного залогового права. Другие же, напротив, признают за кредиторами наследодателя право преимущественного удовлетворения из имущества наследодателя—их действительного должника. Преимущественное право в данном случае вытекает из самого существа отношений. Закон не может допустить какого-либо умаления прав кредиторов вследствие смерти их должника: ему они доверяли, из его имущества они в праве требовать удовлетворения. Лишение кредиторов наследодателя этого права могло бы повлечь потрясение кредита, вызвало бы неустойчивость прав и не соответствовало бы ни цели закона ни юридической логике. Из специального назначения обособления вытекает, кто именно и при каких условиях может воспользоваться этим правом. Домогаться такого „обособления", в видах преимущественного удовлетворения, могут кредиторы наследодателя, но ни сам наследник ни его личные кредиторы. Вместе с тем нет оснований требовать отделения наследственного имущества во всех без исключения случаях, например, когда претензия верителя ничтожна по сравнению со стоимостью наследства. Оно допустимо там и постольку, где и поскольку верители наследодателя имеют основание опасаться вредных последствий слияния наследственной массы с личным имуществом наследника. Вот почему, если даже при действии инвентарной системы одно составление описи не обеспечивало кредиторов наследства от обращения на это имущество взыскания со стороны верителей наследника и потому представлялось необходимым предоставить первым возможность обособить наследственное имущество в составе всего имущества наследника и таким образом сохранить за ними значение фонда, специально обеспечивающего их требования путем введения института т. н. beneficium separationis, то такое обособление еще более необходимо в случаях признания принципа ограниченной ответственности наследника безоговорочно, т. е.

[1]) Ср. Code Civil, art. 878—880. Dernburg. Pandecten, стр. 451 и др.

когда, как, например, в Гражданском Кодексе советских республик, составления описи, как необходимого условия применения такой ответственности, не требуется. Наследственная масса не может слиться и смешаться с личным имуществом наследника; эти два имущественных комплекса должны иметь обособленный характер. А при таких условиях представлялось бы весьма целесообразным дополнить 434 статью Гражданского Кодекса в том смысле, что кредиторы наследодателя в течение определенного срока со дня принятия наследства в праве требовать отделения имущества, принадлежавшего наследодателю, от собственного имущества наследника, если имеют основание опасаться вредных последствий слияния этих имуществ. Подобное право вызывается потребностями жизни и будет способствовать развитию кредита и устойчивости прав. Вместе с тем Гражданский Кодекс не содержит в себе постановлений относительно института т. н. confusio в одном лице кредитора и наследника и о юридических последствиях такого слияния. Несомненно, такое совпадение не лишает наследника его прав, как верителя, и, с другой стороны, не освобождает его от обязанности соразмерной ответственности.

Таким образом, Гражданский Кодекс проводит принцип безусловно ограниченной ответственности наследника по обязательствам наследодателя—пределами стоимости наследства. Выше такой стоимости ответственность его не распространяется. Вместе с тем, несомненно, оно в пределах стоимости отвечает и собственным имуществом; иначе говоря, кредиторы в праве в пределах стоимости полученного наследником наследства обратить взыскание и на имущество, принадлежащее лично наследнику, а не только на доставшееся ему по наследству.

Словом, ответственность ограничена по Гражданскому Кодексу только pro viribus, но не cum viribus hereditatis [1]). Наконец, следует указать, что взгляд на наследование, как на универсальный переход uno acto, привел некоторые законодательства к признанию *солидарной* ответственности наследников за долги наследодателя. Что касается советского законодательства, то, нам думается, ответственность сонаследника по Гражданскому Кодексу *долевая*, т.-е. соразмерная полученной части актива. Долевая ответственность вполне соответствует букве и смыслу нашего законодательства, признающего солидарную ответственность должников лишь в точно указанных случаях, к которым наследственные обязательства не относятся. Наше законодательство при наследовании по закону не придерживается ни линейной ни парентельной системы, присущих буржуазным законодательствам (французское, германское). У нас все наследники по закону наследуют совместно; наследственное имущество делится на такое количество наследственных долей, которое соответствует количеству наследников, и все доли наследников по закону равны. А при таких условиях и наследственные обязательства должны распределяться равномерно между всеми наследниками, соразмерно количеству полученного наследства [2]). Быть-может, на практике такая долевая ответственность вызывает для кредиторов неудоб-

---

[1]) Такого принципа придерживаются Прусское Земское Уложение и Германское Гражданское Уложение (современное).

[2]) Такого толкования придерживается и комментарий к Гражд. Кодексу РСФСР, под редакцией Гойхбарга: вып. VI. Наслед. право. стр. 27.

Напротив, солидарную ответственность наследников по Гр. Код. признают — Малицкий, Гражд. Кодекс Советских Республик, Комментарий, стр. 277.

ства, возникающие в связи с необходимостью дробить требования между многочисленными наследниками,—но к такому заключению приводит общий дух нашего законодательства. Dura lex, sed lex.

II.

Выясняя существо ответственности наследника по обязательствам наследодателя вообще с точки зрения Гражданского Кодекса, мы были бы непоследовательны, если бы не коснулись в частности ответственности наследника по завещанию пред другими лицами, коим завещателем предоставлены известные права. Мы имеем в виду ответственность их перед отказопринимателями. Несомненно, пределы такой ответственности определяются юридической природой самых отказов, а, следовательно, и юридическим положением лиц, получающих те или другие права по этим отказам,—отказопринимателей. Поэтому для правильного разрешения вопроса о размере ответственности наследника пред легатарием и необходимо остановиться на более сложном и серьезном вопросе о юридической природе легата и его значении. Как известно, римское право, а за ним и многие буржуазные законодательства признают отказ, т. е. легат, в виде самостоятельного института. Римское завещание устанавливало универсальное преемство и существенною его частью являлось heres, т. е. institutio heredis [1]). Поэтому легат и римского права и буржуазных законодательств покоится на исторических основах и глубоко пустил корни. Но в каком положении находится институт легата в Гражданском Кодексе Советских Республик? Знает ли он легат в смысле отдельного, точно определившегося понятия, как на Западе? Ответ на этот вопрос надлежит искать в общем духе законодательства, но отыскать общий дух последнего задача трудная.

В Гражданском Кодексе существует одна статья, которая предусматривает юридическое положение отказопринимателей. Содержание означенной (423) статьи таково: „на получающего по завещанию наследственное имущество завещатель может возложить исполнение какого-либо обязательства в пользу одного, нескольких или всех остальных законных наследников, которые, в силу этого распоряжения, получают право требовать исполнения соответствующего обязательства со стороны наследника по завещанию".

Точный смысл приведенной статьи приводит к заключению, что отдельного термина для обозначения легата в Гражданском Кодексе нет. Однако, в современной юридической литературе утвердился определенный взгляд, что завещательный отказ или легат известен нашему Гражданскому Кодексу [2]). И, действительно, одно то обстоятельство, что Гражд. Кодексу неизвестен термин для обозначения легата, не может служить достаточным основанием к отрицанию этого института. И в других областях права не хватает в законе определенного термина для обозначения того или другого института. Что же из этого следует? Гражданский Кодект не знает многих принятых в теории терминов, соответствующих существу признаваемых им институтов права. Однако, отрицать существование таких инсти-

[1]) Testamenta vim institutione heredum accipiunt. L. 34, I. de leg. §220; L. 20. D. de iure Cod. 29, 79, Sai II, 229; Ulp. XXIV, 15.

[2]) Проф. В. И. Серебровский, о завещательном отказе по Гражданскому Кодексу. Право и Жизнь, 1925, № 4—5 стр. 21 и сл. Его же. „Наследственное право", Комментарий, стр. 41 и след. У него приведены мнения Перетерского, Мовчановского и Гойхбарга по этому вопросу.

тутов в Гражданском Кодексе потому только, что название его, принятое в теории, неизвестно последнему, едва ли возможно. Так, например, термин *душеприказчик* неизвестен Гражданскому Кодексу. Однако, этот институт ему не чужд [1]). И потому вполне последовательно дать *этому институту* наименование, воспринятое теорией, едва ли возможно. Вопрос о пределах дозволенного или должного заимствования, не поддаваясь, вообще говоря, каким-либо общим определениям, ближе всего разрешается вполне естественным стремлением ограничиваться заимствованием лишь тех понятий, которые, будучи безусловно полезными, вместе с тем легко могли бы быть усвоены населением и не противоречили бы его исконным воззрениям, а также условиям его быта. С этой точки зрения воспринятия выработанного теорией института легата не вызовет никаких осложнений ни в нашем законодательстве, ни в народном правосознании.

Ведь институт легата — явление жизненное; он покоится на потребностях гражданского оборота. А раз так, то и задача практики присвоить определенный термин этому институту; на помощь ей должна явиться теория. Совместным своим воздействием они должны восполнить пробел закона путем его толкования и исследования. Необходимо позаимствовать термин для определения этого института, присущего законодательству из теории. Равным образом существование по рассматриваемому вопросу в Гражданском Кодексе лишь одной статьи не говорит ничего в пользу мнения, отрицающего понятие легата по советскому праву. Ведь и по вопросу о душеприказчиках в Гражданском Кодексе содержится лишь одна (427) статья. Однако, несомненно, практика на основании этой статьи разовьет стройное и цельное учение, в соответствии с потребностями жизни. На помощь практике пойдет теория права. Почему же учению о легате предназначена другая участь? Почему не развить учение о легате, основываясь хотя бы на одной цитированной выше статье Гражданского Кодекса? Нельзя поэтому не приветствовать стремления юристов осуществить эту задачу. Мы имеем в виду появившиеся в современной юридической литературе статьи и комментарии, в коих теоретики и практики развивают теорию легата и по действующему советскому праву [2]). Разграничение легата и наследства по тому или другому признаку, существующее в других законодательствах, может быть проведено в жизнь и у нас. Как известно, в теории и законодательствах приняты не одни и те же признаки для определения различия между легатом и наследством. Прежде всего существует мнение, что легатарий получает определенное, указанное в завещании имущество или вообще определенную имущественную выгоду. Однако, такой признак не выдерживает критики. Нет сомнения, что и отказанный отдельный предмет составляет известную долю имущества и в наибольшей части случаев и завещателем толкуется, как доля имущества, величиною которой он измеряет свое благорасположение лицу. Если же завещатель, назначая кому-либо отдельный предмет, превышающий ценностью, может-быть, во много раз остальное его имущество, прямо выразит желание освободить его от обязанностей, на самом завещателе лежащих, то это будет крайне несправедливо. При том же самое назначение отдельного предмета может ничем не отличаться от назначаемых завещателем наследникам долей.

---

[1]) Ст. 427 ГК.
[2]) Там же.

Другие указывают, что только наследник, при отсутствии в завещании иного указания, является распорядителем наследства и исполнителем выразившейся в завещании воли завещателя. Наконец, по утверждению третьих, существенное отличие легата состоит в том, что наследник, в силу принятия открывшегося в его пользу наследства, становится непосредственно собственником наследственного имущества, а также верителем должников наследодателя, легатарий же приобретает только личное требование к наследнику о передаче завещанного имущества и вообще об исполнении отказа. Четвертые же, отрицая существование в Гражданском Кодексе института легата, исходят из того положения, что легат предполагает возможность возложения на наследника обязательства в пользу сторонних лиц, тогда как статья 423 Гражданского Кодекса допускает установление подобного обязательства только в пользу законных наследников [1]). Несомненно, вышеприведенный признак, а именно, — предоставление легатарию в завещании не непосредственного права в отношении наследства, а права требовать от наследника известных выдач или совершения известных действий, является наилучшим критериумом при толковании воли завещателя. Отличие легата следует искать не в том, назначен ли кто-либо наследником в той или иной доле имущества завещателя, или же в определенной вещи из его имущества, а в том, должна ли завещанная вещь перейти к другому лицу, как к наследнику завещателя, и при том непосредственно, или же должна перейти к нему, не как к наследнику, а как к легатарию, через посредство другого лица, обязанного завещателем к выдаче ее ему. Что именно в этом последнем моменте надлежит видеть отличие института наследства от легата, вполне достаточным доказательством тому может служить римское право, определяющее легат как назначение завещателем выдачи каких-либо вещей из его имущества легатарию и ни в каком случае не как наследнику его, при чем отказываемая легатарию вещь переходит к нему не непосредственно, но только через посредство лица, обязанного выдачей отказа. Делать строгое различие между этими институтами представляется в особенности необходимым, в виду резкого отличия в последствиях назначения к выдаче имущества завещателем тем или другим способом. Казалось бы, легатарий, не являясь непосредственным преемником завещателя, не может считаться продолжателем его личности, его заместителем, ибо его значение, как преемника по завещанию, зависит не от него лично и не от завещателя, а исключительно от наследника по завещанию. Наследник может не обладать способностью принять наследство или не пожелает его принять; мало того: может оказаться, что он не в силах исполнить распоряжение завещателя по причинам, от него независящим. Во всех этих случаях третьи лица (легатарии) устраняются от всякого преемства в завещанном имуществе, хотя бы их полноправность стояла вне всякого сомнения. В первых двух случаях они ничего не получают потому, что уничтожается основание их права, оно теряется в наследнике. В третьем случае они теряют потому, что основание их права исчезает в фактической или юридической невозможности исполнения воли завещателя, хотя наследник остается наследником, ибо завещательный акт в существе не опорочен. Все эти положения не соответствуют именно началу наследственного преемства, отличительным свойством коего является непосредственность. Отсутствием этого

[1]) Малицкий, Гражданский Кодекс Советских Республик, Комментарий стр. 423.

свойства и отличается легатарий, как сингулярный преемник. Нам могут возразить, что при таком свойстве легата интересы кредиторов могут быть нарушены, ибо достаточно признать легатариями лиц, получающих части наследственного имущества через *посредство* других лиц—наследников в тесном смысле, и тогда такие лица, получив значительные денежные выдачи, быть может, превышающие имущество, остающееся в руках наследника, будут освобождены от долгов, как легатарии, а кредиторы будут поставлены в невыгодное положение, имея возможность обратиться со своими требованиями только к наследнику, который уже, при недостаточности находящегося в его распоряжении имущества, обязан был бы потребовать от от легатария возвращения излишне переданного имущества.

Однако, на наш взгляд, никаких невыгод кредиторы в этом случае не терпят. Прежде всего легат выдается после удовлетворения кредиторов из наследственной массы. Следовательно, если кредиторы следят за своими интересами и положением наследственной массы, то успеют осуществить свои претензии до выдачи легата. В крайнем случае они могут, по установлении актива наследства, потребовать удовлетворения своих долгов от легатариев, получивших слишком заблаговременно свои выдачи. В таком случае они—дополнительные ответчики. Никаких неудобств, которые могли бы возникнуть при определении и введении легата с подобным признаком, не возникает.

Точный смысл цитируемой (423) статьи Гражд. Код. приводит к заключению, что, как правильно указывает проф. В. И. Серебровский, в этом именно моменте непосредственности и кроется отличие между институтом завещательного отказа по советскому праву и легата по западно-европейским законодательствам, не говоря уже о том, что, с точки зрения последних, допустимо возложение отказа не только в пользу законных наследников, но и в пользу лиц, завещателю посторонних. И, в самом деле, в случае *непосредственного* предоставления завещателем лицу, указанному в 418 ст. Гр. Код., хотя бы части того или иного имущества, последнее надлежит признать наследником, а не отказополучателем. Указываемое же некоторыми исследователями основание отрицания понятия легата по Гражд. Кодексу—предоставление завещателю возложения на наследника обязанности выдачи только в пользу законных наследников (легатариев) не имеет решающего значения. Словом, не в том характерное свойство легата, что он сводится к передаче отдельного права или вещи, или что он создает сингулярное преемство, назначается в пользу посторонних лиц, а именно в том, что выдачу производит отказопринимателю наследник.

Вместе с тем нельзя не согласиться с теми же исследователями, что институт, предусмотренной 423 ст. Гр. Код., есть тот же завещательный отказ или легат. В соответствии с вышесказанным о существе тех признаков, которые отличают легат от наследства, в юридической литературе нет единогласия во взглядах на юридическую природу легатариев вообще и значение легата в частности. В этом отношении следует различать два мнения. Представители одного мнения, более раннего по его возникновению, не отличают легатария от наследника. С их точки зрения, отказопринимали являются теми же соучастниками в наследстве. И те и другие являются наследниками в том смысле, что они получают—наследники наследство, а легатарии—известное имущество, которое есть часть последнего и берется из него. По утверждению же других, легатарии не должны

быть признаваемы правоприемниками завещателя как его наследники, но только кредиторами наследника. Однако, нельзя не согласиться, что противоположность наследника и легатария соответствует вполне настоящей степени юридических понятий современной жизни и всякая попытка к игнорированию этого деления будет всегда приводить к искусственным построениям. С нашей точки зрения различие свойств наследника и легатария должно быть положено в основание всей системы нашего наследственного права и проведено с возможной последовательностью во все ее части. Иначе говоря, необходимо окончательно закрепить теорию отличия наследника от легатария по действующему советскому праву. При таком истолковании юридического положения отказопринимателей становится ясным ответ и на поставленный нами выше вопрос о свойстве ответственности наследника по завещанию пред легатарием-отказопринимателем. Что касается западно-европейских законодательств, то некоторые из них допускают ответственность наследников завещателя перед легатарием не свыше получаемой им самим выгоды от наследства; по крайней мере, саксонское уложение, в видах охраны в этом отношении интересов наследников, обязанных выдачей отказов, постановляет, что отказы подлежат соразмерному уменьшению, если они не могут быть выполнены из наследства, за вычетом лежащих на нем обременений и долгов [1]). Другие же законодательства признают и в этом случае неограниченную ответственность наследника по завещанию. Несомненно с точки зрения теоретиков, признающих легатариев теми же наследниками, допустима в этом случае ответственность наследника пред наследником, т. е. по разделу; налицо случай, как будто в завещании два наследника, с тем лишь отличием, что один получает большую часть наследства, а другой—меньшую. Но оба они наследники, а, следовательно, взаимные юридические отношения между ними определяются по началу взаимности, в зависимости от состояния наследственной массы—соотношения актива к пассиву. Но, ведь, наследник никогда и нигде не отвечает перед наследником „ultra vires hereditatis". Обязанности отвечать своим имуществом у наследника перед наследником в законе нет. Напротив, исходя из того, казалось бы, более правильного положения, что отказополучатель является кредитором наследника по завещанию, нельзя ответственность последнего считать неограниченной. Отказ является актом щедрости наследодателя, а потому недопустимо, чтобы при исполнении его были нарушены интересы третьих лиц. Он ни в коем случае не может падать на счет личного имущества обремененного наследника. Его исполнение возможно только за счет того актива, который переходит к обремененному от завещателя. С другой стороны, отказ не составляет пассива наследственной массы, ибо наследодатель в момент своей смерти им вовсе не был обременен. Это новое право,— только возникшее в момент смерти завещателя и в силу этой смерти. Да и уплата важнее дара. Иначе говоря, кредиторы наследодателя, доверив ему свое имущество, имеют полное основание требовать, чтобы переход наследства, после смерти их должника, не наносил им никакого ущерба. Вот почему легатарий—кредитор наследника, стоящий после всех других кредиторов наследника в порядке удовлетворения. Но он несет только обязанности, лежащие на имуществе, составляющем предмет отказа, но ни в коем случае не отвечает,

[1]) Ср. и Швейцарское Гражд. Улож.

№ 43

по долгам наследодателя [1]). Итак с точки зрения теории [2]), равно и общего духа действующего советского законодательства, наследник по завещанию отвечает перед легатарием в пределах полученного наследства (pro viribus hereditatis). Раз наследник—личный должник легатария, а последний—его кредитор, то допустима ответственность наследника, как должника легатария, перед последним, как его кредитором, с точки зрения начал обязательственного права, находящих отклик и в 434 ст. Гр. Кодекса. Конечно, в тех случаях, когда величина отказов превышает размер наследства, наследники имеют право на соответствующую сбавку отказов. Остается пожелать, чтобы в Гражданский Кодекс было введено отдельное постановление, которое регулировало бы высказанное положение. Легатарий несет только обязанности, лежащие на отказанном имуществе, но ни в коем случае не должен отвечать за личные долги завещателя. В этом отношении мы всецело присоединяемся к высказанному проф. В. И. Серебровским выводу [3]), хотя он допускает такую ответственность отказополучателя пред кредиторами наследодателя в тех случаях, когда наследник по завещанию не может покрыть все долги наследодателя, но в пределах полученного отказа. Подобное толкование не оправдывается общим духом действующего законодательства и смыслом ст. 434 Гр. Код. в частности. Итак, заканчивая свою статью, мы остаемся при той точке зрения, что институт легата известен Гражданскому Кодексу, хотя и не в стройной системе, а потому вполне естественным является пожелание, чтобы он в такой системе был воспроизведен в будущем, и что, в виду признания его действующим законодательством, права требования легатария в отношении наследника по завещанию не могут простираться свыше полученного наследником имущества; начало ответственности наследника по завещанию пред легатарием, как и вообще наследника по долгам наследодателя, должно быть определяемо в виде pro viribus hereditatis; легатарий не отвечает за долги завещателя пред третьими лицами; кредиторы наследодателя имеют преимущественное право пред кредиторами наследника на удовлетворение долгов из наследства, а потому им должно быть предоставлено право на beneficium separationis.

Н. Товстолес.

К вопросу о юридической природе ликвидационных комиссий.

Различие уставных и судебных ликвидаций.

Опираясь на скудные указания ст. 308—310 Гр. Код., а также на декрет от 20 мая 1924 г. о потребительской кооперации, статье 16 коего Верхсуд дал весьма широкое толкование (опред. ГКК от 15 июня 1925 г. по д. Курского губ. сел.-хоз. и куст. пром. союза Е. С. Ю. № 48/49 — 1925 г.), практика судов создала своеобразный порядок ликвидации имущества несостоятельных должников посредством судебных ликвидаторов. Институт этот нередко сближают с дореволюционными конкурсными

[1]) Этот принцип проводят западно-европейские законодательства (Уложения итальянское и саксонское).

[2]) В. И. Серебровский. Наследственное право, Комментарий, стр. 6, 44; его же „О завещательном отказе"—„Право и Жизнь", 1925 г. № 4—5, стр. 23 и 28.

[3]) Там же.

управлениями, без достаточных к тому оснований; с еще меньшим правом судебные ликвидации отождествляются с ликвидационными комиссиями, образуемыми в порядке устава или положения ликвидируемого предприятия. Между тем, в зависимости от той или другой юридической природы ликвидирующего органа разрешается ряд вопросов первостепенной важности.

Практика Верхсуда совершенно не различает ликвидационных комиссий, образованных „в порядке постановления соответствующего административного органа в силу закона или устава", от таковых же, назначаемых судом в порядке объявления несостоятельности [1]). В обоих случаях Верхсуд допускает прекращение исполнительных действий суд. исполнителей, но считает такое прекращение необязательным и допускает их возобновление в случае явной медленности работы ликвидаторов.

Титул полномочий и задачи тех и других.

Едва ли возможно согласиться с этой точкою зрения. Источником полномочий уставной ликвид. комиссии является устав или положение ликвидируемого предприятия, а титулом—избрание общим собранием пайщиков предприятия. Источником полномочий судебных ликвидаторов является закон, а титулом—определение суда о их назначении. Соответственно сему, задачей уставной ликвидационной комиссии является наилучшая ликвидация дела, в интересах самого предприятия и его пайщиков, задачей же судебных ликвидаторов—ликвидация в интересах закона.

Уставная ликвид. комиссия — хоз. орган ликвидируемого предприятия.

Цели уставной ликвид. комиссии определяются уставом, т. е. правовой нормой, в основе своей преследующей интересы самого предприятия; директивы ей даются участниками предприятия — обыкновенно общим собранием, перед которым она и отчитывается. Таким образом, уставная ликвид. комиссия является по существу таким же хозяйственным органом предприятия, как правление, от которого она отличается только направлением своей деятельности: правление работает в целях хозяйственного поддержания и развития дела, ликвид. комиссия — в целях его хозяйственного прекращения. И если ликвидируемое предприятие имело частно-правовую природу, то такую же природу имеет и ликвид. комиссия, образованная по тем же основаниям, как и правление. Устанавливаемый иными уставами контроль над деятельностью ликвид. комиссий со стороны регистрирующего устав органа не изменяет природы этих комиссий. А отсюда вытекает, что возложение на уставную ликвид. комиссию функций судебного исполнителя, с одновременным приостановлением деятельности последнего,—столь же мало соответствует ее юридической природе и хозяйственно-бытовому значению, как возложение этих функций на любое частное лицо. Что касается до предусматриваемой решением Пленума возможности передачи возникающих при распределении споров на усмотрение суда, то таковая едва ли осуществима вне общеискового порядка: уставная ликвид. комиссия не обязана представлять проект распределения на утверждение суда, и приостановление исполнения такового невозможно иначе, как в порядке обеспечения иска. Таким образом, деятельность уставной ликвид. комиссии протекает вне всякого специального контроля суда и осу-

[1]) Разъяснение Пленума от 29/VI— 25 г. прот. № 10, — Е. С. Ю. № 28 — 25 г. и опред. ГКК по д. Ангинского Ликвидкома, ЕСЮ № 40 — 1925 г.

ществляется лицами, вовсе неизвестными ни суду ни заинтересованным кредиторам; лица эти оказываются облеченными публично-правовыми полномочиями и доверием, вовсе не обоснованными [1]).

Не существует принципиального различия между ликвид. комиссией, избранной в порядке устава кооперативной или иной организации, и ликвид. комиссией, назначенной органом государства в порядке положения о ликвидируемом госпредприятии (см. в особ. Положения о трестах). В обоих случаях ликвид. комиссии являются хозяйственными органами предприятия и различие порядка их образования не изменяет их юридической природы. Правда, декреты о трестах предусматривают назначение ликвид. комиссии по причине недостаточности оборотных средств треста для покрытия долгов, предъявленных ко взысканию (ст. 51 декр. 10/IV и ст. 47 декр. 17/VII), т. е. по причине несостоятельности, и тем самым казалось бы преграждают возможность назначения судебной ликвидации; но вытекающие отсюда неудобства юридические и практические не дают права приписывать такой трестовской ликвид. комиссии те публично-правовые функции, которые не соответствуют ее природе [2]).

Судебные ликвидаторы — должностные лица.

Судебная ликвидация производится, как сказано, в интересах закона, а не в интересах ликвидируемого предприятия или его кредиторов. В противность началу самодеятельности кредиторов в конкурсных управлениях, проводимому индивидуалистическими законодательствами (в том числе нашим дореволюционным), Гр. Код. выдвигает начало властное [3]): ликвидаторы назначаются из числа лиц, известных суду, а не угодных кредиторам, и при том самое назначение их может иметь место, по точному смыслу закона, даже по инициативе суда;

---

[1]) Неправильные действия таких ликвид. комиссий — заурядное на практике явление; так, нам известны случаи разделения кредиторов на две основные очереди порядка удовлетворения—мелких и крупных кредиторов, включения частно-правовых претензий местного исполкома в одну очередь с недоимками по налогам, откровенного признания долга местного отделения милиции не подлежащим взысканию, крупного пожертвования в пользу комиссии помощи детям за счет кредиторов и т. п. Ликвид. комиссия одной из крупнейших военно-кооперативных организаций не стесняясь вела торг с кредиторами: более влиятельный и более настойчивый получал больше. Другая попросту игнорировала претензию одного из столичных трестов, пользуясь своей удаленностью (на Урале), и частично удовлетворила таковую лишь после угрозы обращением к прокурору. Нечего говорить, что, помимо ошибок, происходящих от незнания, весьма часты и прямые злоупотребления, питаемые равнодушием пайщиков и их малой заинтересованностью в деле, а иногда и личными соображениями нескольких воротил и фактических распорядителей предприятия. Практике Ленинградского Губсуда известен случай, когда члены ликвид. комиссии крупной инвалидной организации, обеспечив себя крупными окладами, в короткое время «проели» большую часть оставшегося имущества, пока не были заменены назначенными по суду ликвидаторами. Наиболее разителен случай единогласного принятия постановления общ. собранием пайщиков о непривлечении их, пайщиков, к уголовной ответственности, при чем ликвид. комиссия вскоре снова созвала их на предмет изыскания средств для продолжения ликвидации.

[2]) Практика разрешает эти трудности путем издания специальных актов о ликвидации данного предприятия. Таковы постановления СТО о ликвидации „Госстроя“ и „Лензолота“ (извлечения от 17/VI—26 г. № 137), при чем в последнем постановлении все пункты, содержащие отступление от общих законов, в частности пункт о приостановлении взысканий, снабжены специальной санкцией ЦИК и СНК СССР. Приостановление взысканий есть по существу перенесение функций судебного исполнителя на ликвидационную комиссию; такое лишение права судебной защиты (в стадии исполнительного процесса) может быть, очевидно, допущено только в силу специального закона, имеющего при том силу, равную с кодексами. В отношении судебных ликвид. комиссий—судебная защита кредитора обеспечивается надзором суда за их деятельностью, в частности утверждением проекта распределения денег.

[3]) Из двух систем: индивидуалистической—франко-итальянской и властной — германо-испанской (впрочем, в Германии вытесненной первой) ГК избирает вторую.

суду же они представляют отчет; общего собрания кредиторов, как правомочного органа, закон не знает вовсе. Этот порядок имеет очевидную связь с общим взглядом советского права на хозяйственную деятельность, как на социальную функцию. Последовательно признать, что и ликвидация этой деятельности должна быть произведена в интересах народного хозяйства, юридически представленных законом [1]).

Таким образом судебные ликвидаторы или ликвид. комиссии являются должностными лицами или учреждениями публичного права, образуемыми актами власти и перед властью ответственных. По содержанию своему полномочие их сводится к выполнению функций властного характера: ликвидаторы распоряжаются имуществом должника, изъятым от него в силу судебного определения, при чем продают его подобно судисполнителю (ср. ст. 183 Гр. Код.) и могут требовать представления претензий кредиторов на рассмотрение, под страхом невыгодных последствий. Не может быть и речи о приравнении их к положению представителей кредиторов или опекунов несостоятельного. Отсюда ясно также, что судебные ликвидаторы обладают юридической личностью совершенно особой от юридической личности ликвидируемого.

Функции суд. исполнителя и соблюдение ст. 266 Г. П. К.

Из означенной выше задачи ликвидаторов вытекает обязанность их строго соблюдать все требования закона, в частности ст. 101 ГК и ст. 266 ГПК: частные соглашения с кредиторами в этой плоскости недопустимы. Как сказано, ликвидаторы подотчетны Губернскому Суду, их назначившему, и, согласно установившейся практике, представляют на его предварительное утверждение проект распределения денег между кредиторами; при таком контроле возложение на них некоторых функций судебных исполнителей не только соответствует юридической природе института, но и практически вполне целесообразно. Совершенно противоречит сказанному допущение Верхсудом принудительного взыскания „в случае явной медленности ликвидаторов“ (см. цит. выше решение Пленума); к тому же допущение это и не целесообразно: констатировать явную медленность, очевидно, может только Губсуд, назначивший ликвидаторов; но, констатируя таковую, Губсуд имеет и возможность принять соответствующие меры—сменить неудовлетворительных ликвидаторов и заменить их другими, или вовсе упразднить судебную ликвидацию, предоставив кредиторам производить взыскания через судебного исполнителя. В последнем случае взыскание будет направлено уже не против ликвидаторов, а против самого несостоятельного должника, и, таким образом, для принудительных действий судисполнителя в отношении судебных ликвидаторов едва ли остается место.

В виду сказанного представляется вполне целесообразной судебная практика, согласно которой исполнительные производства препровождаются для исполнения к судебным ликвидаторам, но совершенно неправильно направление таковых в уставные ликвид. комиссии. Если исполнение может быть возлагаемо судом на судебных ликвидаторов, как на должностных лиц, суду подведомственных, то суд, конечно, не в праве возлагать такое поручение на неподведомственные ему ликвид. комиссии, назначаемые в порядке закона (положение о трестах) или устава. Эти последние, будучи чисто хо-

[1]) Поэтому к конструкции ликвидации едва ли применима т. н. „теория исполнительного процесса“, ведомого в интересах кредиторов.

зяйственными органами ликвидируемого предприятия, не несут должностной функции и вынуждены допускать обращение принудительных взысканий на состоящее в их ведении имущество.

Бесспорные взыскания. Весьма трудным представляется вопрос о приостановлении взысканий, производимых в принудительно-бесспорном порядке. Такое взыскание, очевидно, может расстроить всю работу по ликвидации и по существу не вызывается необходимостью, ибо ликвидаторы одинаково отвечают перед Губсудом за правильность удовлетворения органов соцстраха или фиска, как и кредиторов.

Последовательность требовала бы признать, что на ликвидатора должны быть распространяемы те же правила присоединения взыскания недоимок, кои установлены инструкцией в отношении взысканий, производимых во исполнение судебных решений, ибо если ликвидатор есть должностное лицо, заменяющее судебного исполнителя, то обращение взыскания на имущество, находящееся в его заведывании, столь же недопустимо в отношении ликвидатора, как и в отношении судебного исполнителя. К сожалению, практика далеко не усвоила себе этого взгляда, и ликвидаторам нередко приходится вступать в неравную борьбу в защиту интересов правильной ликвидации.

Распоряжения по реализации имущества. Заменяя судебного исполнителя, судебные ликвидаторы также, как и последний, не в праве входить с кредиторами в мировые соглашения относительно размеров погашения. Но область *реализации* имущества несостоятельного есть область чисто хозяйственных распоряжений, в которой и судебные ликвидаторы связаны лишь соображениями целесообразности. Ибо самый смысл замены судебного исполнителя ликвидаторами заключается в замене формального порядка реализации имущества порядком хозяйственным, с избытком искупающим расходы по ликвидации. Поэтому в области реализации претензий право заключать мировые сделки ничем не ограничено. В частности, нет препятствий к заключению сделок с самим несостоятельным, поскольку последний не лишается своей дееспособности и имущество, приобретенное им после объявления несостоятельности, не входит в ведение ликвидаторов (и соответственно, не изъемлется от принудительного взыскания со стороны кредиторов).

Состав ликвидаторов. Если уставная ликвид. комиссия является хозяйственным органом предприятия, то совершенно последовательно образование ее из лиц, причастных к делам данного предприятия, хотя бы из бывших членов правления. Прямо противоположную точку зрения занимает закон в отношении ликвидаторов, назначаемых судом по случаю несостоятельности полного товарищества; по ст. 308 ГК. ликвидаторы эти избираются „обязательно из посторонних товариществу лиц“. И если судебная ликвидация производится в интересах закона, одинаково ограждающего права как участников предприятия, так и кредиторов, третьих лиц, или государства, то, очевидно, и поручить ее можно только незаинтересованным лицам. Ст. 308 Гр. Код. оставляет без всякого ответа вопрос об отношениях ликвидатора к кредиторам; такая редакция закона дает основание и назначению в число ликвидаторов поверенных кредиторов или самих кредиторов. Однако, выполнение публично-право-

вой функции ликвидатора по существу несовместимо с обязанностями поверенного кредитора. Интересы кредитора всегда противоположны интересам должника, но легко могут впасть в коллизию и с интересами закона: в частности, положение поверенного может стать весьма двусмысленным в спорных и сомнительных случаях признания претензии его доверителя или отнесения ее к той или другой очереди удовлетворения кредиторов и быть совершенно безвыходным в случае необходимости оспаривать эту претензию судебным порядком. Указанная практика, коренящаяся вероятно еще в старом конкурсном процессе (Устав Судопроизводства Торгового, ст. 432), вовсе не соответствует духу ГК и ГПК., и Гражданск. Кассационная Коллегия вполне последовательно указала, что не общее собрание кредиторов, а суд от себя назначает ликвидаторов, при чем „не руководствуется желанием истцов самим попасть в ликвидационную комиссию или туда провести желательных им лиц, а назначает лиц, суду известных“ (определение от 18/XI—24 г. по д. Моссукна с Иоффе, Михель и Гимпельсоном, ЕСЮ 1925 г. № 2).

Законные пени и проценты. Публично-правовою природою судебных ликвидаций определяется и разрешение вопроса о начислении законных пеней и процентов. Хозяйственная реализация и законное распределение является не только правом, но и обязанностью ликвидатора, а потому немыслимо начисление пеней за то время, которое потребно для ликвидации: такая пеня явилась бы пенею за исполнение публично-правовой обязанности. Соображения эти, очевидно, неприменимы к уставным ликвидкомиссиям, которые, как уже сказано, представляют лишь новый хозяйственный, но не новый юридический принцип деятельности предприятия.

Договорные неустойки. Сложнее вопрос о договорных неустойках. Если договор автоматически переходит на уставную ликвидационную комиссию, которая является лишь новым хозяйственным органом ликвидируемого предприятия, то, напротив того, судебный ликвидатор является, как сказано, самостоятельным субъектом права и заменяет собою личность несостоятельного должника только в пределах своего задания—ликвидации его дел. Имущество несостоятельного должника считается в силу акта власти (судебного определения) изъятым из его ведения и переданным в распоряжение ликвидатора. Последний ведет его дела не от имени должника, а от своего собственного имени; равным образом и неисполненные договоры считаются перешедшими в ведение ликвидатора в том положении, в котором их застало судебное признание несостоятельности, т. е. в качестве долгового имущества, а не в качестве договора подлежащего дальнейшему исполнению. Закон возлагает на ликвидатора обязанность ликвидировать имущество, а не обязанность представлять личность несостоятельного; из существа его обязанности вытекает, что принятие им имущественного комплекса не равносильно принятию на себя обязательств по договору. Таким образом начисление договорных неустоек прекращается с момента объявления несостоятельности, разве что ликвидатор примет договор на себя; в этом случае (и с этого момента) обязательства по договору будут уже обязательствами ликвидатора, а не ликвидационной массы, и соответственно будут оплачиваться неустойкою и покрываться полным рублем, а не по разверстке.

Судебные издержки.

В связи с рассмотренным решается и вопрос о судебных и за ведение дела издержках по делам, стороною в которых выступает назначенный судом ликвидатор. Если ликвидатор обладает самостоятельной и отдельной от личности несостоятельного юридическою личностью, то и судебные издержки, с него присуждаемые, не могут быть признаваемы долгом несостоятельного, а являются долгом ликвидатора, а следовательно оплачиваются в первую очередь, вне всяких установленных законом очередей удовлетворения кредиторов. С другой стороны, акт назначения судом особого должностного лица, уполномоченного на рассмотрение претензий и распределение имущества несостоятельного должника, давая кредиторам достаточную гарантию удовлетворения их законных требований, делает излишним предъявление этих требований судебным порядком до тех пор, пока не последовало отказа в признании требования. Поэтому нет основания присуждать с ликвидаторов издержки, произведенные по таким исковым требованиям, которые были заявлены прямо в суд после объявления несостоятельности, но прежде отклонения требования ликвидаторами. Что касается до издержек производства по искам, предъявленным прежде объявления несостоятельности, то таковые должны, очевидно, включаться в общую сумму требования и удовлетворяться по разверстке, хотя бы разрешение дела последовало и после объявления несостоятельности и назначения ликвидаторов.

Прервание давности.

Из должностного характера ликвидаторов и их права—обязанности рассмотрения заявляемых претензий—вытекает, что заявление претензии должно почитаться прерывающим течение давности, наравне с предъявлением иска. Если признать, что преждевременное предъявление иска, как сказано выше, неправильно, а потому лишает истца права на возмещение ему издержек производства, то последовательность требует придать правильному действию, т. е. заявлению претензии, силу прерывающего давность: ибо нельзя совершение неправильного действия ставить условием прервания давности.

Срок для заявления претензий.

Обязанность ликвидаторов заключается в рассмотрении претензий и удовлетворении их в очередном порядке, установленном законом. Совершенно очевидно, что составление окончательного списка и проекта распределения, утверждаемого судом, может последовать только по окончательном рассмотрении *всех* претензий, ибо включение в список новой претензии уже после составления проекта распределения повлекло бы за собою ломку всего проекта. В виду этого как уставные ликвид. комиссии, так и судебные ликвидаторы обычно публикуют срок, по истечении коего заявления претензий более не принимаются.

Само собою очевидно, что срок этот ни в каком случае не пресекает самаго права кредитора, ибо право это не погашается и окончанием ликвидации. Однако, практически нерассмотрение претензии лишает кредитора возможности получить удовлетворение из ликвидируемого в данное время имущества, и в большинстве случаев такая отсрочка равносильна полной невозможности получить удовлетворение. В виду этого возникает вопрос, в праве ли ликвид. комиссия отказать в рассмотрении претензии по основанию пропуска срока. При отсутствии в законе специальных указаний, вопрос этот решается отрицательно как для уставных, так и для судебных ликви-

даций. При уставной ликвидации объявление срока вообще не имеет никакого обязательного значения для кредиторов, ибо они в праве производить взыскание, игнорируя образование ликвидационной комиссии. При судебной ликвидации объявление срока безусловно обязывает ликвидаторов рассмотреть претензии, заявленные своевременно; но и претензии, заявленные после срока, не могут быть оставлены без рассмотрения, если проект распределения еще не составлен и не представлен на утверждение в суд, ибо только техническая невозможность рассмотреть претензию оправдывает отказ в ее рассмотрении. Тем не менее, объявление срока необходимо, как предупреждение об ограниченности времени работ ликвидаторов.

Зачет встречных требований.

Вопрос о зачете при несостоятельности решается практикой неодинаково, при чем противники зачета ссылаются на ст. 266, ограждающую права привилегированных кредиторов. Нельзя не согласиться, что зачет всегда вредит другим (хотя бы непривиллегированным) кредиторам; но существование коллизии между ст. 266 ГПК и ст. 129 Гр. Код. еще не есть основание к упразднению действий последней статьи.

Прежде всего следует отметить, что при существовании уставной ликвид. комиссии вообще не может быть делаемо никаких возражений против применения общих правил о зачете, ибо образование уставной ликвид. комиссии вовсе не вносит перемен в правовое положение ликвидируемого предприятия. Едва ли возможно придавать значение и причине образования ликвид. комиссии, ибо, поскольку самая ликвид. комиссия является лишь хозяйственным органом предприятия, то и причина, побудившая предприятие образовать такой орган,—безразлична. Поэтому, очевидно, не имеет значения, была ли образована ликвид. комиссия по причине несостоятельности или по другой причине. Но имеет ли значение установление несостоятельности по суду, если оно не сопровождалось назначением судебных ликвидаторов? Полагаю, что распределение имущества между кредиторами в порядке ст. 266 может быть производимо только судебным исполнителем или должностным лицом, его заменяющим с утверждения суда, ибо оно всегда сопряжено с стеснением прав кредитора в пользу других кредиторов равной или высшей очереди, которое, конечно, может быть произведено только судебною властью на точном основании закона. Поэтому и возражения против возможности зачета при несостоятельности могут иметь место только при существовании судебных ликвидаторов.

Против зачета при судебной ликвидации можно возразить, что закон не содержит никаких указаний ни на производство зачета силою закона (ipso jure), ни на обратную силу зачета, а потому зачет, если он заявлен после открытия несостоятельности, не производится, как нарушающий права других кредиторов. В результате применения этой точки зрения легко может случиться, что кредитор не получит ни рубля, а свой долг уплатит полностью.

Едва ли возможно согласиться с этим взглядом. Правда, мнение Гойхбарга [1]), что зачет производится и без заявления сторон, не может быть принято без оговорок. Конечно, закон никого не обязывает пользоваться своими правами и зачет есть право, а не обязанность должника; даже Code Civil, устанавливая законный зачет без ведома сторон с момента встречи требований (compensation légale в отличие

[1]) Гражд. Кодекс, Комментарий, 1925 г., стр. 173.

от compensation facultative и от compensation judiciaire), не допускает погашения искового требования зачетом при отсутствии соответствующего возражения со стороны должника [1]). Тем более такой зачет не возможен по Гражданскому Кодексу. Зачет ipse jure исторически противополагается не зачету по заявлению, а зачету по усмотрению судьи [2]); поэтому об автоматическом зачете говорить едва ли возможно.

Некоторое кажущееся изменение в это общее правило вносится особенностями построения гражданского судопроизводства по ГПК. Именно, суд, отыскивающий материальную истину, не всегда в праве игнорировать встречные требования ответчика, если даже не имеется в виду ссылки на них, например, по причине неявки ответчика. Такое положение может иметь место в том случае, когда встречное требование имеет общее с иском основание. Но в этих случаях взаимное погашение есть принцип установления объема материального права, а не принцип „прекращения обязательства", предусматриваемого ст. 129 ГК, а потому рассматриваемые случаи не являются типичными и правило о невозможности автоматического зачета остается по существу непоколебленным.

Иначе решается вопрос об обратной силе заявления о зачете. Согласно ст. 129, п. „в" ГК зачету подлежат встречные однородные требования, срок коим наступил, т. е. условиями производства зачета являются встречность, однородность и „востребовательность" (exigibilité) их. Норма эта диспозитивна, как и все нормы гражданского права, если в самом законе им не придана принудительная сила; поэтому для применения ее требуется заявление стороны. Но *основанием* зачета является не воля стороны, а воля закона, вызванного к действию волею стороны; поэтому и моментом зачета должно считать момент наступления всех требуемых законом условий, а не момент изъявления воли сторон. Рассматриваемое положение аналогично платежу законных процентов по протестованному векселю: без требования векселедержателя проценты эти присуждены не будут, но при наличности требования они начисляются со дня протеста, т. е. задним числом. Требование со стороны управомоченного лица есть общее нормальное условие применения гражданского закона, но материальное право возникает не с момента заявления требования, а с момента наступления материальных его реквизитов,—в данном случае условий, указанных в п. „в" ст. 129. Поэтому следует, казалось бы, признать, что заявление о зачете во всех случаях обладает обратным действием [3]).

Из сказанного вытекает, что и возможность зачета определяется обстоятельствами, сопутствующими моменту наступления условий ст. 129: если эти условия наступили ранее открытия несостоятельности, то нет препятствий к производству зачета, если же, напротив того, в момент наступления этих условий уже действует судебная ликвидация, то требование несостоятельного должно считаться поступившим в ликвидационную массу и производство зачета было бы нарушением прав других кредиторов на равное или преимущественное удовлетворение.

Таким образом, следует признать, что за отсутствием у нас особого постановления закона о признании наступившими сроков всем обязательствам несостоятельного в момент открытия несостоятель-

---

[1]) Aubry et Rou, Cours de droit civil, 1871, t. IV, § 328.

[2]) Дернбург, Пандекты, обязат. право, перев. Соколовского, 1911, стр. 166.

[3]) Того же мнения Малицкий (Комм. к Гр. Код. 1923 г., стр. 103), но, к сожалению, без мотивировки.

ности (ср. Уст. Судопр. Торг. ст. 412),—зачет производится по тем встречным требованиям, срок коим наступил ранее открытия несостоятельности.

Такой вывод представляется нам не только правильным догматически, но и жизненным: всякое колебание кредита, всякая неуверенность в своем праве, увеличивая риск, ложится накладным расходом на деловой оборот, и, следовательно, отдаляет производителя от потребителя. Между тем, весьма часто кредит оказывается только в расчете на покрытие его путем зачета долга кредитора сомнительному должнику (например, забором товара в кредит), с единственной целью обеспечить себя на случай неплатежа, и не будет преувеличением утверждение, что при несостоятельности в основе большинства встречных требований кредиторов лежат именно соображения указанного порядка [1]).

Таковы некоторые практические замечания, которые вытекают из описанной выше конструкции судебных ликвидаций. Законодательная разработка вопроса есть один из насущных вопросов нашей жизни.

Н. Н. Рейнке.

Вопросы практики по подоходному налогу.

Вопрос 1. При обложении подоходным налогом рабочих и служащих следует ли и в каких случаях присоединять к доходу стоимость выдаваемых им в известных случаях трамвайных и железнодорожных билетов?

Ответ. При разрешении этого вопроса в каждом отдельном случае следует выяснять, для какой цели упомянутые билеты выдаются.

Когда эти билеты выдаются для целей неслужебного характера, то выдача их является видом увеличения заработной платы и поэтому присоединяется к общей сумме полученного рабочим или служащим заработка.

Если же билеты выдаются на разъезды по делам службы, то стоимость их, на основании § 125 Инстр. о порядке взимания подох. налога, от 29/XI—24 г. („Вестн. Фин." 1924/25 г. № 21), присоединяться к заработку не должна.

Вопрос 2. Некоторыми учреждениями сотрудникам, командируемыми для производства тех или других работ, взамен суточных, а также в вознаграждение за производство этих работ во внеурочные часы, устанавливается на время командировки определенная надбавка к окладам месячного содержания сотрудников. Возникает вопрос: должна ли эта надбавка присоединяться к заработной плате сотрудников при обложении их подоходным налогом.

Ответ. Согласно разъяснения Управления Госуд. Налогами НКФ СССР, от 16/III—26 г. за № 0411498/217, по смыслу примечания 1-го к § 136 Инстр. о порядке взим. под. налога при обложении подоходным налогом рабочих и служащих по заработной плате, не принимаются в расчет выдаваемые, согласно ст. ст. 81 и 82 Кодекса Законов о Труде, при командировках и переводах командировочные, суточные и пособия.

---

[1]) Так решает вопрос и Арб. Ком. при С. А. Экосо—см. Рабочий Суд, 1926 г. № 8, стр. 547.

Поэтому твердая надбавка, устанавливаемая в том или другом размере к месячному содержанию рабочих и служащих за время командирования их на работы взамен суточных, а также в вознаграждение за работу, выполняемую в сверхурочные часы, может быть причислена к облагаемому доходу лишь в той части, которая превышает сумму суточных, причитающихся данному лицу, если бы оно получало эти деньги в общем порядке на существующих основаниях, при чем последняя сумма должна быть официально удостоверена учреждением, выплачивающим заработную плату.

Вопрос 3. При обложении прогрессивными окладами налога рабочих и служащих 20-ти процентная скидка должна ли производиться с исчисленных окладов налога или же с дохода? Если с дохода, то со всей ли его суммы или только с заработной платы и в последнем случае с полной суммы заработка или же за вычетом предусмотренных положением о подоходном налоге 900 рублей.

Ответ. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 26/III—26 г. („Изв. ЦИК и ВЦИК" от 31/III—26 г. № 73) 20-ти процентная скидка установлена лишь для заработной платы. Поэтому в тех случаях, когда у рабочего или служащего имеются еще какие-либо другие источники дохода, то для применения указанной скидки из общей суммы дохода следует выделить доход от заработной платы, каковой только и уменьшить на 20%.

Согласно циркуляра НКФ СССР, от 5/IV—26 г. № 421 („Вестн. Фин." 1925/26 г. № 55), уменьшению на 20% подлежит полная сумма заработной платы. Таким образом, следует сначала эту сумму уменьшить на 20% и уже из оставшихся затем 80% заработка исключить предусмотренные примечанием 1 к ст. 15 Полож. о гос. под. налоге от 29/X—24 г. („Вестн. Фин." 1924/25 г. № 21) 900 рублей. Получившийся после этого остаток и подлежит обложению налогом, если превышает установленный для данной местности необлагаемый минимум дохода.

Необходимо заметить, что льгота эта распространяется исключительно на рабочих и служащих государственных учреждений и предприятий.

Вопрос 4. В чем заключаются изменения, внесенные постановлением ЦИК и СНК СССР от 26/III—26 г. („Изв. ЦИК и ВЦИК" от 31/III—26 г. № 73) в обложение рабочих и служащих, имеющих подсобные заработки?

Ответ. Упомянутое постановление касается обложения только по совокупности доходов и таким образом не меняет порядка обложения указанных выше лиц основным налогом.

До издания постановления 26/III—26 г. 50-ти процентная скидка допускалась лишь в отношении литературного заработка согласно пост. НКФ СССР 29/VIII—25 г. № 115/0433449.

Ныне это постановление НКФ отменено, поэтому и при наличии у рабочих или служащих литературного заработка приходится руководствоваться уже постановлением 26/III—26 г. Этим же постановлением дается льгота только тем рабочим и служащим, у которых работа по найму остается основным источником получения средств к существованию. Поэтому, если литературный заработок у кого-либо превысит заработную плату за полугодие, то такое лицо должно уже облагаться по полной сумме заработка без скидки, т. к. в этом случае за основной источник дохода признается уже литературная работа, а не служба.

Таким образом постановлением 26/III—26 г. льгота лицам, занимающимся литературным трудом, сужена, т. к. до издания этого постановления 50-ти процентной скидкой пользовались все лица, имеющие литературные заработки, и независимо от размера последних.

Но в то же время постановлением 26/III—26 г. эта скидка распространена на такие *подсобные* заработки, которые раньше учитывались в полных суммах, а именно: на доходы, получаемые от составления смет, чертежей, проектов, планов, рецензий, от издания собственных литературных и музыкальных произведений, от вознаграждения за изобретения и т. п. видов творчества.

Вопрос 5. Могут ли воспользоваться указанной выше льготой (вопрос 4) члены коллегии защитников и врачи, состоящие на службе, но имеющие подсобный заработок от частной практики?

Ответ. Нет, не могут, так как такого рода заработок не может быть отнесен к числу тех, которые дают право на льготу и перечислены в ответе на четвертый вопрос.

Вопрос 6. Подлежат ли ответственности рабочие и служащие, своевременно подавшие декларацию о полученном доходе по месту работы или службы, в том случае, если эти декларации были затем пересланы в финансовый отдел после срока подачи таковых?

Ответ. Нет, не подлежат, так как плательщиком налога возложенная на него по закону обязанность выполнена своевременно, и ответственности в данном случае подлежат те должностные лица, на которых были возложены прием и представление деклараций в местные финансовые отделы.

Вопрос 7. Могут ли подавать декларации по месту службы только плательщики категории „А“ или же все вообще рабочие и служащие, независимо от того, по какой категории они облагаются?

Ответ. Хотя § 187 Инструкции о порядке взимания гос. под. налога и предусматривает как бы такую подачу в отношении только тех рабочих и служащих, которые привлекаются к обложению по категории „А“, однако, примечание к ст. 17 полож. о гос. под. налоге, от 29/X—24 г., устанавливает указанный выше порядок для всех вообще рабочих и служащих, поэтому нет никаких оснований требовать от рабочих и служащих, облагаемых основным налогом по категории „Б“ или „В“, подачи деклараций обязательно непосредственно налоговым органам.

Вопрос 8. Должны ли облагаться налогом и в каком порядке сотрудники госорганов, откомандированные за границу и получающие жалованье за счет госорганов, в списках которых они значатся?

Ответ. Такие служащие подлежат обложению на общих основаниях, как в тех случаях, когда служба их в предшествующем полугодии протекала в пределах СССР, так и тогда, когда эти сотрудники в предшествующем полугодии работали за границей.

Вопрос 9. Какие изменения внесены упомянутым выше постановлением 26/III—26 г. в порядок обложения товариществ полных и на вере и членов этих товариществ?

Ответ. По постановлению 26/III—26 г. товарищества полные и на вере из числа юридических лиц, привлекаемых к подоходному налогу в качестве таковых, исключены с 1-го апреля 1926 года.

Таким образом с 1-го апреля эти товарищества облагаться подоходных налогом не должны, но с этого же числа подлежат обло-

жению члены их, как лица физические, по полной сумме дохода, который приходится на долю каждого от участия в этих товариществах.

Вопрос 10. Так как обложение товариществ установлено было годовое, из числа же юридических лиц, привлекаемых к обложению, они исключены лишь с 1-го апреля 1926 года, то возникает вопрос о порядке обложения их в текущем 1925/26 году.

Ответ. Вопрос этот разрешается следующим образом: в текущем бюджетном году уплачивают подоходный налог на прежних основаниях лишь те товарищества, которые привлечены были к обложению, как юридические лица, до 1-го апреля 1926 года. Если же до этого числа обложения их не состоялось, то такие товарищества, как таковые, не подлежат обложению.

Кроме того, так как ни постановлением 25-го марта 1926 г. ни последовавшими по применению его распоряжениями НКФ СССР не устанавливается какого-либо перерасчета исчисленных уже окладов налога, то нет оснований к тому, чтобы определенные на 1925/26 года оклады понижались на половину. Для таких товариществ новый порядок обложения фактически будет применяться лишь с 1-го октября 1926 года.

Вопрос 11. С какого времени подлежат обложению налогом члены упомянутых выше товариществ?

Ответ. Здесь следует различать два случая:

1) когда обложение самих товариществ состоялось до 1-го апреля 1926 года и 2) когда такого обложения не было еще произведено.

В первом случае обложение членов товариществ по новым правилам должно производиться лишь начиная с 1-го октября 1926 г., так как в текущем 1925/26 году оклад налога уплачивается самими товариществами.

Во втором случае члены товариществ должны быть привлечены к налогу не только за второе полугодие 1925/26 года, но и за 1-ое полугодие этого же года, так как иначе будет иметь место пропуск одного окладного полугодия (первого).

Вопрос 12. Должен ли при обложении в 1-м голугодии 1926/27 года (см. вопрос 11, 1-й случай) учитываться полугодовой доход (с 1-го апреля по 1-е октября 1926 г.) или же годовой (с 1-го октября 1925 г. по 1-е октября 1926 г.)? Вопрос этот возникает потому, что при первом разрешении вопроса доход за полугодие с 1 октября 1925 г. по 1 апреля 1926 г. остается необложенным.

Ответ. Обложение физических лиц установлено *годовое*. Поэтому в основание обложения, при определении полугодовых окладов налога, может приниматься лишь полугодовой же доход, за исключением лишь тех случаев, когда источник дохода существовал меньше полугодия.

Отсюда ясно, что при обложении членов товариществ в 1-м полугодии 1926/27 г. доход их от участия в товариществе должен учитываться лишь полугодовой (с 1 апреля по 1 октября), при чем то обстоятельство, что доход за одно полугодие остается не обложенным, значения не имеет по приведенным уже соображениям.

Е. Розов.

К вопросу о повышении квалификации работников пенитенциарного дела.

(Московские пенитенциарно-педагогические курсы)

Не подлежит сомнению, что успешная работа того или иного общественного института зависит от целого ряда объективных условий, при которых приходится эту работу осуществлять. И одним из таких весьма существенных условий, бесспорно, является удачный подбор и специальная подготовка работников.

Само собою разумеется, что это общее правило сохраняет свою силу и в области тюремного дела. Известный немецкий ученый К. Krohne еще 55 лет тому назад отмечал, что „люди важнее правил". Этот принцип,—писал он,—имеет для тюремного управления совершенно особое значение. Самые лучшие тюремные системы, самые совершенные правила будут бессильны при неподготовленном и неудачном тюремном персонале. И, наоборот, недостатки тюремной системы и уставов будут почти незаметны при хорошем личном составе работников тюремного дела... Бессмысленно расточать миллионы за миллионами на постройку тюрем и пускать в них хозяйничать служащих, которые еще не доросли до правильного понимания карательных задач государства. Найти дельных служащих, воспитать их и поддержать в них любовь к своему призванию—вот что составляет главную задачу тюремного управления" [1]).

В этом же смысле весьма единодушно и настойчиво высказывались и тюремные конгрессы. Еще в 1872 г. на американском тюремном конгрессе в Цинцинатти было вынесено следующее постановление: „Задачу—сделать из дурного человека хорошего—нельзя доверять первому попавшемуся; это обязанность серьезная, требующая солидной подготовки, полной преданности, спокойного и справедливого суждения, большой стойкости при достижении цели, настойчивости в действиях, обширного опыта, действительной симпатии и много нравственной силы в минуту испытания. Поэтому лица, служащие в тюрьмах, должны получать специальное воспитание, в соответствии с родом своего будущего служения. Для этого следует открыть образцовые школы для подготовки тюремного персонала, где обучающиеся должны быть подготовляемы с сознанием важного значения их будущей профессии [2]).

Ту же самую мысль на втором международном тюремном конгрессе, состоявшемся 15—26 августа 1878 г. в Стокгольме, высказал и начальник датского главного тюремного управления профессор Гоос в следующих словах: „Donnez-moi le meilleur réglement avec un mauvais directeur, vous n'aurez aucun résultat. Donnez-moi un bon directeur même avec un réglement médiocre et je vous reponds, que tout ira à

---

[1]) K. Krohne. Die Gefängnissbaukunst. Статья в сборнике Holtzendorfs, Handbuch 1871 c. Band I. Эту же мысль он повторяет и в своем „Lehrbuch der Gefängnisskunde. Stuttgart" 1889, S. 518.

[2]) Ф. Н. Малинин. Постановления шести международных тюремных конгрессов. СПБ, 1904 г., стр. 14.

merveille“ [1]). Четвертый народный тюремный конгресс, собравшийся 3/16—12/25 июня 1890 г. в Петербурге, уже специально обсуждает вопрос о том, „какими мерами можно обеспечить привлечение надлежащих служащих в тюремные учреждения“, и дает на него следующий ответ: „Подготовление кандидатов на высшие должности должно заключаться: а) в прохождении курса истории и теории тюрьмоведения и б) в практическом изучении всех подробностей тюремной службы, под руководством начальников образцовых мест заключения; по окончании этого подготовительного срока, кандидаты должны быть внесены в списки, которые представляются затем власти, имеющей право назначения к должностям. Подготовительное обучение кандидатов на низшие должности должно прежде всего заключаться в практической тюремной службе, которая заменяла бы существующие в некоторых государствах школы тюремных надзирателей, и находилась бы под руководством опытных начальников в пределах именно той местности, где кандидатам предстоит начать свою службу [2]). А последний, IX международный пенитенциарный конгресс, состоявшийся 3—8 августа 1925 г. в Лондоне, идет еще дальше. В своей резолюции по вопросам законодательства, он выдвигает в качестве необходимого требования не только для пенитенциарных работников, но и для всех желающих стать судьями—обязательное теоретическое и практическое знакомство с психологией, социологией, судебной психиатрией и непологией, а для лиц, уже занимающих в настоящее время судейские должности, обязательное прослушание курсов-лекций по криминологии [3]).

Приведенные слова наиболее видных теоретиков и практиков тюремного дела, нашедшие свое отражение как в отдельных монографиях, так и в продуктах коллективного творчества—постановлениях тюремных конгрессов, объясняют нам, почему специальная подготовка на особых курсах или в особом учебном заведении работников тюремного дела уже давно имеет место почти во всех государствах.

У нас, в России, потребность в курсах для подготовки работников пенитенциарного дела стала особенно острой после свержения самодержавия. „Имеющийся в настоящее время,—читаем мы в приказе № 2 Начальника Главного, Тюремного Управления проф. А. А. Жижиленко от 17 марта 1917 г.—тюремный персонал, воспитанный в атмосфере бесправия и неуважения к человеческой личности и усвоивший навыки прежнего строя, должен быть признан в общем мало пригодным для осуществления тех задач внутреннего тюремного переустройства, которые настоятельно выдвигаются условиями обновленного государственного строя и свободной общественной жизни. С другой стороны, для занятия должностей по управлению местами заключения должна требоваться специальная подготовка, которой нынешний тюремный персонал почти вовсе не обладает. Между тем трудное и ответственное дело тюремного воспитания может быть возложено только на лиц, специально к тому подготовленных“ [4]). И в результате постановлением Временного Правительства от 7 апреля 1917 г. при Главном Тюремном Управления с 1 мая были открыты

---

[1]) Actes du Congrès Penitentiaire de Stockholm, I, page 120.

[2]) Ф. Н. Малинин. Названное сочинение, стр. 57.

[3]) Резолюция IX международного пенитенциарного конгресса. „Проблемы преступности“ Сборник статей Гос. Института по изучению преступности и преступника. Вып. I. 1926 г. стр. 264.

[4]) Вестник пенитенциарных знаний № 1—6 за 1917 г. стр. 72.

в Петрограде трехмесячные „пенитенциарные курсы для специальной подготовки лиц, желающих посвятить себя службе по администрации мест заключения".

Не подлежит сомнению, что только после Октябрьского переворота, призвавшего к власти самих трудящихся и поставившего своей непосредственной задачей социалистическое переустройство страны, дело организации таких курсов могло получить наиболее интенсивное развитие и широкое воплощение в жизни. И, действительно, даже в годы ожесточенной гражданской войны и внешней блокады Советской властью выдвигался вопрос об организации курсов для работников пенитенциарного дела. Изданная Наркомюстом 23 июля 1918 г. „Временная инструкция о лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового" (Собр. Узак. 1918 г., № 53, ст. 598) на первое отделение Карательного Отдела Народного Комиссариата Юстиции уже определенно возлагала специальную разработку методов воспитания применительно к жизни и существующим условиям и в частности „создание кадра учителей для мест заключения и организацию курсов для работников тюремного дела". Как известно, этот закон не остался пустым звуком. Еще в 1918—1919 г.г. были организованы пенитенциарные курсы в Москве—при Центральном Карательном Отделе и в провинции—при некоторых губернских карательных отделах.

Но особенно остро, особенно жгуче пред практическими работниками мест заключения встал вопрос о повышении их квалификации после принятия 16 октября 1924 г. XI Сессией ВЦИК второго созыва Исправительно-Трудового Кодекса. Этот законодательный акт Советской власти, раскрывая новые широкие горизонты в практической работе пенитенциарных деятелей, предъявлял к ним уже определенные пенитенциарно-педагогические требования. Вот почему собравшийся на другой месяц после опубликования кодекса второй Всероссийский пенитенциарный съезд, считая специальную подготовку работников исправительно-трудового дела единственной гарантией правильного понимания ими Исправительно-Трудового Кодекса, поручил Главному Управлению Местами Заключения принять все меры к организации в центре и на местах специальных курсов для пенитенциарных работников, и изданию специального печатного органа по исправительно-трудовому делу, в котором теория и практика пенитенциарного дела освещалась бы соответствующим образом.—Во исполнение этой директивы Съезда Главным Управлением Местами Заключения с января 1925 г. было взято редактирование в органе НКВД—Административном Вестнике „нового отдела"—„Исправительно-Трудовое Дело" и в том же январе были организованы краткосрочные (трехмесячные) курсы по переподготовке командного состава мест заключения гор. Москвы и Московской губернии. 1 февраля того же года Ленинградской Губинспекцией мест заключения были открыты аналогичные (двухмесячные) курсы для работников пенитенциарных учреждений г. Ленинграда и губернии.

Само собою разумеется, что организацией только этих курсов для пенитенциарных работников Главное Управление Местами Заключения РСФСР не могло ограничиться. Своей дальнейшей задачей оно ставило повышение квалификации просвещенцев в местах заключения. Оно ясно сознавало, что возложенные Исправительно-Трудовым Кодексом на учебно-воспитательный персонал мест заключения изучение юных и взрослых правонарушителей и основанное на этом изучении культурно-просветительное воздействие на них могут

быть выполнены лишь при условии более или менее основательного знакомства сотрудников учебно-воспитательной части с основными принципами и методами Советской пенитенциарии и педагогики. Однако, не имея возможности в силу материальных затруднений организовать также курсы во всероссийском масштабе, оно ограничилось пока учреждением их лишь для культпросветработников московских мест заключения.

Организация пенитенциарно-педагогических курсов в первую очередь именно в Центре имеет за собою серьезные основания. Нельзя забывать, что Москва—это пенитенциарная лаборатория, в которой вырабатываются новые методы пенитенциарного строительства и затем, по проверке их успешности на опыте, переносятся из Центра на периферию. Ведь, только в Москве, где находятся и Государственный Институт по изучению преступности и преступника, и Главное Управление м. з., и Наркомпрос, и целая сеть высших учебных заведений, представляется возможным привлечь к чтению лекций лучшие пенитенциарные и педагогические научные силы. Ведь только в Москве, где имеется руководящий пенитенциарным делом во всей Республике орган, можно говорить о печатном издании прочитанных курсов лекций, и о снабжении ими практических работников не только центра, но и провинции...

Московские пенитенциарно-педагогические курсы открылись 27 февраля 1926 г. и продолжались три месяца. Занятия на них происходили два раза в неделю по средам и субботам, при шестичасовой нагрузке в день. Общее количество слушателей достигло 80 чел. Занятия на курсах велись частью при помощи лекционного метода, частью путем лабораторной проработки отдельных научных проблем. Курсы были организованы для всех сотрудников учебно-воспитательной части московских мест заключения и ставили своей задачей: а) сообщить необходимый запас пенитенциарно-педагогических знаний и профессиональных навыков всем работающим в местах заключения культпросветработникам и б) углубить и расширить на основе новейших методических достижений Советской пенитенциарии и педагогики их общее образование и общественнополитическое развитие в целях наибольшего овладения избранной слушателями специальностью.

Учебный план курсов обнимал собою: а) цикл общественно-педагогических наук, б) цикл пенитенциарных знаний, в) школьный практикум, и г) внешкольный практикум. В круг наук общественно-педагогического цикла входит: 1) „Обществоведение“, 2) „Основные принципы и система народного образования в РСФСР“ и 3) „Вопросы повышения квалификации просвещенцев в м. з“. Цикл пенитенциарных наук обнимал следующие предметы: 4) „Общее учение о причинах правонарушений взрослых и несовершеннолетних“, 5) „Основы исправительно-трудовой политики Советской власти“ и 6) „Пенитенциарная антропо гогика“ (учени о методах воспитательного воздействия на взрослых и юных правеонарушителей лишенных свободы). Внешкольный практикум охватывал следующие курсы: 7) „Методика социально-психологического обследования личности заключенного“, 8) „Методика камерной работы с заключенными“, 9) „Методы работы с литературными кружками в м/з (марксистское воспитание на основе изучения художественных произведений), 10) „Методика лекционного дела в м/з“, 11) „Методика и техника работы драмкружков в м/з“, 12) „Методика и техника библиотечной работы в м/з“, 13) „Физкультура в местах заключения“ и 14) „Методика работы кружков ИЗО

в м/з", 15) „Школьный практикум" включал в себя методику работы с неграмотными и малограмотными в м/з. К чтению лекций и руководству практическими занятиями на курсах были приглашены научные работники и сотрудники Государственного Института по изучению преступности и преступника, Наркомпроса и Московского Отдела Народного Образования.

Уже беглый обзор учебного плана курсов для просвещенцев московских мест заключения показывает, что в основу его построения положен принцип „теории, поскольку это нужно для практики". Сама же программа занятий позволяет надеяться, что слушатели, ознакомившись с основными принципами, методикой и техникой Советской пенитенциарии и педагогики, станут умелыми проводниками в жизнь основных начал исправительно-трудовой реформы.

Значение курсов увеличивается еще и от того, что к чтению на них впервые были привлечены работники Наркомпроса. Это знаменует собою наиболее полную согласованность в культурно-просветительной работе в местах заключения двух заинтересованных наркоматов—НКВД и НКП и обеспечивает наивозможно скорейшее перенесение на нее всех новейших методических достижений Наркомпроса.

Пенитенциарные курсы, однако, только один из начальных этапов повышения квалификации работников исправительно-трудового дела. Последним нужна дальнейшая углубленная проработка вопросов в области практических мероприятий по пенитенциарно-педагогическому строительству. И здесь нужно строить работу на действительной самодеятельности пенитенциарных работников, самодеятельности беспрерывной и по иному организованной, связанной с их повседневной черновой работой. Своевременное ознакомление с вопросами теории и практики исправительно-трудового дела, освещаемыми на страницах ведомственного органа НКВД и трудов Государственного Института по изучению преступности и преступника, коллективная проработка наиболее жгучих проблем преступности на созываемых в центре и на местах с участием представителей прокуратуры, наблюдательных и распределительных комиссий, съездах и конференциях пенитенциарных работников, наконец, участие культпросветработников м/з в районных библиотечных, школьных и внешкольных инструктивных объединениях Политпросветов, — таковы другие способы дальнейшего повышения квалификации работников Советских исправительно-трудовых учреждений.

Ю. Бехтерев.

Врачебная тайна.

Вопрос о том, обязан ли врач и в каких случаях хранить те сведения и факты, которые стали ему известны в связи с профессиональной деятельностью и составляют тайну больных—и по настоящее время является предметом споров; а между тем жизнь не ждет окончания теоретических разногласий и в конкретных случаях из врачебной практики требует определенного ответа. В первые годы после

октябрьской революции, когда на ряду с гражданской войной и экономической разрухой, шла спешная работа переоценки старого и намечались основные вехи нового,—институт врачебной тайны не привлекал внимания советской общественности, занятой разрешением более важных проблем, выдвинутых современностью. И только за последнее время этот вопрос снова поставлен в порядок дня и, в частности, занимал видное место в работах последнего всесоюзного венерологического съезда в Харькове, в 1925 г. В общем съезд пришел к выводу, что тайна может быть соблюдаема в интересах отдельных лиц, поскольку это не противоречит интересам государства, при чем Наркомздрав предполагает выработать соответствующие правила. Кроме того, во многих городах были проведены анкеты среди рабочих, и последние в большинстве случаев высказываются против соблюдения тайны [1]). Однако, на основании подобного рода анкетных данных едва ли можно прийти к определенному заключению—во-первых, потому, что для выяснения взгляда широких масс населения необходима анкета во всесоюзном масштабе, и, во-вторых, следовало бы принять во внимание, что психологическая установка к вопросу о врачебной тайне больных и здоровых людей далеко не всегда одинакова. В виду отмеченных фактов, иллюстрирующих оживление интереса советской общественности к затронутой нами теме, предоставляется своевременным еще раз пересмотреть этот вопрос, история которого восходит к народам древности, так, еще у Гиппократа мы находим чрезвычайно широкое понимание профессиональной тайны; врачебная тайна была не чужда и сознанию римлян; последователи Брамы также считали молчание одним из условий врачебной деятельности и запрещали оглашать факты, связанные с материальным ущербом для больных. В средние века профессиональная тайна предусматривалась постановлением Парижского медицинского факультета (Уставы 1600 и 1171 гг.), при чем последнее перешло впоследствии в факультетскую присягу, которая подписывалась каждым врачом по окончании университета.

В наше время институт врачебной тайны существует почти во всех иностранных законодательствах и пользуется более или менее широкой защитой закона—особенно во Франции. В русском законодательстве дореволюционного периода, правда, не было прямого указания на врачебную тайну хотя закон знал институт профессиональной тайны вообще (тайна адвокатская,—исповеди). Судебная практика того времени подводила случаи нарушения врачебной тайны под ст. 137 устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1885 г.; упомянутая статья карала арестом не свыше 15 дней или штрафом до 50-ти рублей „за разглашение, с намерением оскорбить чью-либо честь, сведений сообщенных втайне, или же узнанных вскрытием чужого письма, или другим противозаконным способом“. Что касается факультетского обещания, где содержится прямое указание на врачебную тайну, то по разъяснению сената оно имело лишь моральное значение, при чем в то время эта точка зрения довольно единодушно высказывалась в юридической литературе. Шагом вперед являлась ст. 541-ая позднейшего Уголовного Улож. 1903 г., в ней было дано определение профессиональной тайны и уголовная санкция за ее нарушение—арест или денежная пеня не свыше 500 руб., а при наличии умысла—до 6-ти месяцев тюремного заключения, при

---

[1]) „Вечерняя Москва“ 9/VI—1925 г.

чем оглашение тайны квалифицируется, в отличие от оскорбления, как особый вид правонарушения. Для состава преступления требуется два условия: 1) сведения должны быть доверены известному лицу в силу его профессии и 2) оглашение тайны наказуемо, если совершается „без достойных уважения причин". В то же время в иностранных законодательствах, а равно и в русском дореволюционного периода,—имеются статьи так или иначе ограничивающие объем врачебной тайны путем ее обязательного нарушения, а именно, в тех случаях, когда, по мысли законодателя, интересы частного характера должны уступить государственным.

Прежде чем перейти к конкретному обсуждению вопроса в условиях переживаемого нами переходного времени, еще следует несколько остановиться на существующих взглядах, трактующих весьма различно самый институт врачебной тайны. Коротко говоря, все разногласия сводятся к тому, что одни вообще не признают института врачебной тайны, другие—стоят за абсолютную тайну, полагая вместе с проф. суд. медицины Brouardel'ем, что „молчание является правилом, которое не имеет исключений" и, наконец, третьи спорят относительно самого объема тайны. С одной стороны, есть врачи, принимающие принцип врачебной тайны с ограничением, а, с другой— не так уж мало юристов—сторонников безусловной тайны. Сказанное можно было бы иллюстрировать рядом цитат из работ видных представителей судебной медицины и юриспруденции. Между прочим, в группу противников тайны входят лица, так или иначе пострадавшие от применения этого принципа врачом — например, женщины, заразившиеся сифилисом и др. Несомненно также, что на тот или иной взгляд, помимо профессии, влияют и другие моменты—социальные и индивидуальные, что и отмечено некоторыми авторами (А. Левенталь „О врачебной тайне", стр. 3). Таким образом, история вопроса свидетельствует, что институт врачебной тайны, занимавший не последнее место в сознании древних, — и по сие время вызывает различное к себе отношение со стороны отдельных лиц и законодательств. Спрашивается, в чем же по существу спорность вопроса? Само право на существование института врачебной тайны, основанное на доверии больных к лечащему врачу, едва ли может возбуждать сомнение, так как это доверие и готовность больных сообщать все необходимые для правильной лечебной помощи сведения—в свою очередь, связаны с убеждением, что врач сохранит молчание обо всем, что касается болезни. А потому, до тех пор, пока психология больных в этом отношении не изменится,—нельзя согласиться с мнением противников тайны, точка зрения которых сводится в конечном счете к простому игнорированию известного факта социального порядка и, следовательно, не решает вопроса. Наличие группы лиц, пострадавших от сохранения тайны, еще не дает основания к отрицанию ее как принципа, регулирующего отношения лечащего врача к больному. И наоборот, на другом полюсе, как уже сказано, находятся сторонники неограниченной тайны, выдвигающие ее, как абсолютный принцип профессиональной деятельности лечащего врача. Но социология—не математика, и едва ли правы те, кто желает, не считаясь с многообразием человеческих отношений, путем искусственного упрощения задачи, практически решить вопрос о пределах действия института врачебной тайны; они при этом как бы забывают, что интересы больных, их семей, третьих лиц и общества не всегда бывают тождественны. Не так просто с точки зрения этической и положение врача, так как моральные обязательства по отношению к

больным ни в какой мере не освобождают его от других обязанностей, как члена коллектива. Таким образом, принцип врачебной тайны, возведенный в абсолют, защищая главным образом интересы больных, в то же время связывал бы совесть лечащего врача, как индивида и гражданина. В виду сказанного надо полагать, что условия для ограничительного толкования принципа врачебной тайны даны в самой структуре человеческого общества с его сложным переплетом социальных отношений, а значительные затруднения и полемика, с которыми приходится встречаться при решении вопроса о пределах тайны, зависят от того, что по существу спор этот ведется в плоскости более общей и весьма сложной проблемы — о пределах прав отдельной личности в обществе, окончательное разрешение которой пока еще мыслится, как вероятный факт далекого будущего. А потому более или менее удачное решение частного вопроса о пределах тайны в условиях современности может быть лишь компромиссным. Мне кажется, исходя из этих соображений,—нельзя думать, что лечащий врач, при исполнении своих профессиональных обязанностей, перестает быть гражданином и членом общества со всеми вытекающими отсюда последствиями, и, следовательно, оглашение тайны не должно вести за собой уголовной ответственности, если оно совершается не по мотивам личного характера, а в защиту интересов коллектива. С этой точки зрения нельзя молчание сделать правилом без исключения и после смерти больных — в частности, умерших от последствий незаконного выкидыша, так как здесь институт врачебной тайны менее всего служил бы интересам покойной и общества, а в лучшем случае защищал интересы семьи и почти всегда был удобной ширмой для профессиональных плодоизгнателей. Что касается различных постановлений об обязательном оглашении тайны, под угрозой уголовной ответственности, то при решении этого вопроса уместно вспомнить мнение Н. С. Таганцева, который говорит, что „при современных государственных условиях исчезла необходимость в привлечении всех граждан к участию в преследовании преступников“ (цит. по Левенталь, стр. 72). Да к тому же и польза от таких обязательных донесений, как показал опыт прошлого, более чем сомнительна. Еще меньшее практическое значение имеют подобного рода постановления об обязательном оглашении тайны для настоящего времени, когда в руках советского государства, как будет указано ниже, есть более действительные меры борьбы за интересы народного здравоохранения; к этому следует прибавить, что в ряде случаев в сохранении тайны заинтересованы не только больные, но и общество. В частности, например, больные сифилисом, не имея уверенности в молчании врача, стали бы избегать его помощи и служили бы источником заражения для окружающих. В отношении незаконного плодоизгнания, предусмотренного ст. 146-ой Угол. Код., практика обязательного оглашения тайны, учитывая психологию беременных, также нежелательна, так как женщины побоялись бы обращаться к врачам или давали заведомо ложные показания о причинах аборта, а лечащий врач при таком положении дела будет лишен возможности предупредить вредные последствия аборта, а иногда и самую смерть. Еще следует остановиться на различного рода сообщениях об эпидемиях и смертных случаях, которые, с одной стороны, необходимы для государственной медицинской статистики в интересах здравоохранения и где, с другой стороны—указание лечащего врача на причину смерти могло бы повести в некоторых случаях к нарушению тайны; затруд-

нения здесь возникающие можно разрешить при условии, если в статистических сведениях, как это рекомендуется некоторыми авторами (А. Левенталь, 18 стр.), не проставлять имен или обязать администрацию без особой нужды не оглашать данные, составляющие тайну больных. Кроме того, мерами общегосударственного масштаба, проведенными в целях народного здравоохранения, можно значительно сузить и самый круг действия института врачебной тайны; такие мероприятия, как обязательное освидетельствование брачущихся, периодические осмотры рабочих и служащих, возможно широкая диспансеризация населения, борьба с абортами путем улучшения материального положения трудящихся и частичной его легализации, с связи с усилением санитарной просветительной работы,—наиболее отвечали бы интересам здравоохранения, и в то же время многие случаи были бы изъяты из сферы частной практики врача и перенесены в область его общественной деятельности, где врач выступает в качестве эксперта, производящего профессиональное исследование и вообще так или иначе не связан тайной. Это положение о разделении деятельности врача на частную и публично-правовую было выдвинуто еще в 1892 г. русским обществом сифилидологов и дерматологов при обсуждении вопроса о врачебной тайне. Едва ли не больше вызывает споров и другой вопрос — о положении врача на суде в качестве свидетеля; но поскольку принимается принцип врачебной тайны—нельзя отрицать тайну процессуальную. Если суд не должен требовать обязательного нарушения тайны, то, с другой стороны—у врача также не может быть отнято право при столкновении частных интересов с общественными встать на защиту последних.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, я полагаю возможным сделать следующие выводы: 1) то или иное конкретное решение вопроса о врачебной тайне может быть дано лишь в плоскости правовых отношений личности в обществе; 2) институт врачебной тайны, как необходимый фактор, регулирующий отношения лечащего врача к больному, нуждается, поскольку это не противоречит интересам целого, в юридическом оформлении соответствующей статьей закона, содержащей уголовную санкцию за оглашение тайны; 3) сохранение тайны следует сделать обязательным и для других медработников; 4) оглашение тайны медработником не должно быть наказуемо, если совершается не ради личных побуждений, а по мотивам общественного характера—в интересах коллектива; 5) борьба за народное здравие, в целях евгеники, должна развиваться не за счет обязательного нарушения врачебной тайны, а в направлении широкого проведения в жизнь профилактических начал лечебной медицины.

В. Ф. Владимирский.

Женщины—убийцы.

За годы мировой войны в различных странах было отмечено значительное увеличение женской преступности. Изучение этого явления представляет большой интерес, но в настоящей статье мое внимание останавливается лишь на наиболее тяжкой преступности—на убийствах, совершаемых женщинами.

Изучая их, мы в целях полноты нашей работы интересуемся несколькими вопросами статистического характера, а именно: 1) какова роль женщины в преступности сравнительно со всею преступностью в стране; 2) каково ее участие в кровавой преступности сравнительно с таковым же у мужчины, 3) каково участие женщины в совершении различных преступлений против жизни, 4) каковы социальные особенности женщины-убийцы сравнительно с таковыми же у мужчины. Пытаясь разрешить эти вопросы, мы пользуемся отчетами иностранной и русской уголовной статистики.

Иностранные статистич. данные взяты нами из отчетов: Бельгии по 1920 г., Англии и Германии за время по 1923 г., Франции по 1919 г. Что касается России, то здесь мы захватили период, начиная с 1907 г., при этом за 1907—1913 г. мы обработали статистические данные из отчетов Мин. Юст. („Своды стат. свед."), за 1914 г. мы воспользовались цифрами из предисловия Е. Н. Тарновского к таковому же отчету министерства за 1914 г. (Это предисловие сохранилось в корректурных гранках, а все материалы отчета и сам отчет погибли во время февральской революции в 1917 г.). Сведения за 1915 г. и 1916 г. имеются у нас в весьма неполном виде, так как совершенно отсутствуют сведения из местностей занятых тогда военными действиями, и дефективен материал из некоторых других районов. Приводимые нами цифры за 1915—1916 г. взяты нами из неопубликованных материалов, обработанных в Центр. Стат. Управ. Сведения за 1917 г. и 1918 совершенно отсутствуют. За период 1919—1921 г. г. мы могли бы воспользоваться только очень незначительным материалом из отчетов по милиции, уголовному розыску и управлению местами заключения, но он оказался для нас малопригодным. Введение индивидуальных листков на осужденных в 1922 г. дает нам возможность воспользоваться некоторыми итогами разработки этих листков на местах и сводкой таблиц в Центральном Статистическом Управлении, за названный год. И, наконец, картина и условия убийств женщинами в РСФСР наиболее подробно выясняется за 1923 г., за каковой год были подвергнуты специальной обработке подлинные статистические листки на осужденных, выписанные из 70 областных и губернских статистических бюро в количестве 5213 листков, из коих 4617 были составлены на мужчин и 596 на женщин.

Наше исследование о женщинах убийцах не является единственным на эту тему. Наоборот, тема эта не один раз привлекала к себе внимание русских и иностранных авторов. Наша русская литература обладает обширным трудом под таким же заглавием, как и наша статья. Мы говорим о книге женщины-врача П. Н. Тарновской „Женщины-убийцы" [1]). Но сам автор называет свою работу антропологи-

---

[1]) Тарновская П. Н.—Женщины-убийцы. СПБ. 1902 г.

ческим исследованием. Являясь сторонницей уголовно-антропологической школы, Тарновская дает более сырого материала, чем выводов. Многочисленные таблицы с разнообразными измерениями 160 убийц, подробное изучение каждого из этих случаев, с приложением фотографий убийц, представляет узко специальный интерес, прежде всего как сборник материалов, которыми можно воспользоваться и для социологического изучения женщин-преступниц (мы это и сделали). Такою же данью антропологическому изучению женщины-убийцы являются соответствующие страницы в труде Энрико Ферри об убийстве и в известной широким кругам русских читателей книге Ломброзо и Ферреро. „Женщина преступница и проститутка“ [1]). Ставя своей целью доказать существование типа прирожденной преступницы и такого же типа прирожденной проститутки, последняя из названных книг заставила в свое время много говорить о себе: авторы не пожалели черных красок, чтобы нарисовать весьма непривлекательный портрет женщины вообще и преступницы и проститутки в особенности. Несмотря на это, а может быть и благодаря этому, книга Ломброзо и Ферреро выходит новыми изданиями и в 1923 г. Ц. Ломброзо в посмертном издании продолжает воспроизводить прежде нарисованные им отвратительные облики женщины - преступницы. Впрочем, его дочь и ученица, Зина Ломброзо, делая к книге дополнения на основании отметок отца, скрашивает новое издание помещением на обложке фотографии совсем „не безобразной“ улыбающейся и декольтированной женщины-преступницы.

В этой же Италии соотечественник профессора Ломброзо, близкий ему по своему научному направлению—Меллузи—опубликовал в 1924 г. обширную работу на тему специально о женщинах-убийцах. Он назвал этот первый том своего труда „Те, которые любят и убивают“, а второй том о женщинах-убийцах—„женщины, которые убивают“ без добавления слов о любви [2]). Но из содержания книги видно, что это слово выпущено совсем напрасно, так как автор сосредоточил свой научный интерес исключительно на случаях, где любовь и убийство шли рука об руку. Вместо бесконечных страниц, сплошь заполненных цифрами, с результатами всяких измерений и взвешиваний женщины-убийцы, которыми так изобилуют работы Тарновской, Ферри и более ранняя работа самого Меллузи о детоубийцах [3]), здесь перед читателем проходят интересные описания убийств из ревности, из желания избавиться навсегда от ненавистного мужа, из стыда перед внебрачным материнством и т. д. Меллузи старается подойти ко всем этим жизненным драмам, некоторые из которых заставляют говорить о себе печать всего мира, с психологической и психопатологической стороны. К сожалению, и здесь больше описания, чем анализа. Мы относим такой же упрек, и при том еще в большей степени, к увесистому тому Эриха Вульфена „Женщина, как половая преступница“ [4]). Почти вся книга состоит из выдержек, которые автор заимствует из судебных отчетов о процессах по преступлениям, совершенным женщинами в различных странах и в разное время, начиная с 16 века и кончая

---

[1]) Lombroso C. e Ferrero G.—La donna deliquente, la prostitata e la donna normale—Torino, 1923.

[2]) Mellusi W. — Quelli che amano e uccidono—Torino, 1924. Donne che uccidono. Torino, 1924.

[3]) Mellusi W.—La madre deliquente—Roma, 1897.

[4]) Wulffen, E. Das Weib als Sexualverbrecherin. Berlin. 1923.

нашими днями. При этом автор в своем стремлении разыскать половой мотив совершения преступления видит его там, где в действительности его не имеется.

Автор располагает свой очень богатый материал в 19 главах, классифицируя его частью по преступлению, частью по мотивам преступного деяния. Таким образом, размещение материала не отличается стройностью. Классификация женщин-убийц отражает на себе недостатки общей схематизации автором всего материала. Он говорит о женщинах убийцах в главах: „убийцы-разбойницы", „убийцы из мотива оскорбленной чести", „отравительницы", жены-убийцы с насилием", „родственные убийцы", „преступницы-матери" и в других главах. В пределах отдельных глав расположение материала также весьма различно, и мы находим попытки найти типические группы женщин убийц данной категории (например, разбойниц), или просто казуистику данного преступления с экскурсиями в область истории этого преступления и его психологии.

Значительную часть своего труда „Любовные убийства и самоубийства" известный французский криминалист Проаль [1]) уделяет характеристике женщин-убийц на почве неудовлетворенной или оскорбленной любви. Содержание названной мною выше книги Меллузи о женщинах-убийцах напоминало мне часто при ее чтении, эту раннюю работу Проаля: в обеих книгах имеются главы о женских самоубийствах, о двойных самоубийствах, о женах убивающих своих мужей, изменивших им или которым изменили они сами, уничтожающих своих соперниц и пр. Но в книге Проаля больше общих выводов, широких обобщений, а кроме того, ее автор делает попытки отыскать причины изучаемых им преступлений. Он ищет их не всегда достаточно углубленно. Вместо скрытой для него глубины он нередко предпочитает скользить по поверхности и поэтому, например, увлечение чтением любовных романов, газетной хроникой об убийствах, порнографической литературой, весьма сомнительными представлениями в разных театрах, кафе-шантанах и т. п., рассматриваются им как самостоятельные и самодовлеющие причины. Рассмотрению этих причин он посвящает отдельные главы, иллюстрируя свои выводы о причинах убийств интересными примерами. Но он не видит, что за этими „причинами" убийств супругов, любовников и соперниц скрывается весь государственный институт брака, когда женихи ищут невест с „приданным", невесты—женихов с положением, когда статистика браков говорит нам о противоестественных браках почти юношей со старухами, старцев почти с девочками, когда расторжение брака требует даже при обоюдном согласии супругов подставных свидетелей, инсценировки во всей ее наготе картины „супружеской измены"... Вот почему этот автор в заключительной главе своей книги о средствах борьбы с убийствами на любовной почве не видит лучшего средства как призыв к вере. Он взбирается на церковную колокольню для того, чтобы ударить там в набат, кричать оттуда об ослаблении религии и призывать правительства к ее укреплению потому, что как говорит он, „там, где религиозное чувство сохраняется, там преступность уменьшается, а там, где оно ослабляется, там она растет" [2]). Стоит ли добавлять, что Проаль, при таких основах своего миросозерцания, не решается и не думает говорить даже об облегчении условий развода. С высоты колокольни,

---

[1]) Proal L. Le crîme et le suicide passionnels—Paris—1900.
[2]) Там же стр. 656.

упирающейся своими раззолоченными главами с крестами в небо, он не видит, как смешны и наивны его „мудрые“ советы о воспитании детей тем родителям, дети которых неизбежно обречены быть беспризорными даже при наличии обоих родителей...

В новейшей криминологической литературе о женской преступности стоит коллективный труд четырех женщин под редакцией пятой [1]). Эта книга, вышедшая в Америке в 1920 г. под редакцией Екатерины Давис. С величайшей тщательностью авторы вели свое исследование в трех направлениях—статистическом, социологическом и психологическом. Материалы собирались путем непосредственного обследования заключенных женщин в количестве почти шестисот. Программы обследования были выработаны с особой подробностью и с такой же подробностью были разработаны. Как бывает в подобных случаях явилась возможность такого построения статистических таблиц, которое давало новые материалы, весьма отличающиеся от обычных в отчетах уголовной статистики всех стран. Так, например, специальная глава о значении экономического фактора преступности сообщает сведения о том возрасте женщин, когда начиналась их трудовая жизнь, о видах труда, которыми они занимались, за время их предшествующей жизни и о положении в профессии с указанием их заработка и выяснением его соотношения со средним заработком данной профессии вообще, о занятиях при совершении преступлений и проч. Для нас важно здесь же отметить, что авторы приходят к убеждению о полной бесполезности искать Ломброзовский тип преступной женщины. Они подчеркивают, что неблагоприятные экономические условия и умственная отсталость по преимуществу приводят к преступлению [2]).

Уголовная социология давно и твердо установила, что повсюду общее количество женщин преступниц значительно уступает количеству преступников мужчин. Повсеместное возрастание преступности захватило в своем потоке как мужчин, так и женщин. Соотношение между мужской и женской преступностью меняется в сторону увеличения процента женской преступности. Это служит показателем, что женщина просыпается от тысячелетней спячки, выходит из рабского состояния покорности и что у нее процесс наростания недовольства существующими условиями жизни идет скорее, чем у мужчины.

Годы мировой войны повсюду характеризовались увеличением процента женской преступности до небывалых в истории размеров. Скачок вверх нередко бывал прямо гигантский. Окончание войны приводило к быстрому понижению этого процента. При объяснении этого явления надо проявлять большую осторожность и не упускать из внимания абсолютных чисел обвиняемых того и другого пола. Мобилизация громадной массы мужского населения, когда миллионы мужчин, начиная почти с юношеского и кончая почти старческим возрастом, были двинуты в окопы на границы, изъяла, так сказать, их из гражданского оборота. Самая возможность совершения преступления стала для мужчин весьма ограниченной и при этом изме-

---

[1]) Mabel K. Fernold, Mary H. Hayes, Almena Douley and Beardsley Kutl. A study of women deliquents in New-York State. Preface by K. B. Davis. Century 1920. См. Люблинский проф. „Право и Жизнь“ 1923 г., № 5—6, 113 стр. и сл.

[2]) В самое последнее время появились на эту же тему работы С. А. Укше с социологическими характеристиками женщин убийц. См. „Право и Жизнь“ 1926 г., № 2—3, 4—5 и „Проблемы преступности“, 1926 г.

нилась его подсудность (вместо гражданских судов военным). При таком уменьшении абсолютных цифр мужской преступности, процентное увеличение женской преступности и могло произойти даже при уменьшении абсолютных цифр этой преступности. Но это произошло не везде. Так, например, во Франции мы видим чрезвычайно интересное явление возрастания абсолютных цифр женской преступности, несмотря на занятие части территории немцами. Только в 1914 году число женщин, осужденных за преступления, подсудные суду присяжных, было меньше, чем перед войной (в 1913 г.). В остальные же годы за период 1915—1919 г. г. оно было значительно выше. Перед войной в 1913 г. из сотни преступников обоего пола, осужденных за преступления, женщин было немного более 11, а в первый год войны даже 10. Этот процент поднялся до 19,1 в 1915 г. и до 31,7 в 1916 г.; он остается почти таким же в 1917 г. (30,5), падает до 25,7 в 1918 г. и ровно до 25 в 1919 г.

То же самое происходит и в Бельгии. Из ста осужденных обоего пола женщины составляли перед войной в 1911 г.—24,1%, в 1912 г.—24,3%. В первый же год войны этот процент поднимается до 25,1%. Он равняется 28,1 во второй год (1915) и достигает 35 в третий (1916 г.). За 1917 и 1918 г.г. статистические листки не были обработаны в виду неправильного и недостаточного их поступления. В 1919 г. процент осужденных женщин упал до 20,8 (я полагаю что это падение произошло под влиянием закона 28 августа 1919 г. об амнистии; вероятно она должна была быть применена в более значительных размерах к женщинам, совершившим менее серьезные преступления, преследование за которые было прекращено до суда). За 1920 год процент женщин, осужденных в Бельгии, оставался еще очень высоким—32,1.

Несмотря на все трудности военного времени тюремная статистика в Бельгии продолжала собирать свои сведения. В отчетах этой статистики мы находим таблицы о количестве суток, проведенных в тюрьмах мужчинами и женщинами за 1912—1920 г.г. (за каждый год в отдельности).

Происходило постоянное возрастание до заключения мира *абсолютного* количества суток, проведенных женщинами в местах заключения, а именно:

1913 г.—115.450	1917 г.—387.290
1914 г.—115.253	1918 г.—387.576
1915 г.—153.179	1919 г.—215.241
1916 г.—238.825	1920 г.—216.678

Таким образом, количество суток, проведенных женщинами в тюрьмах Бельгии возросло за годы войны весьма значительно, увеличившись в 1917 г. и 1918 г. даже более, чем в три раза, а это говорит об увеличении женских преступлений, караемых лишением свободы.

Увеличение процента женской преступности за годы войны наблюдается и в Англии, но здесь оно происходит при *уменьшении* абсолютных цифр женщин, обвиняемых во всех вообще преступлениях (более серьезных, требующих обвинительного акта).

ГОДЫ.	В абсол. числ.			В % %		ГОДЫ.	В абсол. числ.			В % %	
	Всего.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.		Всего.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1913	12509	11204	1305	89,5	9,5	1919	7883	6746	1137	85,6	14,4
1914	10799	9675	1124	89,6	10,4	1920	9130	8141	989	89.2	10,8
1915	6010	5140	870	95,5	14,5	1921	8933	8011	922	89,7	10,3
1916	5011	4207	804	84,0	16,0	1922	8432	7674	758	91,0	9,0
1917	5589	4577	1009	81,9	18,1	1923	8126	7368	758	90,7	9,3
1918	5904	4816	1088	81,6	18,4						

Исключительное явление уменьшения преступности за первые годы после войны в Англии коснулось в значительной мере и женской преступности. Мы запомним это, чтобы впоследствии тем резче подчеркнуть иное участие женщины в кровавой преступности.

Наиболее высокий рост женской преступности оказался в Германии. Рассматривая отчеты уголовной статистики, опубликованные здесь за 1913—1917 г.г. и 1921, 1923 г.г., мы видим, что даже окончание войны не снизило здесь цифр осужденных женщин: они продолжали увеличиваться и сравнительно с 1913 г. возросли в 1923 г. почти в два раза. Такое увеличение принимает еще более страшное значение, если припомнить, что территория Германии в 1922 г. уже была значительно урезана Версальским миром. Колоссально возросла и мужская преступность в 1921 и 1923 годах (за годы войны она, как и в других воевавших странах, уменьшалась). В этих цифрах, как в зеркале отражается переживаемое Германией тяжелое время (см. таблицу).

Германия. Количество осужденных мужчин и женщин.

ГОДЫ.	Всего.	Мужчины.	Женщины.	% муж.	% жен.	Рост жен. прест. (1913 г. принят. за 100)
1913 г.	561.805	473.343	88.462	84,3	15,7	100,0
1914 г.	460.858	382.850	72.0 8	83,1	16,9	88,2
1915 г.	425.598	308.553	117.045	72,5	27,5	132,3
1916 г.	341 283	226.055	115.228	66,2	33,8	130,2
1917 г.	357.808	222.696	135.112	62,2	37,8	152,7
1921 г.	737.509	587.732	149.777	79,7	20,3	169,3
1923 г.	952.121	780 360	171.761	81,9	18,1	194,2

В России процент женщин, осужденных в 1903—1906 г.г. общими судебными установлениями (т. е. за более серьезные преступления), равнялся 9,3%, а мировыми установлениями (т. е. за менее серьезные) 13,6% и, таким образом, обеими группами преступлений—11,4%. В следующие четыре года 1907—1910 процент осужденных общими судами колебался в пределах 6,3—7%, а мировыми 12,3—17%.

При оценке этого общего процента женской преступности для всей России надо иметь в виду, что по различным губерниям он был далеко не одинаковым, достигая, наибольшей высоты в Привислянских губерниях и особенно низко падая в средне-азиатских губерниях, а также Астраханской и Казанской.

Для более точного сравнения мужской и женской преступности мы решили взять за разные годы один и тот же географический район [1]).

Россия. Числа и проценты осужденных общими судебными местами.

ГОДЫ.	Мужч.	Женщ.	Всего.	Мужч.	Женщ.	Всего.
1912	65844	4596	70440	93,5	6,5	100
1913	62167	4089	66256	93,8	6,2	100
1915	39380	4635	44015	89,6	10,5	100
1916	39945	7317	47262	84,6	15,5	100

Увеличение женской преступности выразилось не только в возрастании процента осужденных женщин, но и в увеличении абсолютных цифр осужденных женщин: процент увеличился почти в два с половиной раза.

Сравнение всей довоенной преступности с таковой же за годы после революции 1917 г. не представляется возможным по целому ряду причин. Поэтому, мы и ограничиваемся указанием на то, что процент осужденных женщин за первый год ведения статистики (1922 г.) равнялся 12,7%, за 1923 г.—15,5%.

Вышеприведенные цифры дали нам возможность сравнить участие обоих полов во всей преступности в различных странах. Но наша задача значительно более узкая. Нас интересует участие женщины в преступлениях против жизни. Воспользуемся тем же методом, которым мы пользовались до сих пор, и выясним кровавую преступность женщины путем ее сравнения с мужской.

Относительно России мы берем цифры начиная с 1907 г. (за более ранний период они приведены в нашей работе „Детоубийство", где они даны, кончая 1906 г.).

Неоднородность наших сырых материалов с одной стороны, а с другой—несомненная неисчерпывающая полнота их за годы войны, когда по значительному числу губерний статистические сведения не поступили, и за 1922—24 годы, когда эти сведения поступили к нам не с одинаковой полнотой и не изо всех районов и республик СССР (нет, например, сведений из Украины, Закавказья), лишают нас возможности дать исчерпывающие и точные сведения о количестве женщин-убийц за все это время. Наибольшей полнотой и точностью отличаются сведения за 1907—1913 г.г. [2]).

	Мужчин.		Женщин.		В проц. осужд.	
	обвин.	осуж.	обв.	осуж.	муж.	жен.
1907	6990	4715	1593	1139	80,5	19,5
1908	8845	5788	1854	1224	82,6	17,4
1909	9555	6206	2026	1310	82,6	17,4
1910		6366		1347	82,5	17,5
1911	10148	6686	2301	1501	81,7	18,3
1912	11211	7256	2414	1510	82,8	17,2
1913	10125	6486	1790	754	89,6	10,4
1914		6190		1240	82,9	17,1
1915		2962		1178	71,6	28,4
1916		2913		1466	66,6	33,4.

[1]) Эти цифры взяты нами по округам судебных палат Ленинградской, Московской, Харьковской, Новочеркасской, Одесской, Казанской, Саратовской, Киевской, Тифлисской, Иркутской, Омской, Ташкентской.

[2]) Наши цифры относятся к следующим преступлениям: 1) убийство супругов и родственников, 2) убийство родителей, 3) другие случаи предумышленных убийств, 4) умышленные убийства, 5) отравление, 6) убийство в драке при превышении пределов необходимой обороны и по неосторожности, 7) детоубийство, 8) истребление плода, 9) оставление в опасности, неоказание помощи, сокрытие трупа.

Кровавая преступность и мужчины и женщины, как видно из приведенной таблицы, росла с 1907 г. по 1912 г. включительно. Год накануне войны был переломом в преступности мужчин: она резко уменьшилась. Еще более резко уменьшилось в этот год число убийств женщинами. Но у них этот тихий год был тишиной перед бурею. Несмотря на резкое уменьшение абсолютных цифр осужденных мужчин и несмотря на занятие части русской территории неприятелем, число осужденных за убийства женщин быстро возрастает. В то время, как мужчины занимались взаимным и легальным истреблением, на полях сражения, женщины как будто испытывали все усиливающуюся жажду крови и заменили собой в армии преступников мужчин, призванных в войска. Нечего и говорить, что при таком уменьшении абсолютных чисел мужчин убийц и увеличении женщин убийц процентное отношение осужденных обоего пола должно было измениться самым резким образом в сторону увеличения процента женщин убийц. И в самом деле этот процент среди осужденных никогда не достигал 20% женщин на сто осужденных обоего пола за время до войны, а в 1915 г. он равен уже 28,4 и в 1916 г. даже 33,4%.

Рост кровавой преступности женщины сравнительно с уменьшением таковой же преступности мужчины станет еще более ясным для читателя, когда он узнает, что число мужчин, осужденных в 1916 г. за преступления против жизни, уменьшилось сравнительно с довоенным (1907—1913 г.г.) почти на 53%, а число осужденных женщин, наоборот, возросло на 18%. Этот рост особенно знаменателен и многозначителен, если припомнить, что в наши вычисления не вошли занятые германскими войсками те самые губернии, которые всегда давали особенно высокий процент осужденных женщин.

Особенности нашего уголовного кодекса позволяют учесть сумму лишь четырех слагаемых в группе преступлений против жизни, а именно убийство вообще, убийство при превышении пределов необходимой обороны и в драке, неосторожное убийство и аборт. Так как статистика осужденных, которой мы в данном случае пользуемся, была введена лишь в 1922 г. и в разных губерниях в разное время, то можно говорить о сравнении лишь чисел 1923 и 1924 г. г.

Числа и проценты осужденных мужчин и женщин за преступления против жизни в РСФСР за 1922—1924 г.

Годы	Абс. числа		В проц.	
	муж.	жен.	муж.	жен.
1922	2518	460	84,6	15,4
1923	6418	927	87,4	12,6
1924	7413	1477	83,4	16,6

Эта таблица с несомненностью позволяет сделать неутешительный вывод относительно кровавой преступности женщин, в то время, как число осужденных мужчин в 1924 г. повышалось на 15,5%, число осужденных женщин повысилось на 59,3%. Несмотря на то, что район, на пространстве которого были собраны статистические данные, значительно уступает по своим размерам довоенному (не входит Польша, Прибалтийский край, Украина и др. местности), число осужденных обоего пола за преступления против жизни близко подходит к цифрам осужденных за эти преступления до войны.

Относительно иностранных государств мы обладаем наиболее новыми сведениями из английской уголовной статистики (1913—1922 гг.).

Предумышленные и умышленные убийства, аборт и подкинутие ребенка моложе двух лет давали за отдельные годы следующие суммы и проценты преступников каждого пола:

Англия. Числа и проценты преступников в 1913—1923 г. г.

	Абсолют. числа.			В процентах.			
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	М.	Ж.
1913	209	80	289	72,3	27,7	100.0	100.0
1914	185	82	267	69,3	30,7	88.5	102.5
1915	144	71	215	67,0	33,0	68.9	87.7
1916	124	85	209	59,3	40,7	59.3	106.2
1917	127	99	226	56,2	43,8	60.8	123.7
1918	115	88	203	56,7	43,3	55.0	110.0
1919	194	116	310	62,6	37,4	92.8	145.0
1920	207	80	287	72,1	27,9	99.0	100.0
1921	170	77	247	68,8	31,2	81.3	96.2
1922	143	53	196	73,0	27.0	68.4	66.4
1923	168	84	252	66,7	33,3	80.4	105.0

Таким образом, в Англии имело место то же самое явление, которое отмечено нами в России: уменьшение кровавой преступности мужчин за годы войны и увеличение в то же время преступности женщин. По окончании войны мы наблюдаем снова увеличение числа убийств, совершенных мужчинами, и, наоборот, уменьшение этих преступлений у женщин, однако, в 1923 г. вновь происходит резко увеличение женщин-убийц. Отмеченное нами явление особенно резко выражается, если брать процентное соотношение преступности обоих полов: преступность женщин с 27% в 1913 году подымается до 43,8% в 1917 году.

В Германии, в противоположность России и Англии, число женщин, осуждаемых за преступление против жизни, значительно превышает число мужчин-убийц, но и здесь число мужских убийств падало за годы и поднялось после ее окончания.

Германия [1]). Пол осужденных за преступление против жизни.

	Мужчин	Женщин	Всего	М. %	Ж. %
1913	1373	1492	2865	100.0	100.0
1914	1240	1702	2942	90.3	114.0
1915	673	1156	1829	49.0	77.5
1916	665	1504	2169	48.4	100.8
1917	559	1274	1833	40.7	85.4
1921	2234	3696	5930	162.7	247.7
1923	2177	2822	4999	158.6	189.1

[1]) В приведенные цифры вошли числа осужденных за предумышленные, умышленные, неосторожные убийства, а также за убийства по требованию убитого, детоубийство, плодоизгнание, подкидывание ребенка.

Итак, уголовная статистика показала нам за годы войны возрастание участия женщин в общей и кровавой преступности. Но общая сумма осужденных за преступления против жизни составляется из нескольких различных слагаемых.

Рассматривая участие женщины в совершении различных преступлений против жизни, мы видим, что, в противоположность мужчине, женщина очень однообразна в своей кровавой преступности. Как за годы войны, так и по ее окончании плодоизгнание, детоубийство, подкидывание ребенка были самыми крупными слагаемыми в общей сумме преступлений женщин, осужденных за посягательство на жизнь. Так, например, в Германии, за семь лет (1913—1917, 1921 и 1923 г.) из общего числа 13.646 женщин, осужденных за преступления, 12.163 или 89.1% было осуждено за названные выше преступления против жизни [1]). В Бельгии из общего числа 850 женщин, осужденных за преступления против жизни за шесть лет (1912, 1914--1916, 1919--1920 гг.), 779 женщин или 91.1% были приговорены за плодоизгнание и подкидывание ребенка. Точно также и в России за годы до войны и во время нее три четверти женщин, осужденных за преступления против жизни, были приговорены за преступления против жизни новорожденного ребенка (в 1915 г. 76.2%, а в 1916 г. даже 78.7%). Как и в других государствах у нас возрастал процент осужденных за плодоизгнание: сравнительно с довоенным временем он увеличился даже в три раза, достигнув в 1915 г. 3%, а в 1916 г. 3.3%. Несмотря на то, что аборт, произведенный самой беременною или с ее согласия врачем в условиях больничной обстановки, перестал быть в СССР преступлением, мы имеем основание думать, что и теперь детоубийство и аборт составляют не малую часть преступлений женщины против жизни. Так, например, за один 1924 г. у нас было осуждено за плодоизгнание 344 женщины (преимущественно так назыв. „повивальных бабок"), т.-е. значительно более чем за весь предшествующий период в девять лет (перед войною и во время нее 1907—1913, 1915—1916 гг.— 234 осужд.). Так как в нашем Уголовном Кодексе нет специальной статьи о детоубийстве, то мы лишены возможности учесть насколько часто совершается теперь это преступление. Казалось бы, что легализирование аборта должно было уменьшить число детоубийств. Но при специальной разработке 509 статистических листов на осужденных женщин, мы в 106 случаях, т.-е. 20.8% встретились с осужденными за детоубийство.

Уголовная статистика различных стран не с одинаковою полнотою дает сведения относительно различных преступлений против жизни, так как не одинаковы и сами уголовные законодательства этих стран. В нашей довоенной статистике преступлениям против жизни было отведено десять отдельных граф. В настоящее время мы имеем всего пять таких граф. В английских отчетах до 1923 г. было шесть граф, а с 1923 г. добавлена еще одна графа. В германской уголовной статистике сведения о поле, осужденных за преступления против жизни, даются по 7 графам, а в Бельгии только по 4. При отмечаемом нами различии количества граф со сведениями о преступлениях против жизни в отчетах разных стран надо также иметь в виду, что и наименование этих граф или их содержание также далеко

[1]) Мужчины дали за эти преступления всего 38.6% осужденных, почти столько же осужденных за неосторожное убийство (а женщины—8,1), за предумышленное убийство мужчины—7,6 (а женщины—0.9), за умышленное—мужчины—13,0 (а женщины—1,9); наконец, при 39 мужчинах, осужденных за убийство по требованию—была всего одна женщина, осужденная за это преступление.

не одинаково. Эти обстоятельства очень затрудняют *сравнительное* рассмотрение роста отдельных преступлений против жизни по различным странам, но в некоторых случаях оно остается возможным. Впрочем, нас в первую очередь интересует сравнение участия обоих полов в преступлениях против жизни, и отчеты всех названных нами стран позволяют сделать это.

Английская уголовная статистика дает сведения о предумышленном убийстве в трех графах: 1) оконченное предумышленное убийство, 2) покушение на него и 3) приготовление к нему. Мы объединяем их в одну графу—предумышленное убийство и воспроизводим без изменения графы со сведениями об умышленном убийстве, оставлении ребенка моложе 2 лет и плодоизгнании, а начиная с 1923 г. также детоубийство, которое ранее входило в предумышлен. или умышленное убийство.

Годы.		1913.	1914.	1915.	1916.	1917.	1918.	1919.	1920.	1921.	1922.	1923.
Предумышл. уб.	м.	85	79	43	38	47	47	101	88	84	61	77
	ж.	33	33	26	31	27	33	34	36	31	29	34
Умышлен. уб.	м.	113	96	91	76	70	46	80	107	74	74	82
	ж.	23	22	28	26	31	20	29	18	12	13	11
Оставл. ребенка	м.	—	1	—	1	—	—	—	1	2	—	2
	ж.	4	3	4	1	11	3	6	2	4	—	4
Плодоизгнание	м.	11	9	10	9	10	22	13	11	10	8	7
	ж.	20	24	13	27	30	32	47	24	30	11	15

Предумышленные и умышленные убийства среди мужчин за годы войны уменьшались; после ее окончания они учащаются особенно резко в 1919 г. (сравнительно с 1918 г.), но их погодное число почти всегда ниже довоенного и в этом отношении не составляет исключения и последний 1923 год, когда произошло некоторое повышение убийств. Предумышленные убийства среди женщин остаются все время почти на одном уровне (но наименьшие цифры в годы войны 1915 и 1917 гг.); умышленные же убийства совершались за годы войны женщинами чаще, а после ее окончания они резко уменьшились. Плодоизгнание дающее по всем странам очень крупные цифры женщин-преступниц, в Англии очень редко приводит женщину на скамью подсудимых и два последних года (1922 и 1923 гг.) были в этом отношении даже самыми благоприятными; наоборот, самые большие цифры приходятся на последний год войны (1918) и первый после нее (1919 г.). Оставление ребенка было настолько редким, что не приходится говорить о нем, но наиболее значительная цифра пришлась также на год войны (1917 г.). Однако, повторяем, число убийств в Англии уже с давнего времени настолько незначительно сравнительно со всеми другими странами и даже абсолютно, без этого сравнения, что и колебания цифр обвиняемых и осужденных из года в год подмечаются не без труда и позволяют делать наши выводы без твердой решительности и без надлежащей уверенности. К тому же английская статистика рассматриваемого нами периода не дает нам никаких сведений о разных видах преступлений против жизни по объекту посягательства (наприм., детоубийство, родственное убийство и др.), по способу совершения преступления (например, отравление) и пр. В этом отношении нас более удовлетворяет германская уголовная статистика.

ГЕРМАНИЯ.

Год.	Предумышл. уб.			Умышлен. уб.			Уб. по требов.			Детоуб.			Аборт.			Подкидыван.			Неосторож. уб.		
	всего.	муж.	жен.	всего.	муж.	жен.	всего.	муж.	жен.	всего.	муж.	жен.	всего.	муж.	жен.	всего.	муж.	жен.	всего.	муж.	жен.
1913	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1914	74.5	66.0	160.0	89.5	90.7	80.6	54.5	54.5	—	94.9	—	94.9	114.9	105.7	118.9	120.0	25.0	138.1	87.8	85.8	96.2
1915	61.8	55.0	130.0	39.7	34.9	74.2	45.5	45.5	—	105.8	—	105.8	61.1	34.7	70.8	100.0	100.0	100.0	67.8	61.2	94.9
1916	67.3	55.0	190.0	35.4	27.9	90.3	27.2	18.2	—	114.6	—	114.6	79.7	34.7	94.9	80.0	—	95.2	76.1	63.5	127.9
1917	64.5	61.0	100.0	27.6	19.0	90.3	9.1	9.1	—	110.9	—	110.9	66.7	32.1	78.4	92.0	—	109.5	62.2	51.0	108.2
1921	229.1	221.0	310.0	149.0	139.0	222,6	45.5	45.5	—	63.5	—	63.5	290,4	282.7	292.9	152.0	25.0	176.2	93.7	93.9	92.4
1923	130.0	120.0	230.0	109.3	102.7	154.8	81.8	81.8	—	54.0	—	54.0	242.2	305.7	220.8	192.0	125.0	204.8	95.2	98.6	80.1

Рассмотрение этой таблицы приводит к следующим выводам:

1) У мужчин самое распространенное преступление против жизни—неосторожное убийство, а у женщины плодоизгнание.

2) Все преступления против жизни у мужчин за годы войны (1914-1917) весьма значительно уменьшаются, кроме только одного случая небольшого повышения плодоизгнания в 1914 г.

Иначе преступления против жизни у женщин, они уменьшаются в 11 случаях, а в 11 случаях увеличиваются (например, увеличились предумышленные убийства в 1914, 1915 и 1916 гг., детоубийства в 1915, 1916 и 1917 гг., подкидыванье в 1914 и 1917 гг. и т. д.).

3) Но и в тех случаях, когда происходило уменьшение женских преступлений против жизни, оно происходило в весьма незначительных размерах: из 11 случаев в 7 оно было меньше, чем на 10 процентов, и только в одном случае достигло почти 30%. Наоборот, абсолютные цифры мужчин, осужденных за преступления против жизни, во всех случаях, кроме двух, уменьшились более, чем на 30% и при этом не редко даже более, чем на 60%, а в некоторых случаях больше чем на 70%.

4) После окончания войны (1921 и 1923 гг.) преступления мужчины против жизни резко увеличиваются: и в большинстве случаев даже превышают довоенный уровень. То же самое происходит и с преступлениями женщины; на два последних года приходятся самые крупные цифры осужденных по всем видам преступлений против жизни, кроме уменьшившихся детоубийства и неосторожного убийства. Отметим, что движение цифр детоубийства и плодоизгнания совершается в обратных направлениях: когда уменьшались детоубийства, то возрастали аборты и наоборот.

Довоенная русская уголовная статистика, содержа значительное количество граф со сведениями о различных преступлениях против жизни, давала возможность учитывать движение: 1) убийства родителей, 2) супругоубийства супругов и родственников, 3) детоубийства, 4) аборта, 5) отравление и некоторых других. К сожалению, разработанный отделом моральной статистики статистический материал за 1915 и 1916 годы, когда часть территории была занята немецкими войсками, не всегда позволяет нам делать выводы произошло ли уменьшение преступности или менее значительные цифры осужденных объясняются уменьшением территории, на пространстве которой они были собраны. Иначе обстоит с увеличившимися преступлениями: в этих случаях действительность такого увеличения не вызывает никаких сомнений. Мы и отмечаем увеличение числа женщин, осужденных за неосторожные убийства (сведения о них даны в одной графе вместе с цифрами осужденных за убийства при превышении пределов необходимой обороны и в драке, но оба эти преступления очень редки у женщин); увеличились также в 1916 г. преступления против жизни ребенка и аборт.

Современная советская уголовная статистика дает возможность сравнения роста отдельных преступлений против жизни за два года—1923 и 1924 г.

Сравнительная таблица осужденных каждого пола за преступления против жизни в 1923 и 1924 годах.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ.	1923 год.			1924 год.		
	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.
Убийство						
абсолют. числа	6.236	5529	707	7.350	6.300	1050
в процентах	100.0	88.7	11.3	100.0	85.7	14.3
Убийство в драке, при превыш. обороны						
абсолют. числа	359	346	13	500	488	12
в процентах	100.0	96.4	3.6	100.0	97.6	2.4
Убийство по неосторожности						
абсолют. числа	556	522	34	661	591	70
в процентах	100.0	99.3	7.0	100.0	89.4	10,6
Изгнание плода						
абсолют. числа	194	21	173	518	46	472
в процентах	100.0	10.8	89.2	100.0	8.9	91.1
ВСЕГО						
абсолютные числа	7345	6.418	927	8.890	7.413	1.477
в процентах	100.0	87.4	12.6	100.0	83.4	16.6

Несмотря на то, что район, по которому взяты сведения, несколько меньше, абсолютные цифры оказались более высокими. Но что особенно важно: процент участия женщины в кровавой преступности в 1924 г. повысился. Выяснение причин этого явления может быть достигнуто при детальном рассмотрении отдельных преступлений против жизни.

Мих. Гернет.

Об уголовной регламентации ответственности за несоблюдение правил по технике безопасности в промышленных предприятиях.

Одним из обстоятельств, тормозящих развитие инициативы и энергии технического персонала в промышленных предприятиях, является, несомненно, ненормальное положение вопроса об ответственности за нарушение правил технической безопасности работ.

Наш уголовный закон не содержит специальных норм об ответственности технического персонала за повреждение здоровья или лишение жизни людей, а также за гибель имущества, происшедшие вследствие несоблюдения или нарушения специальных технических правил по эксплоатации предприятий.

У нас имеются лишь общие нормы ответственности за небрежность, сознательное несоблюдение правил безопасности вообще (каких и кем регламентированных—не указано в законе), если последствием этого была смерть или увечье, при чем в тексте закона вовсе не упоминается, что потерпевшими являются рабочие или служащие, т. е. лица, доверившие свою жизнь и здоровье предприятию, на котором они работают. Такая редакция закона является упущением.

Мы имеем в виду ст. ст. 147 и 154 У. К. Они гласят: ст. 147 ч. I—Убийство по неосторожности карается—... Ст. 147 ч. 2.—Если неосторожное убийство явилось результатом сознательного несоблюдения

правил предосторожности... Ст. 154 ч. 1.—Неосторожное телесное повреждение карается... Ст. 154 ч. 2. Если неосторожное телесное повреждение явилось последствием сознательного несоблюдения правил предосторожности, установленных законом или законными распоряжениями власти...

Другие нормы, как-будто бы специально созданные для охраны жизни и здоровья рабочих, это ст. ст. 132 и 156 УК.

Но они и не являются, собственно говоря, нормами, охраняющими соблюдение правил технической безопасности.

Правда, ст. 132 говорит о нарушении „действующих норм об охране труда", куда, очевидно, могут быть отнесены и правила технической безопасности, но субъектом этого правонарушения может быть только „наниматель" — понятие далеко не всегда, а большею частью именно не совпадающее с понятием технического персонала.

Другая, наиболее распространенная на практике при привлечении технического персонала к ответственности, это 156 ст. Уголовного Кодекса. Но и ее отношение к правилам технической безопасности остается довольно туманным.

Диспозитивная часть ее гласит: „Заведомое поставление работающего в такие условия, при которых он вполне или отчасти утратил или мог утратить свою трудоспособность"... Здесь субъектом правонарушения не указан наниматель, хотя именно в этой статье такое указание казалось бы наиболее уместным. Связь с правилами технической безопасности никак нельзя признать ясной, хотя она, повидимому, подразумевается.

Самое приравнение фактической утраты трудоспособности („утратил свою трудоспособность") с возможностью частичной утраты таковой („частично мог утратить трудоспособность"), при значительной серьезности санкции, говорит за то, что здесь главное—в соблюдении или несоблюдении каких-то правил, а не в результатах, но о самых правилах в ней ни слова как раз и не упоминается.

В виду чрезвычайной трудности и сложности оперирования с таким понятием, как „заведомое поставление работающих в условия и т. д.", карательные органы предпочитают при привлечении технического персонала к ответственности за „несчастные случаи" пользоваться более „общими" по своей формулировке статьями У. К., предусматривающими должностные преступления, благо понятие должностного лица является у нас настолько широким, что под него подойдет почти каждый специалист.

Это ст. ст. 107 и 108 У. К.

Ст. 107 предусматривает „невыполнение должностным лицом действий, которые он по обязанности службы должен был выполнить". Следовательно, под нее можно подвести любую неисправность в механизме, находящемся в ведении технического персонала. Далее ст. 108 У. К.—„невнимательное и небрежное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшее за собой... иные упущения по службе" (например, несоблюдение правил технической безопасности).

Таким образом, с точки зрения применения репрессии дело обстоит довольно благополучно. „Привлекать" техника-специалиста при обнаруженном упущении или просто по поводу „несчастного случая" можно всегда, и арсенал из нескольких статей и общих и специальных всегда имеется в распоряжении карательной власти. Посмотрим насколько эти статьи между собой увязаны.

Где, например, кончается „нарушение норм об охране труда" (ст. 132) и начинается „заведомое поставление в условия и т. д".

(ст. 156)? Не будет ли это в огромном большинстве случаев одно и то же? А ведь санкция довольно различная. По ст. 132 санкция установлена в виде штрафа не ниже 100 руб. или лишение свободы до одного года (это для „нанимателя"—им может быть и техник, занимающий административный пост), а по ст. 156 лишение свободы или принудительные работы на срок *не ниже* одного года (принудительные работы, впрочем, вообще бывают только до одного года).

Где кончается „неосторожное телесное повреждение" (фактическое, а не такое, что „могло быть"), явившееся последствием сознательного несоблюдения правил предосторожности, установленных законом или законным распоряжением власти" (2 ч. ст. 154 У. К.) и начинается „заведомое" поставление в условия и т. д. (ст. 156)?

Чем одно отличается от другого? Почему за телесное повреждение (в том числе и тяжкое), происшедшее вследствие сознательного несоблюдения правил предосторожности, полагается лишение свободы до одного года, а за „заведомое поставление в условия"... не ниже одного года?

Почему в 2-й части ст. 154 упоминается, что „суд может воспретить осужденному на определенный срок продолжение той деятельности, при выполнении которой он причинил телесное повреждение", а в санкции гораздо больше общеопасного деяния „заведомого поставления работающего в условия..." Этого вовсе нет и несмотря даже на более суровую санкцию.

Чем, наконец, „заведомое поставление" и т. д. не подходит под злоупотребление властью (ст. 105), бездействие власти (ст. 107), небрежное отношение к служебным обязанностям (ст. 108 У. К.)?

Эти недоуменные вопросы можно было бы ставить еще долго, но поставленных вполне достаточно, чтобы понять, что с формулировкой ответственности технического персонала за несоблюдение правил безопасности работ обстоит отнюдь не благополучно, вернее, что специальной ответственности за несоблюдение этих правил как таковых,—нет, а есть служебная ответственность вообще и построена она по интересующему нас вопросу довольно неудачно. Теперь остановимся еще на вопросе о санкциях.

Санкция почти всех статей, цитированных нами выше—ст. 156, 2-я часть 105-й, 107, 108 (последние две со ссылкой на 105-ю), составляет лишение свободы на срок не ниже одного года (т. е. 10 лет). Эти санкции следует признать слишком суровыми, особенно по сравнению со статьями 159 и 160 УК. Только ст. 147 и 2 ч. 154, где говорится как раз о *сознательном* несоблюдении правил предосторожности, имеют санкцию предельную до 3-х лет и до одного года.

Случайность квалификации преступлений технического персонала по несоблюдению правил технической безопасности определяет затем дальнейшую судьбу возникшего дела, в смысле подсудности. Одни дела идут в Губсуд, другие—в Трудсуд, третьи в Нарсуд, хотя фактически дело идет об одном же проступке.

Между тем различная подсудность дает разные гарантии подсудимому. В одном случае производство предварительного следствия, предъявление следственного материала, возможность пользоваться экспертизой, заблаговременное получение обвинительного заключения, пользование услугами защиты, обжалование в Верховный Суд. В другом случае—вызов повесткой за один — два дня, упрощенное производство, ограничение обжалования Окружным или Губернским Судом,—фактическая невозможность иметь квалифицированную экспертизу и защиту (в глуши).

Но главным дефектом в постановке вопроса об уголовной ответственности технического персонала за несоблюдение правил безопасности является, пожалуй, еще не все изложенное выше, а вопрос, до сих пор нами еще вовсе не затронутый — это вопрос о распределении ответственности между различными должностными лицами технического персонала на предприятии.

Очевидно, этот дефект дает себя сильно чувствовать, ибо на необходимость распределения и уточнения ответственности техн. персонала на предприятии указывает и известное постановление ЦК ВКП о специалистах.

Приказом ВСНХ была сделана попытка установить формальную ответственность за несоблюдение эксплоатационных правил на промышленных предприятиях в широком смысле путем выделения ответственного административного лица из высшего техн. персонала (№ 4—5 Изв., НКТ за 1925 г.).

Однако, установлением этой формальной ответственности отнюдь нельзя считать вопрос разрешенным.

С одной стороны, нельзя сваливать ответственность за все технические недочеты на одно лицо, которое по условиям работы просто не может всего знать и за всем следить. С другой стороны,— нельзя освобождать от ответственности весь остальной технический персонал в предприятии, от которого зависит действительное проведение в жизнь мероприятий по технике безопасности.

В большом сложном предприятии неизбежно распределение функций, а следовательно, и распределение ответственности по выполнению этих функций.

Высказанную мысль лучше всего можно пояснить рядом примеров. Примеры возьмем из действительных случаев судебной практики.

В деревообделочном цехе большого завода, при распиливании бревна центробежной пилой, отскочившим осколком сучка повредило глаз рабочему. На нем были предохранительные очки, которые, однако, не предотвратили повреждения. Центробежная пила не была покрыта предохранительным колпаком.

Главным инженером было отдано распоряжение об установке предохранительного колпака. Техник, специально наблюдающий за деревообделочным цехом, не успел поставить колпака, а может быть по небрежности не сделал этого. Привлекаются к ответственности и осуждаются и главный инженер завода и техник. Можно ли признать это правильным? Конечно, нет. Ответственным в данном случае признать можно только лицо, непосредственно наблюдающее за работой данной мастерской.

Другой пример. В прядильном цехе текстильной фабрики рабочий смазывает машину на ходу, и у него отрывает руку Смазка происходит на глазах мастера. К ответственности привлекаются мастер и инженер фабрики, который, вообще говоря, не бывает в прядильном цехе и имеет лишь общее наблюдение за машинами. Привлечение его к ответственности неосновательно (второй инстанцией дело в отношении инженера производством прекращено).

Третий случай. В кочегарке на руднике имеются неизолированные провода сильного тока, находящиеся от земли выше предельного расстояния, установленного для таких случаев. Но в кочегарке под проводами насыпают кучу угля, на которую, по встретившейся надобности, взбирается работница, прикасается к проводам, и ее убивает током. К ответственности привлекается и осуждается за неосторожное убийство заведующий электрическими установками, хотя

кочегарка находится в ведении зав. механическим цехом. Зав. электроустановками в ней без вызова не должен бывать и о насыпании угля под проводами не обязан знать.

Это неправильно. Все это происходит от того, что на большом предприятии не всегда легко отыскать виновника упущения, а закон формулирован чрезвычайно обще.

Надо твердо поставить вопрос, за что именно в области техники безопасности может нести ответственность инженерно-технический персонал, этот командный состав на фронте производства.

Законодательством должна быть определенно разграничена ответственность специалистов от нанимателей и хозяйственников разного типа, заинтересованных в прибылях предприятия, которые должны нести и материальную ответственность за последствия их упущений, в то время как административно-технический персонал, не заинтересованный в прибылях, вообще никакой материальной ответственности нести не должен (применительно к полож. Код. Зак. о Труде).

Обсуждаемая ответственность должна быть резко отделена от всяких прочих случаев ответственности за неосторожные действия и служебные упущения (ст. ст. 154, 147, 107, 108 и т. д.). Вопрос правильной и безопасной организации производства настолько важен, что заслуживает уделения ему в Уголовном Кодексе отдельной главы в несколько статей.

В процессуальном отношении все дела подобного рода должны быть обставлены достаточными процессуальными гарантиями: по ним необходимо установить обязательное производство предварительного следствия, участие экспертизы и подсудность этих дел наиболее квалифицированному Окружному или Губернскому Суду. Орган экспертизы не должен быть случайным, а должен быть предусмотрен законом и состоять из Коллегии при Губернском или Окружном Отделе Труда. Соответствующее предварительное постановление экспертного органа должно быть обязательным для предания суду и для отстранения от должности до суда.

А. С. Кирзнер.

Несовершеннолетние бродяжки [1]).

Явление детской беспризорности имеет разнообразные формы и виды. Но одним из наиболее часто встречающихся видов — является нищенство и бродяжничество.

В современной практике по отношению к несовершеннолетним и даже к малолетним можно встретить термины: бродяжничествующий, праздношатающийся, нищенствующий. В жизни же все эти категории покрываются одним социальным фактом беспризорности и безнадзорности.

Действительно, как разграничить друг от друга несовершеннолетних бродяжничествующих и нищенствующих? Чаще всего бывает, что эти категории сливаются и как бы составляют две стороны одной и той же медали. В одних случаях бродяжничество является целью, и нищество при этом составляет средство к существованию, так как именно этот вид самопрокормления не привязывает несовершенно-

[1]) Считаю своим долгом выразить благодарность В. И. Куфаеву за предоставленный в мое распоряжение статистический материал, а также за ценные советы и руководящие указания.

летнего к месту; в других — целью является нищенство и лишь сопровождающим моментом—бродяжничество.

Из материалов Комиссии по делам несовершеннолетних видно, что в ряде случаев бродяжничество порождается социальными моментами в соединении с особыми внутренними влечениями юного организма.

Бывают случаи, когда бродяжничествующие подростки имеют семью, не терпят материальной нужды, их взаимоотношения с остальными членами семьи относительно нормальны и тем не менее они порывают со своим домом и идут бродить по белу свету.

Бродяжничество и нищенство в жизни беспризорного несовершеннолетнего неотделимы: нищий ищет всегда лучших мест и, поэтому, бродяжничает; бродяжка нуждается в пропитании и потому побирается.

Как тесно связаны друг с другом в жизни беспризорного несовершеннолетнего бродяжничество и нищенство, точно также не случайным, а неизбежным является третий член триады этой жизни—правонарушение. Но подобно тому, как детский или юношеский организм, во всем своем строении, в архитектуре тела, в физиологических отправлениях, в биологических особенностях глубоко отличается от взрослого, сформировавшегося организма, так и юный бродяга, нищий или правонарушитель глубоко отличны от взрослого бродяги, нищего или преступника.

Но освещение вопроса о преступности несовершеннолетних не входит в задачи настоящей работы. В дальнейшем я приведу результаты изученного мной материала лишь в отношении *бродяжничества, праздношатательства и нищенства малолетних и несовершеннолетних.* По существу *каждое из этих явлений в отдельности* и все вместе представляют собой одно сплошное и грубейшее нарушение обществом несомненнейшего права: права юного существа на приют, на материальное обеспечение и воспитание.

Статистические сведения, имеющиеся в моем распоряжении и относящиеся к 1924 году, охватывают всего 1422 несовершеннолетних. Особо выделен материал Московской Комиссии (135 чел.), уездные комиссии дали сведения о 537 несовершеннолетних и губернские—о 750 несовершеннолетних.

Несмотря на то, что зарегистрированные дети все по существу беспризорные, комиссии пытаются выделить из них отдельные группы. Для иллюстрации приводим сведения по Москве и остальным местам РСФСР.

Сведения о беспризорных, поступивших в Моск. Комиссию.

ВОЗРАСТ.	Беспризор-ные.	За праздно-шатател.	Бродяжни-чество.	Всего.
Меньше 10 л.	15	—	1	16
„ 10 л.	7	2	—	9
„ 11 л.	9	—	—	9
„ 12 л.	23	2	—	25
„ 13 л.	25	4	—	29
„ 14 л.	20	6	2	28
„ 15 л.	13	2	1	16
„ 16 л.	3	—	—	3
	115	16	4	135

Сведения о поступивших в губернские и уездные комиссии.

ВОЗРАСТ.	Беспризорные.	Бродяжничествующ.	Нищенствующие.	Праздношатающиеся.	ИТОГО.
Моложе 10 л.	131	13	21	2	167
„ 10 л.	80	30	11	1	122
„ 11 л.	70	44	15	4	133
„ 12 л.	142	70	13	6	231
„ 13 л.	137	70	19	6	232
„ 14 л.	116	53	15	7	191
„ 15 л.	88	59	5	5	157
„ 16 л.	17	13	—	8	38
„ 17 л.	11	4	—	1	16
	792	356	99	40	1287

Приведенные данные интересны в том смысле, что бродяжничество, нищенство и праздношатательство выпадают на возрасты 12, 13 и 14 лет в большей степени, чем на возрасты до 10 лет. Эти же данные указывают, что все виды беспризорности составляют удел преимущественно малолетних ребят. Так из 1422 беспризорных несовершеннолетних в возрасте до 13 лет включительно было 973 ребят, т. е. 67%.

Если разбить исследуемый материал, исходя из семейного состояния, то получаются очень поучительные и показательные данные, вскрывающие один из основных источников бродяжничества и нищенства несовершеннолетних:

	Имели:					
Возраст.	Сироты.	Мать.	Отца.	Обоих родит.	Неизв.	ВСЕГО.
До 10 л.	79	46	26	27	5	183
10 „	82	27	10	9	3	131
11 „	94	20	16	9	7	146
12 „	178	37	13	13	14	255
13 „	181	41	15	14	10	261
14 „	144	37	15	12	9	217
15 „	110	30	13	14	5	172
16 „	23	12	2	4	2	43
17 „	7	2	—	3	2	14
	898	252	110	105	57	1422

Таким образом, больше половины (65%) среди бродяжничествующих подростков составляют круглые сироты, 26% полусироты и только незначительная часть детей имеют обоих родителей.

То же явление наблюдаем мы в частности и по Москве: из 129 несовершеннолетних 63% круглые сироты, 30% полусироты.

Несколько больший процент сирот дают несовершеннолетние, прошедшие через губернские комиссии,—из 719, о которых имеются данные, 68,1% круглые сироты и 17% имеющие только мать.

Из приведенных цифр ясно, насколько отсутствие родителей или наличие только одного из них и, в особенности, малозарабатывающей матери создают безвыходно-тяжелое положение для малолетнего, обрекая его на добывание средств путем нищенства, так как слабость физических сил и отсутствие профессиональной подготовки не позволяют ему обратиться к другим видам заработка.

Исследование жилищных условий несовершеннолетних раскрывает перед нами картину, рисующую один и тот же закономерный постоянно повторяющийся, действующий в Москве, уездах, по всему РСФСР основной фактор бродяжничества и нищенства—беспризорность.

В имеющемся у нас материале жилищные условия приводившихся в Комиссии несовершеннолетних представляются в следующем виде.

	Комната, койка, угол у родных.	Вокзал, улица, ночлежка.	Детский дом.	Собственная изба.	Не выяснено.	Всего.
Менее 10 л.	87	43	4	12	37	183
10 л.	35	63	10	6	17	131
11 л.	28	63	16	9	26	146
12 л.	30	114	34	12	46	255
13 л.	45	132	15	21	48	261
14 л.	43	115	20	10	31	217
15 л.	33	88	16	12	24	172
16 л.	12	23	3	2	3	43
17—18 л.	3	6	—	1	4	14
	316	567	118	85	236	1422

Таким образом, из таблицы следует, что больше половины бродяжек, нищих и т. д. составляют несовершеннолетние, не имеющие крова, которые ночуют там, где их ночь застанет: на вокзалах, на улице, парадных подъездах и пр.

В частности, среди прошедших через Московские Комиссии только $^1/_3$ (30,3%) несовершеннолетних имели кров или какое-либо пристанище у родных, койку, угол и т. д., половина из них (51,6%) были бесприютными, ночевали на вокзалах, улицах, подъездах, в мусорных ящиках, котлах для заливки асфальта, на чердаках и только немногие из них в ночлежках.

Было бы интересно установить, на какие средства существуют приводимые в комиссии несовершеннолетние. К сожалению, задача эта очень трудная, так как в отношении многих из них совершенно нет сведений ни об их занятиях, ни о том, каким образом они добывают себе пропитание. Те скудные сведения, которые имеются о них показывают, что 333 несовершеннолетних занимались нищенством, 36 были пастухами, об остальных ничего неизвестно.

Стаж бродяжничества в отношении Московского материала представляется в следующем виде.

Были беспризорными:

	Меньше 1 г.		1 год		2 года		3—4 г.		Всего		Итого
	мал.	дев.	мал.	дев.	мал.	дев.	мал.	дев.	мал.	дев.	
До 10 л.	7	6	1	—	1	—	1	—	10	6	16
„ 10 „	5	—	2	—	1	—	1	—	9	—	9
„ 11 „	1	2	3	—	1	—	2	—	7	2	9
„ 12 „	12	1	3	—	6	—	3	—	24	1	25
„ 13 „	14	2	5	1	1	—	6	—	26	3	29
„ 14 „	7	2	2	1	4	—	12	—	25	3	28
„ 15 „	5	2	1	—	—	1	7	—	13	3	16
„ 16 „	1	—	—	—	—	1	1	—	2	1	3
	52	15	17	2	14	2	33	—	116	19	135

Цифры свидетельствуют о том, что половина детей имеет за собой непродолжительный срок бродяжничества, всего лишь по несколько месяцев. Интересно отметить, что в эту группу входят почти все девочки: 15 из 19.

Значительный процент среди мальчиков имеют большой стаж бродяжничества, доходящий до 3—4 лет, девочек среди этой группы только две в возрасте 15 и 16 лет.

По своему классовому составу подавляющее число беспризорных, сведения о которых нами приведены, составляют дети крестьян и при том по большей части не из среды местного населения, а пришлого.

Пришлый элемент среди нищенствующих наблюдается и при исследовании беспризорных. Так, в 1924 г. по материалам Московской комиссии бродяжили и нищенствовали несовершеннолетние, пришедшие из других мест. Из числа несовершеннолетних, о месте рождения которых имеются сведения, 71,7% составляет элемент пришлый.

Социальные факторы—сиротство, бездомность и безнадзорность, выбрасывающие несовершеннолетних на улицу, превращающие их в особую категорию беспризорных, находят иногда в переменах, происходящих в организме подростков, особенно благодарные условия для того, чтобы беспризорный превратился в бродягу. В этом периоде весь организм и в особенности нервная система выведены из состояния равновесия, отличаются крайней неустойчивостью и повышенной возбудимостью; им овладевает беспокойное любопытство, влечение к перемене мест, к новым впечатлениям, которые под влиянием товарищества еще более усиливаются, и он бросает иногда семью, родной кров и бродит по свету, чтобы утолить свою жажду новых переживаний и непривычных впечатлений.

Немалую роль в этих случаях могут сыграть рассказы взрослых, чтение путешествий и авантюристской литературы. Под влиянием описаний путешествий, нередко, наблюдались попытки побегов несовершеннолетних из своей семьи в Америку и другие страны.

Мне известен мальчик М., вдохновивший группу школьников к побегу в Америку.

Когда ему было 12 лет, ему удалось склонить к побегу в Киев на поклонение „мощам“ одного болезненно-нервного мальчика 12 лет, который в момент разлуки с матерью все ей выболтал, и побег не состоялся, у детей были отобраны сумки с сухарями и сконленные несколько рублей денег.

В 14 лет он подговорил группу товарищей по школе (5 человек) в возрасте 12—14 лет к побегу в Америку. Группа целую зиму готовилась и копила деньги на побег. Весною, когда пришел момент отправки, все открылось и все были задержаны на сборном пункте у заставы.

Вдохновитель этих двух побегов, пылкий фантазер и мечтатель,— бродяжка по страсти. В психике его наблюдалась какая-то неуравновешенность, нервность, был очень драчлив, обладал выдающимися математическими способностями. Это был фантазер, загоравшийся всякими несбыточными мечтаниями и действительно старавшийся воплотить их в жизнь.

Проф. Бельский и д-р Сегалов относят бродяжек этого типа, „бродяжек по страсти", к категории детей, страдающих психо-неврозами. Бельский объясняет их наклонность к бродяжеству тоскливым настроением, быстрым утомлением мозгового аппарата от получаемых одних и тех же впечатлений: „Это не яркие фантазеры путешественники,—заключает он,—а серые понурые люди, гонимые тоской и скукой".

Такого же взгляда придерживается и доктор Сегалов, сравнивающий тоскливое раздражание юных бродяг с осенним туманом и моросящим дождем.

Однако, не все случаи, в которых, по выражению Сегалова, „бродяжничество в крови", отвечают этому взгляду. В приведенном выше примере страсть к бродяжничеству владела юношей фантазером с пылким всегда приподнятым настроением.

Зачатки такой же натуры, но более грубой, беспокойной и буйной, были у деда руководителя этих двух побегов. Всю жизнь дед этот прожил бродягой; крестьянское общество его исключило из своей среды, лишив надела землей; будучи очень сильным, он избивал всех, кто ему перечил, бросал свою жену с многочисленными детьми и уходил странствовать по России и Сибири. Уходил на год, на два, являлся на короткое время домой, шил себе новые сапоги и котомку и снова уходил.

Среди нищенствующих и бродяжничествующих встречаются и дети городских жителей, которые бегут из семьи из-за разлада с нею, вследствие узости содержания жизни в семье, из-за жестокого обращения („ремня боюсь",—сказал мне 12-летний мальчик Г., постоянно убегающий из дому).

При бродяжничестве с целью нищенства многие находят удовлетворение в возможности самостоятельного расходования добываемых денег на пищевые продукты по своему выбору. Так, вышеупомянутый мальчик 12 лет, убежавший из семьи, летом живет в котле для варки асфальта, зимой на лестнице одного дома, кормится нищенством и „доволен" своим положением на воле, вне семьи.

Ежедневно он собирает 25—85 коп., кроме понедельника, когда зрелища закрыты и мало подают: „каждый день ем колбасу"— не без гордости говорит он,—„голодать не приходится, 25 коп. всегда насбираю, сяду у цирка, пригну голову, шапку надвину и прошу: ну каждый и подаст" [1]).

Возможность полакомиться на собранную милостыню у некоторых является побудительным поводом к нищенству.

---

[1]) „Закон статистики, говорит Максимов („Бродячая Русь")—в обыкновенное время 15 человек пропитывают одного нищего, а в неурожайные годы 1 живет на счет 10".

Под лакомством не следует, однако, подразумевать только сласти. Двое беспризорных (10—12 лет) с упоением рассказывали мне о том, как они ежедневно едят колбасу; один из них убегает постоянно из детского дома, другой из семьи. Живут на улице, на лестнице, где придется, иногда ночь—другую проводят в милиции.

В одну из суббот в декабре 1925 года они „насбирали" 1 руб. 05 к. (30 и 75 коп.) и израсходовали их следующим образом:

колбасы 1/2 фунта—14 коп., 2 булки—28 коп., сахару 1/2 фунта—16 к., посещение кино (тем из них, который больше собрал) — 40 к., остальные 7 коп. на конфеты.

Этот однодневный бюджет очень характерен,—несмотря на пристрастие к колбасе, дети удовлеворяются самыми дешевыми сортами ее и, съэкономив на ней, не отказывают себе в посещении кино. Последнее в их представлении является самым соблазнительным удовольствием.

Не представляется совершенно возможным исчерпать все причины, по которым несовершеннолетние оказываются выброшенными на улицу, так как эти причины постоянно рождаются вновь многообразием жизни.

Как говорилось выше, одной из главных причин бродяжничества и нищенства, судя по материалам комиссий по делам о несовершеннолетних за 1924 г., является сиротство, затем большое количество бродяг составляют дети, которые в годы неурожая были вывезены из голодающих губерний, оторвались от своих родителей и ничего о них не знают; многие бегут из семьи вследствие жестокого обращения, из-за семейного разлада, из-за распада семьи (*мать* бросил, родители в тюрьме, отец осужден за грабеж, отец убил мать и находится в доме заключения и т. п.) и, наконец, жажда удовольствий и приключений, ярких впечатлений, психические заболевания (эпилепсия) и многие другие, иногда остающиеся скрытыми от нас мотивы, бросают детей в манящий их к себе омут жизни большого города.

Из разобранного нами материала видно, что наибольшее количество бродяжничающих несовершеннолетних приходится на 12-ти, 13-ти и 14-ти летний возраст, т. е. на начальный период полового созревания, на годы перелома и нарушения внутреннего равновесия.

Неустойчивая психика не в состоянии оказать должного сопротивления манящим раздражениям, а окружающая действительность обычно так бедна и так мало дает удовлетворения на запросы в этот период роста внутренних сил организма, что подросток перерастает рамки, в которые его поставила жизнь, и стремится выйти за их пределы. Но как тернист должен быть путь, на который вступает под влиянием тех или иных моментов не окрепший, не вооруженный опытом и технической сноровкой, совершенно неподготовленный к борьбе за существование детский организм.

И на этом трудном и скользком пути имеются свои этапы, своя неизбежная закономерная эволюция.

На первых порах почти-единственным источником существования является милостыня, обыкновенное попрошайничество: затем выступают другие виды заработка („стрелянья"); торговля цветами, газетами, пение, развлечение трактирной публики, фокусы, посредничество (например, при продаже наркотиков), соучастие в аферах взрослых, у девочек проституция и др.

Общение с товарищами постепенно вовлекает во все новые виды добывания средств: сперва подносят вещи на вокзалах и других местах, потом похищение всего, что плохо положено, затем настоящие кражи и т. д. Кража требует сообщничества—это приводит к жизни в притонах, ночлежках с их засасывающим влиянием. После одиночных скитаний радушный прием, оказываемый обитателями бывш. Хитровки, крепко привязывает ко „дну“ жизни, а дальнейшая специализация у опытных, уже прошедших через тюрьмы, товарищей по ночлегу часто бывает решающей для вступления на новый путь—путь „преступления“.

Товарищеское отношение взрослых к малолетним, веселый дух и шумная жизнь, создаваемые и поддерживаемые алкоголем и другими наркотиками,—все это является непреодолимым очарованием после тусклого однообразия одинокой жизни несовершеннолетнего.

Теневые стороны такой жизни затушевываются притуплением чувствительности, под влиянием алкоголя и наркотиков; благодаря действию последних несовершеннолетние становятся малочувствительными ко всем физическим невзгодам и лишениям.

Но несмотря на все невзгоды, которыми полна жизнь „на воле“, было бы наивной сантиментальностью представлять себе бесприютных бродяжек несчастными.

Находясь в среде себе равных по условиям жизни, они заполняют свои дни и ночи интересами, которые они избирают по своему выбору: пусть эти интересы „антисоциальны“, но они отвечают их стремлениям. Часто они проектируют планы на будущее: так, например, двое упомянутых выше 12-13 лет бродяжек „интимно“ поведали мне: „вот накопим 12 рублей, купим к зиме валенки“. Я говорю: „пошли бы в детский дом, там вас оденут и обуют“. И в ответ на это услышала: „А ты своего сына пошлешь туда? Там все в одном белье ходят, а одежду снимают и под замок прячут, кормят плохо и ребята старшие дерутся.

Анализируя причины и отыскивая корни, порождающие бродяжничество несовершеннолетних, следует отметить, что это явление наблюдалось уже с давних пор и что, несмотря на массу попыток царского правительства бороться репрессивными мерами, путем законодательных актов, бродяжество не убывало. Наоборот, число бродяг увеличивалось каждый раз в связи с историческими потрясениями, особенно войнами, после которых всегда увеличивается число сирот, а, как мы видели, сиротство и бездомность, являются главными факторами образования армии несовершеннолетних бродяг. Дореволюционное законодательство усматривало корень зла в личности бродяги, оно не пыталось учитывать или изменять социальные условия, толкавшие на бродяжество. Не изменяя бытовых условий, оно пыталось пресечь зло, воздействуя на личность.

А между тем вся суть в этих бытовых и экономических условиях.

Постоянные кризисы в крестьянском хозяйстве, с одной стороны, и рост городов, с другой, создают контрасты, благодаря которым тяга из деревни в город является непреодолимой.

Лишенные профессиональной выучки, которая могла бы дать в руки средства для борьбы за существование, бездомные и бессильные подростки нигде не находят почвы, к которой могли бы прочно прикрепиться, и бродят они по свету в бесплодных поисках лучшей доли.

Хуже всего то, что и детские дома, запирающие в свои стены несовершеннолетних бродяжек, не отвечает их стремлениям. В этих

закрытых домах, на ряду со строгим выполнением определенного режима и подчинением предписываемому порядку, следовало бы создать возможность и вольного времяпрепровождения детьми по своему влечению, умело направляющее последнее в надлежащее русло. Учитывая неопредолимую жажду к перемене мест и новым впечатлениям у многих из попадающих в эти дома подростков было бы целесообразно организовывать более или менее продолжительные экскурсии и даже путешествия в течение теплой части года. В Англии существуют корабли, на которые забирают бродяжничествующих детей; идя навстречу их страсти, дают им возможность путешествовать и в то же время ведут с ними педагогическую работу, постепенно овладения их интересами.

В конечном итоге лишь та борьба и те методы борьбы с беспризорностью и с тесно связанными с нею и из нее вытекающими бродяжничеством и нищенством несовершеннолетних будут действительными, которые явятся выполнением широкой программы, учитывающей как социальные права, так и физические потребности и биологические влечения юных существ, не нашедших себе места в обычном течении жизни.

В заключение считаю нужным для иллюстрации изложения, привести, почерпнутые из личных наблюдений, краткие данные о некоторых, в своем роде типичных юных бродяжках.

1. В 1922 году во II-ую Московскую Комиссию привлекался за бродяжничество П. Н. 12 лет. Обследование на дому и дальнейший присмотр установили, что мальчик периодически уходил из дому, пропадал неделю, иногда месяц, потом являлся оборванный, похудевший и рассказывал о своих странствованиях часто явные небылицы. Каждый уход сопровождался кражей и пропажей какой-либо вещи из дома.

Во время жизни на воле он вырученными за вещи деньгами делился с товарищами. На вопрос—зачем ты это делал, он отвечал: „они такие жалкие, голодные". Мать и отчим к нему относятся хорошо, каждое возвращение его приветствуют, не бьют и стараются, как можно больше привязать к себе. Мальчик хорошо учился в школе, проявил способности и любовь к работе в школьном драматическом кружке.

Отец его и дед со стороны отца—крестьяне, оба были садистами. Отец умер в каторжной тюрьме, куда был приговорен за убийство женщины на почве садизма.

Мальчик необыкновенно ласковый, мягкосердечный, дома имеет все необходимое.

Что заставляло его бродяжничать, из его объяснений установить не удалось. Никакого другого мотива, кроме сочувствия к бесприютным товарищам, с которыми он разделял судьбу на улице, он не приводил.

2. Мальчик Б., 12 лет, бродяжничает (1925 г.), нищенствует, бежал из Детского дома. Был вывезен во время голода из Казанской губернии вместе с братом и сестрой. Всех поместили в приемник, потом разместили по разным детским домам. Связь между ними прекратилась, и они совершенно потеряли друг друга из вида. Родители умерли. Помнит, что дома у них говорили не по-русски, некоторые слова сохранились в памяти. Теперь несовершеннолетний хорошо говорит по-русски, тип лица татарский.

„Сперва помер отец от тифа, потом мать—родила и померла, нас забрали, повезли в Москву".

„В поезде кормили шоколадом, а нас от него рвало с голодухи".

В детском доме не может уживаться,—„так жить лучше на воле, ем, что хочу, голоден не бываю; холодно, правда, а лучше, чем в детском доме; куда хочу, туда иду".

Собирает милостыню ежедневно от 20—80 коп. около кино или театра.

3. В 1922 году приводилась за бродяжничество в Москве в Комиссию девочка Н. Р. 12 лет. С 8-ми лет она с братом жили на Хитровке. Научились там нюхать кокаин. Отец с матерью разошлись, у него в деревне другая семья и хозяйство, мать за укрывательство краденого была посажена в тюрьму. Дети оказались на улице и вскоре попали на Хитровку. Там они изучили воровской жаргон, нюхали кокаин, плохо владели обычной речью. Когда Н. привели в первый раз за бродяжничество в Комиссию, она так сильно пересыпала речь словами из жаргона, что ее трудно было понимать. В последующие годы она приводилась за кражи, праздношатательство и проституцию. По выходе матери из тюрьмы, дети стали жить при ней, и можно было установить за Н. присмотр обследователя-воспитателя. Последнему удалось на некоторое время заинтересовать ее грамотой, она охотно училась, но проституции не оставила. Кокаин бросила.

4. Мальчик Г., 12 лет—имеет семью: отца (наборщик), братьев и сестер, все служащие; постоянно уходит из дому, живет на улице, летом в котле для варки асфальта. В первую отлучку бродяжничал 4 дня, а дня, а последующие от 1—2 месяцев. Живет милостыней, не ворует.

На вопрос: „почему не живет дома“,—говорит, что отец бьет, не столько отец, сколько брат. За что?—Все уходят на работу, придут—с меня обед спрашивают; почему не сварил, а у меня суп—то выкипит, то убежит, ну и бьют.

Учился в школе, взяли его—некому дома сидеть.

Однажды, когда он возвратился домой, его одели, обули; он пошел к ребятам, они его раздели, дали вместо хорошего пальто „форменную“ одежду беспризорного—и возвратиться домой в таком виде не хватало мужества.

Стал опять нищенствовать и жить на улице, ночевать в подъезде одного дома.

5. Мальчик 12 лет (на вид 9 лет) имеет тетку крестьянку, живущую в своем доме, под Москвой; нищенствует, бродяжничает по Москве и в окрестностях.

Рассказывает о приключениях с понурым безразличным видом и каким-то безучастием к своей судьбе. Рассказывает о приключениях сексуального характера, о том, как его соблазнила какая-торговка в засаленном фартуке, угощала сластями и звала в палатку, в другой раз „мужчина хорошо одетый кормил шоколадом и говорил „целуй меня“; я вырвался и убежал,—знаю,—это кровь детскую пьют“.

6. Интересен случай бродяжничества 10-ти летнего мальчика, страдающего эпилепсией.

С 1½ месяца до 2 лет случались эпилептические припадки с судорогами, по 3 припадка в ночь, затем они прекратились, ходить и говорить начал с 2-х лет.

В дошкольном возрасте жил в детской колонии; руководительницы замечали частые побеги мальчика в лес, где он бродил подолгу один, пока его не отыскали. Когда он из колонии вернулся к матери, стал уходить от нее, пропадал от 2-х дней до недели; где он это время бывал, мать не знает, мальчик же ничего не помнит и рассказать не может. Однажды мать нашла его сидящим, как бы в забытьи, привела домой и сколько не допытывалась, не могла узнать, что и где он все это время делал.

Обследование в медико-педагогической клинике установило методами Бинэ и Россолимо интеллект нормальный.

По заключению врача у мальчика туберкулезная интоксикация с упадком питания и повышенной возбудимостью нервной системы.

Мать невропатична, больна туберкулезом легких и кости.

Со стороны матери дед и бабка алкоголики; дети двоюродного брата матери—эпилептики. Отец здоров.

В настоящее время скрытая и измененная форма эпилепсии выражается в стремлении мальчика по временам куда-то уходить, несмотря на нормальный интеллект, соответствующий его возрасту, он в эти периоды ничего не помнит, бродит по улицам, живет вне дома и не в состоянии ничего объяснить по возвращении.

Кл. Аркина.

Памяти проф. Т. М. Яблочкова.

31-го июля в 10 ч. утра в Нальчике от белокровия умер один из наших видных цивилистов профессор Тихон Михайлович Яблочков.

В течение последних пяти лет мы потеряли ряд крупных специалистов гражданского права и процесса—проф. *И. А. Покровского*, проф *А. М. Гуляева*, проф. *В. М. Гордона* и проф. *Т. М. Яблочкова*.

Т. М. Яблочков родился в 1880 г. В 1902 г. он окончил юридический факультет Московского Университета с дипломом 1-й степени и поступил кандидатом на судебные должности по Гражданскому Отделению Московской Судебной Палаты. Но его влекла к себе научная, а не административная и судейская работа.

21-го сентября 1908 г. после сдачи магистрантских испытаний и прочтения пробных лекций *Т. М.* был принят в число приват-доцентов Демидовского Юридического Лицея в Ярославле. Через два года он получил заграничную командировку для подготовления диссертации. В том же году он написал сочинение на тему „Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков“. За 1-й том этой работы Киевский университет удостоил его степени магистра

гражданского права, а за 2-й том он в Казанском университете получил степень доктора гражданского права.

В 1911, 1912 и 1913 гг. проф. *Яблочков* был командирован за границу для научных занятий. 17-го февраля 1917 г. его назначили профессором Киевского университета, а затем он был избран профессором Донского университета.

Кроме указанной выше работы проф. *Т. М. Яблочковым* были напечатаны—Курс международного процессуального права, Учебник русского гражданского судопроизводства, Практический комментарий устава гражданского судопроизводства и много статей по вопросам римского, западно-европейского и русского права. Проф. *Т. М. Яблочков* хорошо знал гражданское право разных стран. Он был хорошим лектором и собирал большую аудиторию. Науку он любил пламенно. В самые тяжелые годы, когда все голодали, когда в неотапливаемом университете гасло постоянно электричество, и все прекращали занятия, *Т. М.* в шубе с поднятым воротником и со своей собственной большой керосиновой лампой в руках входил в назначенный час в аудиторию и, несмотря ни на что, вел занятия. Помню, как он был глубоко огорчен, когда поскользнувшись на обледенелой ступеньке при входе в университет разбил лампу и не мог в этот день заниматься.

На следующую лекцию *Т. М.* пришел с коганцом и работу продолжал.

Плохие ответы неуспевающих студентов доставляли ему настоящие страдания.

На почве недоедания и сыпного тифа, перенесенного им, *Т. М.* заболел фурункулезом и белокровием, которое все больше и больше развивалась и свело его в могилу.

Несмотря на тяжелую болезнь *Т. М.* продолжал все время научно работать. Им напечатано много статей по советскому гражданскому праву и процессу в „Известиях Донского Университета“, в „Праве и Жизни“, в „Вестнике Советской Юстиции“, в „Советском Праве“ и в „Еженедельнике Советской Юстиции“.

В настоящей книге журнала читатель найдет окончание одной из последних работ почившего цивилиста.

А. М. Ладыженский.

БИБЛИОГРАФИЯ.

В. И. Киснемский.— Государственные конвенции и государственные синдикаты—*Изд-во Наркомторга СССР, стр. 74. Москва 1926 г.*

Государственные синдикаты являются одним из основных звеньев в общей системе товаропроводящих органов советской промышленности. До сих пор, однако, их организация не была еще окончательно введена в твердое русло законов, и только сейчас на рассмотрении Высших Законодательных Органов Союза находится проект специального Положения о государственных синдикатах и синдикатских конвенциях.

В связи с этим, огромное значение приобретает попытка собрать воедино богатый материал, накопившийся за годы существования государственных синдикатов и конвенций по вопросу об их конструкции, компетенции и деятельности и выявить наиболее существенные проблемы синдикатского права. Такую попытку и предпринял автор рецензируемой книги.

Книга В. И. Киснемского распадается на две части. Первую он уделяет рассмотрению вопроса о правовой структуре государственных конвенций и вторую—структуре государственных синдикатов. При рассмотрении каждой из этих форм синдикатских объединений автор останавливается на вопросе об их юридической природе, на их составе, предмете деятельности, правах и обязанностях их членов и органов управления, порядке возникновения и ликвидации и, наконец, на злободневном вопросе об их подведомственности, вокруг которого в среде хозяйственников не так давно еще велись страстные споры. Шаг за шагом с кропотливой точностью автор анализирует отдельные этапы в жизни синдикатских объединений, используя при этом не только ведомственные распоряжения и уставы существующих синдикатов и конвенций, но и богатую синдикатскую практику, накопившуюся за годы их существования.

Однако, с многими из его выводов нельзя все же согласиться. В частности нельзя признать правильным то его определение государственного синдиката, который он отождествляет с государственным паевым товариществом (стр. 45). В нашей юридической литературе сложилось определенное представление о государственном паевом товариществе, получившее к тому же признание и законодателя. Государственное паевое товарищество—это акциснерное общество, с исключительным участием в нем государственного капитала, обладающее всеми специфическими признаками этого вида товарищества. Автор сам усиленно подчеркивает различие, существующее между синдикатом и акционерным обществом (стр. 36—39), и нельзя поэтому не удивляться, как, проведя между ними с такой четкостью демаркационную линию, он неожиданно в определении синдиката отождествляет его одной из разновидностей акционерного общества государственным паевым товариществом. Было бы поэтому правильнее, если бы автор, не задаваясь целью по новому формулировать понятие государственного синдиката, просто принял то определение, которое получило уже права гражданства в нашей литературе, т.-е. признал синдикат товариществом с переменным капиталом и составом.

Возражения вызывает также та трактовка, которую автор дает вопросу о юридической природе внутрисиндикатских отношений. Он подходит к

решению стоящей перед ним проблемы издалека, с анализа вопроса о грани между публичным и частным правом. Доказав всю относительность деления права на частное и публичное, В.И. Кисненский приходит к заключению, что в условиях планового хозяйства мы имеем несомненное преобладание норм публичного права над правом частным и что нормы, регулирующее возникновение, деятельность и взаимоотношения всех видов государственных предприятий, „в основе своей представляются нормами публично-правового, а не частно-правового порядка".

Отсюда он делает вывод, необходимый ему для решения вопроса о юридической природе внутрисиндикатских отношений. Поскольку синдикат и трест только органы государства, через которые последнее проводит свои мероприятия в сфере хозяйственной деятельности, постольку—говорит он—ни о какой хозяйственной самостоятельности этих частей единого целого государства говорить не приходится. В плановом ведении государственного хозяйства, по его мнению, синдикаты являются только „органами, выполняющими установленные высшими государственными органами плановые задания" и возникающие при осуществлении этих заданий отношения между трестами и синдикатами „являются лишь первой составной частью, основным элементом исполнения этих государственных заданий" (ст. 56). Следовательно,—приходит к заключению автор—„в силу основных задач, как синдиката, так и самих трестов, как государственных предприятий, не могущих не следовать требованиям публично-правового порядка вряд ли можно признать внутрисиндикатские отношения, возникающими из свободного волеизъявления синдиката и трестов, как двух ничем не связанных договаривающихся сторон" (стр. 57).

Можно ли согласиться с предложенной автором конструкцией? Мы этого не думаем. Ведь будучи последовательным ему пришлось бы отрицать возможность заключения в условиях государственного капитализма любого договора между госпредприятиями, поскольку последние при плановом ведении хозяйства являются лишь органами государства, „не могущими не следовать требованиям публично-правового порядка" и свободно выявлять свою волю в отведенной им сфере хозяйственной деятельности, т.-е. иными словами ему пришлось бы отрицать принцип коммерческого расчета, на котором зиждется, в условиях НЭП'а, вся хозяйственная жизнь советских госпредприятий. Но если нельзя согласиться с аргументацией, выдвинутой автором против защитников договорной основы внутрисиндикатских отношений, то самый принцип, который он защищает, надо признать правильным. Юридические отношения, возникающие между синдикатом и его членами, вовсе не имеют своим источником договор. Communis opinio признает синдикат своеобразной кооперацией трестов, т.-е. корпорацией, объединяющей деятельность ряда трестов в области торговой и заготовительной. Синдикат есть коллективный торговый аппарат государственных промышленных предприятий, при чем в области торговли деятельность, как синдиката, так и входящих в его состав трестов регулируется органами синдиката, призванными выявить коллективную волю его членов. Отсюда ясно, что и источником правоотношений, возникающих между трестами и объединяющим их синдикатом в сфере заготовительной и торговой деятельности является не договор, а волеизъявление корпорации, через специально уполномоченные на то органы синдиката—правление и собрание уполномоченных. Иными словами, наряду с законом и договором, мы должны признать существование в качестве особого источника правоотношений—акты корпоративной воли, которые как раз и порождают в синдикатской практике внутрисиндикатские отношения.

Спорной является далее точка зрения автора в вопросе о праве участия в государственных синдикатах и конвенциях кооперации. Автор возражает против допущения кооперации в синдикаты, но не видит в то же время препятствий против участия ее в кон-

венциях. С такой постановкой вопроса трудно согласиться. Одно из двух, либо кооперация, как представительница общественного капитала, пользующаяся той оперативной свободой в своей торговой и производственной деятельности, которой не имеет ни одно государственное предприятие, не может входить в оба вида синдикатских объединений, призванных координировать торговую деятельность государственных промышленных предприятий, либо участие ее в них допустимо „в целях наибольшего охвата всех предприятий государственного значения, участвующих в производстве и выступающих на рынке“ (стр. 16). Но разрешать вопрос так, как это делает наш автор, значит нарушить стройность всей системы советского синдикатского права.

Наконец последнее возражение В. И. Киснемскому. Анализируя вопрос о структуре капиталов синдиката, он приходит к выводу, что „создание амортизационного капитала представляется излишним“. Свою точку зрения автор мотивирует чрезвычайно просто. Синдикат, говорит он,—организация торговая, которая имеет незначительный состав имущества. Но и у торговой организации может быть имущество, которое отнюдь не следует расценивать, как величину незначительную в общей сумме синдикатских капиталов. По мнению автора, все имущество синдиката сводится к „инвентарю контор правления, его отделения и агентств, и обстановке складов и магазинов“. Это не совсем, конечно, так. Если мы возьмем такие синдикаты, как Нефтесиндикат или Госрыбсиндикат, то увидим, что их имущество представляет значительную ценность, и вопрос о своевременном восстановлении его играет первостепенную роль в их жизни.

Этими замечаниями мы ограничим рассмотрение труда В. И. Киснемского. Лишают ли они его той ценности, о которой мы говорили в начале нашей рецензии? Отнюдь, конечно, нет. Книга В. И. Киснемского несомненно будет иметь заслуженный успех. Написанная простым и ясным языком, строго выдержанная со стороны системы изложения—она может быть рекомендована всякому приступающему к изучению нашего промышленного и торгового права и в первую голову—учащимся ВУЗ'ов.

В заключение один упрек. Он не приводит почти ни одного законодательного и административного акта, на которых строится сейчас жизнь наших синдикатских объединений. Это—дефект, который должен быть им восполнен в следующем издании. Точно так же, как необходимо будет приложить к книге и список литературы по синдикатскому праву, т. к. это дало бы возможность читателю книги легче ориентироваться в затрагиваемых автором вопросах синдикатского права.

Б. Д. Плетнев.

И. Л. Баевский и Л. С. Фриц. Сборник действующего законодательства по социальному страхованию (с разъяснениями). *Юрид. Изд. НКЮ РСФСР. Москва 1925 г. Стр. 524. Цена—6 руб.*

В Кодексе законов о труде социальному страхованию посвящено всего 18 статей, формулирующих лишь общие организационные принципы этой задачи государственного управления. Самая же организация и вся деятельность социального страхования регулируется законодательными новеллами и ведомственными распоряжениями, составляющими в своей совокупности довольно хаотичную груду законодательного материала. Разобраться в этой груде, извлечь из нее действующие постановления, привести их в систему и снабдить комментариями—таково было намерение составителей рецензируемого сборника,—намерение, которое может встретить, конечно, лишь сочувствие со стороны всех лиц, имеющих какое-либо соприкосновение с социальным страхованием. Поставленную себе задачу составители сбор-

ника выполнили в общем довольно удовлетворительно. Действующее законодательство собрано ими полностью. Нельзя не пожалеть только, что в главе, посвященной организации соц. страхования, не приводится никаких сведений о местных страховых кассах. В главе же, посвященной страхованию от инвалидности, следовало бы привести статьи Гражд. Кодекса, касающиеся возмещения вреда от утраты трудоспособности застрахованных. С другой стороны, совершенно напрасно было включать в сборник такие постановления, которые никакого отношения к соц. страхованию не имеют и с которыми, поэтому, страховым деятелям никогда не придется иметь дела. К таким постановлениям следует отнести постановления о персональных пенсиях, о пенсионировании научных деятелей, учителей, постановления о дополнительной жилой площади и т. п. Ведь с таким же основанием можно было бы включить в сборник и все постановления о социальном обеспечении. Имея в виду практическое назначение сборника не следовало бы приводить устаревшие постановления, имеющие исторический интерес; те же постановления, в которых имеются лишь отдельные статьи о соц. страховании, можно было бы приводить в извлечении. Благодаря подобным излишествам объем сборника сильно увеличился, а цена возросла. Кроме того, такое не вызываемое никакой необходимостью увеличение объема затрудняет пользование сборником малоопытным лицам. В интересах этих лиц следовало бы уделить больше внимания и места *юридическим* комментариям, сократив рассуждения о целесообразности приводимых постановлений. Но, в общем, издание Наркомюста можно рекомендовать всем страховым деятелям.

А. Горбунов.

Проф. А. И. Елистратов. Административное право РСФСР. *Ленинград. 1925 г. Стр. 215. Цена 2 руб.*

Резко отличается рассматриваемое произведение от всех предшествующих трудов автора своим построением и приемами разработки. Прежде всего, автор радикально изменил взгляд свой на содержание и объем административного права. Он выделяет из него в особую дисциплину право социальной культуры, регулирующее народное здравие, народное просвещение и социальное обеспечение (стр. 11), строительное и жилищное право (стр. 155) и, наконец, обширный отдел об организации управления на том основании, что он входит в область советского конституционного и федеративного права (стр. 9). Из указанного отдела выделен только обрывок, посвященный „административному аппарату“, в каковом обрывке излагается история и современная структура Центрального административного управления, местных отделов управления и милиции. Почему автор не присоединил к ним Чрезвычайные комиссии и политические управления, несмотря на то, что в руководстве много говорится о предоставленных им полномочиях, неизвестно. Из предисловия и примечаний можно только об этом догадываться. Дело в том, что автор принимал деятельное участие в разработке проекта административного кодекса, программа которого в процессе работы была значительно сужена, при чем в 1924 г. из проекта были исключены все нормы по организации управления. Соответственно с этим профессор сузил и объем административного права, превратив его в *милицейское право*. Этим объясняются и многочисленные ссылки на инструкции участковому надзирателю, постовому и волостному милиционеру и та *узко-милицейская точка зрения*, с которой рассматривает автор все вопросы. В этом отношении рассматриваемое произведение резко отличается даже от очерка административного права, непосредственным продолжением которого оно должно являться. В очерке автор исследует все вопро-

сы во всеоружии научной теории, оперируя строго научными приемами. В рассматриваемом же произведении научный подход сочтен был, повидимому, роскошью. Автор ограничивается изложением соответствующих „нормативных материалов", сопровождая его публицистическими выпадами по адресу буржуазного права Запада. Особенно резко нападает автор на правовые формы и „гарантии", буржуазного права, подчеркивая их ненужность в Советской России, где рабочим обеспечивается „действительное фактическое представление" прав и свобод и „материальная возможность" пользования ими. (Стр. 5, 6 и др.).

По этому поводу нам вспоминается статья А. Дьяконова, напечатанная в Известиях ВЦИК 1 февраля 1919 г. В этой статье автор, между прочим, говорит: „Пора прекратить болтовню о том, что правовые гарантии—буржуазный предрассудок. Да, в условиях буржуазного строя право было темницей революционного творчества. Теперь правовая система в социалистическом строе должна стать тем механизмом, которому надлежит, наконец, наладить нашу государственную машину". И действительно, без правовых форм и гарантий пользование правами никогда не будет обеспечено. Конечно, одних формальных гарантий недостаточно, необходимо обеспечить и материальную возможность пользования правами. Поэтому затронутый вопрос должен ставиться не в форме дилеммы: или правовые гарантии или материальная возможность пользования, а в такой форме: для создания „свободного союза свободных работников",—в чем автор видит задачу советского административного права (стр. 6),—в одинаковой степени необходимы и правовые гарантии и материальная возможность пользования. Прохаживаться же против правовых форм значит оказывать плохую услугу „делу строительства". Не содействует этому и оппортунистическое отношение автора к советскому праву. Рассматривая формы административного воздействия и охраны порядка автор воздерживается от оценки их целесообразности с точки зрения исторического опыта. Между тем все эти формы административного воздействия были испробованы и перепробованы решительно во всех странах, и относительно целесообразности их накопился богатый и весьма поучительный опыт и в предшествующих своих трудах автор охотно пользовался указаниями этого опыта. Мало внимания уделил автор и „обеспечению революционной законности в управлении". Он счел даже лишним выяснить, что он подразумевает под революционный законностью, хотя в свое время этот термин вызвал оживленную дискуссию в периодической прессе. И кому, как не административисту, следовало бы выяснить запутанный вопрос. Между тем автор ограничился в этом отношении ссылкой на постановление VI всероссийского чрезвычайного съезда советов, которое, будто бы, бросило впервые лозунг революционной законности. Но эта ссылка не точна. В указанном постановлении этот термин не встречается, и пущен он был в оборот значительно позднее.

Если научное освещение трактуемых вопросов в рассматриваемом произведении почти совершенно отсутствует, то изложение „нормативных материалов отличается точностью и ясностью. Да и материал собран автором обширный, в значительной степени еще неиспользованный. Поэтому для сотрудников НКВД руководство проф. Елистратова должно было бы представлять большую ценность. Но к несчастью автора за время печатания книги „нормативные материалы" успели в значительной степени устареть. Правда, автор принял все меры к тому, чтобы подновить их, поместив в приложениях ссылки на вновь изданные декреты. Но эти дополнения автор мог довести лишь до августа 1924 г. Книга же была выпущена из типографии летом 1925 года, когда почти по всем рассматриваемым в руководстве вопросам вышли новые узаконения.

А. Горбунов.

Проблемы преступности. Вып. I. Государственный институт по изучению преступности и преступника. *Гос. Изд. 1926 г. ц. 2 р. 50 к.*

О целях и задачах вновь созданного учреждения говорит первая статья сборника Е. Ширвиндта; дополнением к ней служит статья Спасокукотского „Организация и первые шаги деятельности Гос. Института", „Изучение широкого круга вопросов, охватываемых термином „проблемы преступности" является; — по словам Е. Ширвиндта,—задачей Гос. Института" (стр. 6), который должен явиться учреждением „научно-практическим", сочетающим в своей работе интересы научного исследования с потребностями и запросами органов, на которые возложена борьба с преступностью. Обширность и разнообразие задач, стоящих перед Институтом, привели к разделению его на секции: социально-экономическую, пенитенциарную, био-психологическую и криминалистическую с возложением на каждую из них специальных заданий.

В статье Спасокукотского изложена внешняя история создания Института, как учреждения, хотя и состоящего при Н. К. Вн. Д., но имеющего междуведомственный характер.

Небольшие по объему статьи сборника интересны как по затронутым темам, так и по собранному материалу, весьма свежему. Среди авторов мы встречаем имена, уже давно известные в уголовно-правовой литературе, и имена более молодых сотрудников, еще только вступающих на путь научно-исследовательской работы.

Более общий характер имеет статья М. М. Исаева, который со свойственной ему манерой широкими штрихами излагает вопрос о классовом начале в пенитенциарной политике. Автор приходит к выводу, что „буржуазная пенитенциария, будучи на деле грубо классовой, старается обмануть своей „внеклассовой" внешностью. Наш ИТК не скрывает своего классового характера, но последний таков, что в пенитенциарной пополитике звучат мотивы скорее будущего, чем переходного времени" (стр. 34).

Но нельзя ли объяснить эти свойства „буржуазной пенитенциарии" и нашего Испр. Труд. Код. не столько стремлением к обману первой и усвоением мотивов Zukunftmüsik вторым, сколько самим характером системы мер борьбы с преступностью, проникнутой идеей целесообразности, тем, что „борьба с некоторыми видами преступлений (изнасилование, поджог, разбой) — общий интерес всех классов общества", а потому одинаковы и системы мер борьбы с преступностью, вырабатываемые как буржуазной, так и последовательно-социалистической идеологией, лежащей в основе И.-Тр. Код.

Проф. М. Н. Гернет в своем докладе пленарному собранию Института поделился своими заграничными впечатлениями, вынесенными из поездки в Англию и Бельгию. В Англии докладчика поразили смесь глубокой старины и новизны: судейские парики и мантии с широким использованием электрической энергии в тюремном быту и с нередким применением плети в качестве меры исправительного воздействия. Общее впечатление об учреждениях по борьбе с преступностью несовершеннолетних в Англии и Бельгии автор считает возможным характеризовать, как шаг в сторону от тюрьмы, от наказания — возмездия к ремесленной школе. Изменения происходят и в тюрьме для взрослых и в Англии и в особ. в Бельгии. Автор, горячий противник тюремного заключения, особенно его одиночной системы, в медленных и незначительных переменах организации заключения усматривает начало конца всей тюремной системы.

Занявшийся изучением литературного творчества заключенных Львов-Рогачевский считает прессу исправ. домов драгоценнейшим документом эпохи, раскрывающим новый быт в местах заключения и свидетельствующим о несомненной одаренности некоторых поэтов. Правда, в дальнейшем автор ослабляет силу высказан-

ного им положения, заявляя, что до $^3/_4$ стихотворного материала не имеет к поэзии никакого отношения.

Весьма интересны попытки Сегалова дать „психологический" анализ хулиганства в небольшой по размерам статье „Психология хулиганства". Вскрывая психологические основания хулиганства (м. пр. чувство собственной недостаточности), автор усматривает пробел в ст. 176 УК—неуказание одного из проявлений хулиганства — неуважение к труду. Но приведенные автором примеры могут быть легко подведены под более общие понятие озорных, сопряженных с явным неуважением к обществу действий.

Статья П. И. Люблинского привлекает внимание читателя к особо участившимся за последние годы случаям половых посягательств против детей. Обследование более 20 случаев этого рода приводит автора к убеждению, что здесь мы имеем дело не столько с „сексуальными аномалиями" и „атавистическими наклонностями", сколько с новым складывающимся в нездоровых условиях современной городской жизни бытовым явлением, разрастающимся на почве особого вида детской беспризорности, на почве семейной беззащитности ребенка.

Если в работе П. И. Люблинского дети являются жертвами преступных посягательств, то в статье В. Куфаева—„Детские убийства" дети выступают в качестве действующих лиц. Но выступая в роли убийц, в сущности говоря, дети и здесь являются жертвами окружающей их среды, и совершенные ими убийства представляются автору лишь призмой, в которой преломляются те же уродливые формы быта населения в виде жестокого обращения, диких расправ на кулачках, пренебрежения к интересам ребенка и т. п. (стр. 122).

Н. Гедеонов в статье „Содержатели притонов разврата" пытается вскрыть психологию этой категории преступных деятелей.

С. Укше дает социологические характеристики женщин — корыстных убийц на основании обследования 47 случаев; влияние социально-экономических факторов в виде тяжелого детства и отрочества, неудачного замужества и материальной необеспеченности выступает во всех этих случаях достаточно ярко. Правда, биопсихологическая сторона осужденных не подвергалась надлежащему обследованию.

В докладе Пленуму Института „о статистике преступности во время и после европейской войны в разных странах" Д. Родин исходит из представления о войне, как совокупности социальных и экономических явлений, созданных войной, и выводы автора об усилении женской и детской преступности становятся вполне понятными.

Е. Тарновский анализирует сведения о самоубийствах в Зап. Европе и в РСФСР за последнее десятилетие. Из этого анализа видно, что в то время, как в Зап. Европе высший % самоубийств падает на престарелый возраст, в РСФСР и отчасти в Японии добровольно уходит из жизни молодежь. Автор ставит развитие самоубийств в современном обществе в связь с анархическим состоянием производства и распределения, т. е. с буржуазным или капиталистическим строем. Но эта общая причина не объясняет нам различия в возрастном составе самоубийц — преобладания среди самоубийц молодежи у нас и лиц более зрелого возраста на Западе. Не имеют ли в этом случае большее значение причины индивидуального порядка и в частности то „taedium vitae", которое должно быть естественным и частым настроением старости?

А. Шестакова в статье „Преступления против личности в деревне" приподнимает несколько завесу над картиной современной деревенской преступности, отмечая за последние годы значительный рост последней в области главным образом посягательств против жизни и здоровья. Основательными являются замечания автора как о причинах этого роста, в частности о разложении крестьян-

ского семейного уклада, так и о способах борьбы путем помещения осужденных в с.-х. колонии.

Отдел библиографии содержит обзор важнейших работ по вопросам криминологии и пенитенциарии за последние годы и специальных журналов. В отд. „За рубежом" дается краткая хроника и резолюция IX междунар. Тюремного Конгресса.

Сборник завершается отмеченной выше статьей Спасокукотского о деятельности Гос. Института и статьей Утевского „Из трудов пенитенциарной секции", в которой приводится заслуживающая внимания резолюция по вопросу о ссылке и высылке. Таково разнообразное содержание 1 выпуска трудов Института по изуч. преступности. Интересующийся вопросами преступности, рассматриваемой с точки зрения социально-экономической и био-психологической, найдет в нем не мало свежего материала, почерпнутого из современной действительности, внимательно собранного и тщательно разработанного и освещенного.

В. Н. Ширяев.

Адам Эттингер. Преступник в освещении антропологии и психологии. *Варшава. Изд. 1924 г. стр. 351 (на польском языке).*

Автор книги, задавшись целью изучить проблему о преступнике и о преступности, начинает свое исследование с подробного рассмотрения прежних психологических и уголовно-правовых учений, начиная этот обзор со время Аристотеля.—Самое большое место в этой книге отведено рассмотрению и критике учения школы уголовно-антропологической во главе с Ц. Ломброзо. Рассмотрению теории Ломброзо о „врожденном преступнике" предпослано рассмотрение учений предшественников Ломброзо.

Основным положением, к которому приходит автор названной книги в результате рассмотрения учения Ломброзо, является отрицание врожденного преступника. Преступники не представляют из себя ничего специфического, не отличаются ни одной особенностью, которая была бы характерной исключительно для них (стр. 212), если же что и есть специфического в психике преступников, особенно профессиональных и рецидивистов, „то в данном случае больше всего, что можно сказать лишь об известной аккумуляции определенных привычек, одностороннего развития определенных особенностей и процессов духовных, отвечающих их постоянной преступной деятельности" (стр. 215).

Генезис „врожденного преступника" Ломброзо следует искать не в биологии, не в патологии индивидуальной, а в пороках и недочетах современного общественного строя (219 стр.). И к подобному же выводу приходит автор после разбора последующих теорий криминально-биологических и криминально-антропологических и в заключении подчеркивает, что если безусловно полезен и необходим в криминологии момент изучения отдельного преступника, то все же вся суть дела лежит в том, „чтобы найти главный источник, из которого происходит вообще преступность, как явление массовое" (стр. 315) и так как „отдельное лицо непосредственно и посредственно продукт общества, и т. к. с другой стсроны преступность есть явление относительное, историческое, определенное экономическими общественными и политическими условиями данного момента, то и источник преступления может находиться *единственно* именно в *обществе*, в глубинах его жизни".

Книга изобилует цитатами из богатой литературы вопроса.

Изложение доступное и книга читается с большим интересом.

Е. Богданская.

Проф. Полянский. Должностные растраты. Их уголовное преследование. *М. 1926. Ц. 60 к. Изд. „Правовая защита". Стр. 41.*

Рецензируемая брошюра представляет доклад, прочитанный в Юридическом Совещании при Совете Центр. Сельско-Хоз. Кооперации. Вопрос об ответственности служащих кооперативных организаций и стоит в центре внимания автора. Книжка из четырех глав, в которых, со свойственной автору точностью, излагаются превентивные меры борьбы с должностными растратами, вопросы судебной практики по этим делам, проект закона о привилегированной растрате, выдвинутый Юрид. Отд. Центросоюза.

Останавливаясь на причинах огромного роста растрат в кооперации, автор особенно выдвигает две: непредоставление Заведующему предприятием права самому подбирать сотрудников и отсутствие живой связи между членами кооператива и его руководящими органами. Конечно, эти выводы, подкрепленные данными практики и статистики, правильно намечают больные места кооперативной (и не одной только кооперативной) организации. Однако, думается нам, причины растрат не исчерпываются тем, что указывает проф. Полянский и циркулярное письмо Правления Центросоюза; их следует искать не только в организационных недостатках кооперации.

При анализе вопросов судебной практики, автор прибегнул к удачному средству, опросив заведующих юридическими отделами кооперативных центров. Таким образом, были намечены вопросы, действительно возникающие на практике. Здесь отметим анализ понятия субъекта ст. 113 УК, отношения ст. ст. 113 и 180а. Теоретически интересно и, более того, практически важно исследование вопроса об обязанности администрации доводить до сведения органов уголовного преследования о каждом случае обнаруженной растраты, как, впрочем, и весь этот отдел (Д) второй главы— ответственность в связи с растратами, лиц, не участвовавших в растрате.

Ряд процессуальных вопросов в области гражданского иска освещен автором с обычным мастерством. Отметим, что проф. Полянский склоняется к мысли, что в некоторых случаях растрат—при сложности рассчетов—была бы полезна гражданская преюдиция и что такой порядок не противоречит нашему праву. С этим мнением следует согласиться. Применение 130 ст. УК. уже привело к сознанию целесообразности гражданской преюдиции. По тем же причинам эта преюдиция была бы полезна, может быть, и в более широком объеме, чем предлагает проф. Полянский.

Разбирая далее проект Юр. Отд. Центросоюза о дополнении ст. 113 постановлением о значении добровольного возмещения причиненного ущерба, вводящим привилегированный вид растраты, известный дореволюционному нашему праву, автор высказывается в его пользу. Совершенное освобождение растратчика, в этих случаях, признается проф. Полянским нецелесообразным: оно „имело бы своим последствием большой соблазн для лиц, имеющих в своем распоряжении чужие ценности, использовать эти ценности на свои нужды в надежде, что наказание за это использование можно будет избежать путем возмещения растраченного даже после обнаружения растраты". Мы прибавили бы к этому еще такое соображение: освобождение от наказания данных лиц затушевало бы грань между „казенным" и „своим", которая до сих пор, не вполне у нас отчетливо сознается, между тем совершенно необходима.

Отметим, в заключение, некоторые опечатки. На стр. 27, пр. 2 читаем:.. „проф. А. И. Елистратов административное правление РСФСР". Речь идет о книге „Административное право РСФСР". На стр. 29 опечатка хуже: „сочувствие"—вместо „соучастие".

Книжка является ценной не только для работников Кооперации. Огромный циркулярный и другой материал, сконцентрированный и обработанный на небольшом пространстве знатоком

своего дела, может помочь многим не видеть растраты там, где ее нет. А, ведь, значительное количество дел о растратах возникают благодаря именно этому.

Аносов.

Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. *Одобрено и рекомендовано Отдвлом Уголовного Розыска Центрального Административного Управления Наркомвнудела. Издание НКВД РСФСР. Москва. 1925 г. 430 стр. Цена 4 руб. (в переплете).*

В кратком предисловии Н. А. Николаевского и С. М. Потапова к этой полезной, обширной и очень хорошо изданной книге правильно указывается, что ее автор делает первые шаги к заполнению пробела в нашей криминалистической литературе. В самом деле, наша литература далеко отстала от иностранной и особенно германской, где вопросы криминалистики стали одними из наиболее привлекающих к себе внимание. Книга *И. Н. Якимова*, по нашему мнению, является не только *первым* шагом к заполнению существовавшего пробела, но и „значительным шагом“: нам дает право сказать это не только самый объем книги в 430 страниц, но и обширность ее содержания, разбитого на три части, несколько отделов и многочисленные главы с приложением указателя литературы и алфавитно-предметного указателя. Эти части следующие: I) уголовная техника, II) уголовная тактика и III) методология. В первой автор говорит о способах регистрации преступников, преступлений, притонов, похищенных предметов и проч., о методах обнаружения следов преступления, технике производства осмотра местности преступления, следов и орудий преступления, трупов и мн. др. Если эта первая часть имеет интерес и значение специально для работников уголовного розыска, следователей и судебных работников, то вторая „уголовная тактика“ с интересом будет прочтена и не только названными специалистами, так как в ней автор в живой форме знакомит читателя с характеристикой современного преступника, его нравом, с тайными способами общения преступников между собою; остальные главы этой части излагают вопросы практического характера, связанные с обыском, допросом, задержанием преступника и т. п. В третьей методологической части своего труда И. Н. Якимов говорит о методах расследования некоторых отдельных преступлений (убийства, детоубийства, нанесения телесных повреждений, кражи, разбоя и др.). Изложение сопровождается 82 фотографиями, по большей части хорошего для нынешних условий печати исполнения.

К недостатку книги надо отнести чрезвычайную сжатость изложения некоторых глав. Впрочем, не смотря на эту сжатость, книга, как указано, разрослась до 430 стр. и, очевидно, автор был стеснен в возможности изложить все с одинаковой полнотой. Однако, мы желали бы видеть в новом издании более подробный очерк о преступности в связи с полом, возрастом, временем совершения преступления, о столичной преступности и т. п., так как те несколько фраз, которыми ограничивается иногда автор, не только недостаточны, но и могут оказаться ошибочными. Например, возраст преступников в большинстве случаев от 20 до 30 лет, но он весьма различен у представителей различных видов преступности. Следует ли говорить, что работник уголовного розыска не без пользы для него узнал бы различные социологические особенности (также как и особенности возрастного и полового характера) различных преступников: в них он может найти указания где искать преступника.

Автор использовал обширную иностранную литературу, в том числе и новейшую, однако, он нигде не делает

сносок на нее, ограничиваясь перечнем источников в особом приложении. Такой способ изложения облегчает пользование книгою менее подготовленному читателю, но иногда сноски были бы не лишни, так как могли бы помочь углубиться в изучение затрагиваемых автором вопросов. Может быть можно было бы избрать средний путь и давать указание литературы к отделам или главам.

Алфавитно-предметный указатель составлен очень подробно.

Не сомневаемся, что книга отвечает насущным потребностям и потребует новых изданий.

Мих. Гернет.

Н. В. Болдырев и С. Я. Гессен. Современная Европа. Экономический и политический обзор всех государств Западной Европы после войны. *Книгоиздательство „Сеятель" Е. В. Высоцкого. Л. 1925 г. стр. 252+3 ненумерованных. Тираж 3000 экземпляров. Цена 2 рубля.*

Наша текущая литература удручающе бедна общими пособиями по политико-экономической жизни новой Европы, и, кажется, никогда не было так трудно ориентироваться в сложных международных ситуациях, как теперь. Уровень общих политико-географических знаний, несмотря даже на повышенный тираж текущей прессы, неудержимо падает, и это дает себя чувствовать и в текущей жизни и на экзаменах в общественных вузах. Поэтому надо приветствовать появление всякой книги, которая могла бы облегчить ориентировку в текущей политической обстановке и рядовому читателю, и студенту вузов, и школьному работнику, особенно такой как эта, ставящая своей целью дать „достоверный и точный фактический материал, добытый из общей литературы после войны" (пред. стр. 5). Экономика и финансы, военное дело и внешняя политика, государственное устройство и партийные группировки, территориальные изменения и движение народонаселения—таковы главные темы для каждой страны. Изложение фактов, по понятным причинам, доводится только до сентября 1924 года и это, бесспорно, быстро понизит ценность этой хорошей книги. В книге, напр., более четвертой своей части отводящей современной Германии, нигде не упомянут термин „План Дауэса", хотя о нем и говорится дважды (на стр. 37 и 68-69). Очерк, посвященный Германии, представляет собой лучшую часть книги, все остальные короче, а потому менее содержательны.

У книги, хорошей и ценной, являющейся к тому же, по заявлению самих авторов, первым опытом в своем роде, есть разумеется и недостатки, подчеркивая которые я отнюдь не собираюсь уронить ее несомненных достоинств. Прежде всего вряд ли правилен общий ее план по политическим группировкам мировой войны: I—Германская коалиция, II—Антанта, III—новые государства, IV—нейтральные государства. Турция, напр., первая порвала с тягостными условиями Версальского (Севрского) мира, пошла своей особой дорогой, а победители, после Лозанской конференции, по меткому выражению Ллойд-Джорджа, „вернулись домой с поджатыми хвостами". Болгария точно также ничем не связана больше с „Германской коалицией". Венгрия тоже причислена к ней, и это имеет, разумеется, серьезные основания, но может вызвать и серьезные возражения.

Книга обещает познакомить со всеми государствами современной Европы, но в ней нет ни Андоры, ни Монако, ни Сан-Марино, хотя есть Лихтенштейн, Данциг и Фиуме.

Она, может быть, слишком сурово отметает общие рассуждения и даже иллюстрирующие их факты, ничего не упоминая, напр., при трактовании факта развития довоенной текстильной промышленности Германии, о по-

бедоносной конкуренции ее с английской как в колониях, так и в самой Англии.

В самом изложении есть ошибки и неясности: напр., из контекста на стр. 71-ой не видно сократилась ли продукция австрийского сельского хозяйства вообще или благодаря сокращению государственной территории. Военная численность турецкой армии определена в 650.000 человек (стр. 93), Эрцбергер определял ее в 2.000.000. Ошибочно указано, что Португалия не получила *никаких* территориальных приращений (стр. 160), границы ее Восточно-Африканских владений были исправлены за счет бывших Германских колоний. В статистике польского населения (стр. 191) не указан процент литовцев в Виленской области, где только город Вильна является польским по преимуществу. Не упомянуты границы раздела Тешинской Силезии между Чехо-Словакией и Польшей (стр. 158). Вряд ли можно согласиться с тем, что господствующее положение в Данцигском порту принадлежит самому Данцигу (стр. 199) который бессилен защититься от многообразного воздействия Польши. В изложении истории возникновения литовского государства (стр. 201) опущен эпизод с избранием герцога Вильгельма Урах литовским королем. Не указан процент русского и шведского населения в Финляндии (стр. 216). Не верно показан процент национальных меньшинств в Швеции, всего в 0,6%, где северное побережье Зунда, населенное датчанами, было завоевано Карлом XI только во второй половине XVII века, и его население до сих пор тяготеет к соседней Дании. Не указано, что при решении Шпицбергенского вопроса (стр. 229) на Парижской конференции в январе 1920 г. не были приняты во внимание права РСФСР.

Есть и технические недосмотры: на стр. 141 выпал конец 1-го абзаца, повидимому 1 или 2 строки.

Но все это, конечно, мелочи, большинство которых легко может быть исправлено в следующем издании, в появлении которого трудно сомневаться, принимая во внимание и ее относительно невысокий тираж. Вполне удачно, по моему мнению, она исполнила и свою агитационную задачу— пропагандировать увеличение интереса к политической географии современности.

Ю. Иванов.

Новые книги по вопросам международного права и мировой политики.

1. The Europe Year Book for 1926.

2. Arnold Toynbee. „Survey of International affairs".

3. Lindley. „The acquisition and Gouvernment of Backward Territory in International Law".

4. Child. „A diplomat Looks of Europe" [1]).

5. Andrew Gibb. „The International law of jurisdiction in England and Scotland".

6. „The Intimate Papers of colonel House" [2]) два тома.

А. К.

---

[1]) Записки американского посла в Риме за время 1921—1924 гг.

[2]) Записки и воспоминания ближайшего советника и друга президента Соедин. Штатов Сев. Ам. Вильсона.

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Рабочее законодательство Италии.

Фашистское правительство Италии недавно провело через парламент закон, имеющий целью подчинить рабочее движение Италии фашистскому влиянию и лишающий итальянские рабочие организации даже призрачной независимости.

Согласно этого закона, для признания за рабочей организацией легального представительства интересов рабочих масс требуется, чтобы она объединяла не менее 10% всех рабочих, занятых в соответствующей отрасли промышленности, подобно тому как для признания легального представительства организации предпринимателей требуется, чтобы соответствующая организация предпринимателей объединяла предпринимателей, в предприятиях которых работают не менее 10% всех рабочих данной отрасли промышленности. Руководители такой „легально признанной“ рабочей организации должны дать доказательства своей преданности „интересам нации“.

„Легально признанная“ рабочая организация является *единственным* представительством интересов рабочих соответствующей отрасли промышленности. Создание „единства“ представительства рабочих составляет, согласно объяснительной записки к закону, центр тяжести его. В объяснительной записке указывается, что наличие нескольких организаций, представляющих интересы рабочих, ведет к их конкуренции друг с другом, в смысле привлечения новых членов неосуществимыми обещаниями, вызывающими забастовки. Являясь *единственным* представительством „легально признанная“ рабочая организация рассматривается, как представительство всех рабочих, занятых в соответствующей отрасли промышленности, независимо от того являются ли они членами этой организации или нет, при чем также независимо от членства каждый рабочий уплачивает годовой взнос в размере однодневного заработка. Остальные существующие рабочие организации, кроме „легально признанных“, могут продолжать свое существование, но как организации de facto.

Должностные лица „легально признанной“ рабочей организации подлежат утверждению министра внутренних дел или префекта.

Вместе с тем создается специальный суд для разбора споров между предпринимателями и рабочими. Суд этот состоит из трех судей и двух заседателей, избираемых по особому списку, состоящему из лиц компетентных в вопросах производства или труда. Обращение в этот суд является *обязательным* по делам о трудовых договорах, а также по спорам, связанным с установлением новых условий труда в сельском хозяйстве, в отправлении публичных служб или в предприятиях общественно-необходимых.

В остальных случаях обращение в суд имеет место только лишь при обоюдном согласии сторон; однако, решение суда, поскольку оно последовало, носит всегда характер обязательный для спорящих и является окончательным. Забастовки и локауты воспрещены во всех случаях, когда обязательно обращение в суд, а также и тогда, когда стороны согласились на передачу спора на рассмотрение суда. Нарушение этого запрещения как в отношении забастовок, так и локаутов карается штрафом до ста тысяч лир и тюрьмой до трех лет.

А. К.

Новое обсуждение конвенции о восьмичасовом рабочем дне.

В середине марта 1926 г. в Лондоне состоялась конференция министров труда пяти великих держав: Великобритании, Франции, Германии, Италии, Бельгии. Конференция была созвана для нового обсуждения Вашингтонской конвенции о восьмичасовом рабочем дне, заключенной, как известно, еще в 1919 г. и до сего времени не ратифицированной ни одной крупной индустриальной державой. В течение истекших семи лет ратификация конвенции последовала только со стороны Болгарии, Греции, Румынии, Чехо-Словакии, Чили, Индии. При чем в Индии, в соответствии с климатическими и другими особенностями страны, предусматривается не 48-ми часовое рабочее время в неделю, а 60 часов работы в неделю. Соответствующие постановления были введены законами: Factories (amendment) Act 1922 г. и Mines Act 1923 г.

Крупные же промышленные страны воздерживаются от ратификации конвенции, опасаясь принимать на себя какие-либо международные обязательства установления восьмичасового рабочего дня. При современном обострении конкуренции в международной торговле никто из крупных промышленных государств не хочет первым ратифицировать конвенции, боясь, что другие государства не последуют его примеру и что ратификацией конвенции будет ослаблено его положение в международной конкурентной борьбе. Поэтому, когда правительство Макдональда в Англии внесло в парламент законопроект о ратификации конвенции, оно созвало в сентябре 1924 г. в Берне конференцию представителей Англии, Франции, Германии, Бельгии с предложением *одновременной* ратификации конвенции всеми перечисленными государствами. Эта конференция не достигла цели, так как сменившее правительство Макдональда консервативное правительство Болдуина сочло необходимым вновь подвергнуть рассмотрению текст конвенции „для установления единообразного понимания его всеми крупными промышленными государствами".

Весьма интересно отметить отношение каждого из крупных промышленных государств к ратификации конвенции: Франция, согласно законопроекту, принятому палатой депутатов и находящемуся на рассмотрении сената, готова ратифицировать конвенцию при условии, что она будет ратифицирована Германией. Германия, в свою очередь, соглашается ратифицировать конвенцию, если ратификация последует со стороны Франции, Англии, Бельгии. Италия требует ратификации со стороны Англии, Франции, Германии, Бельгии и Швейцарии.

Нынешняя мартовская конференция в Лондоне подвергла пересмотру прежний текст конвенции и внесла в него ряд редакционных уточнений, исключающих возможность различного толкования отдельных статей в различных странах.

За исключением статьи 14-й, предусматривающей право отдельных государств приостанавливать действие конвенции, все вопросы получили единогласное решение. По ст. 14-й англичане предложили ограничить право приостановления конвенции только в случаях войны или наступления каких-либо других событий, угрожающих безопасности государства. Наоборот, континентальные государства считали достаточным основанием для приостановления действия конвенции серьезную угрозу благосостоянию отдельной отрасли промышленности, в силу политических или экономических условий. В конце концов, было принято решение, согласно которого конвенция может быть приостановлена только в том случае, если кризис угрожает самой жизни нации, при чем экономический или коммерческий кризис, захватывающий какую-либо отдельную отрасль промышленности, не является основанием для приостановления конвенции. Однако, и такое решение не удовлетворило Англию, резервировавшую свое мнение по этому вопросу.

Не взирая на декларированное всеми участниками конференции желание рекомендовать своим правительствам незамедлительную ратификацию конвенции, все же нет оснований для оптимистических надежд на скорое претворение конвенции в жизнь.

А. Д. Кейлин.

Проблема кодификации международного права.

Работа учрежденной в декабре 1924 г. Советом Лиги Наций специальной комиссии для кодификации международного права продолжается. Комиссия состоит из специалистов юристов-международников и имеет своей задачей разработать вопросы международного права, по которым возможно заключение международных конвенций.

Пленум Комиссии собирался дважды: первый раз—в апреле 1925 г. и второй раз—в январе 1926 г.

На первом пленуме были намечены следующие одиннадцать вопросов, переданные для дальнейшей проработки в соответствующие подкомиссии: 1) проблема национальности, 2) территориальные воды, 3) дипломатические привилегии, 4) ответственность государства за нанесение вреда иностранцам, 5) порядок созыва и работ международных конференций, 6) контрафакция, 7) эксплоатация морских промыслов, 8) положение государственных торговых судов, 9) выдача преступников, 10) юрисдикция государства по преступлениям, совершенным за границами его территории, 11) давность.

На втором пленуме комиссии были заслушаны доклады по этим вопросам соответствующих подкомиссий и было постановлено передать первые семь вопросов на отзыв отдельных государств. Восьмой вопрос был признан разработанным в достаточной степени International Maritime Comittee (по инициативе бельгийского правительства он подлежит рассмотрению на Брюссельской конференции по морскому праву и, следовательно, получит свое разрешение в особом порядке). Девятый и десятый вопросы были признаны неосуществимыми для заключения международных конвенций. Одиннадцатый же вопрос был снят по болезни докладчика.

Вместе с тем, этот же пленум комиссии выдвинул десять новых вопросов, переданных в свою очередь в подкомиссию для разработки. Вопросы эти следующие: 1) судебные и внесудебные карательные акты, 2) положение о частных некоммерческих международных объединениях, 3) проблема местожительства, 4) консулат, 5) условие наибольшего благоприятствования, 6) классификация дипломатических агентов, 7) юрисдикция в отношении иностранных государств, 8) национальность торговых объединений, 9) признание юридического лица за торговыми объединениями и 10) сделки купли-продажи.

Следующий пленум комиссии предположен через год, к каковому сроку ожидается, с одной стороны, получение отзывов отдельных государств по уже проработанным вопросам, а с другой—окончание проработки подкомиссиями новых вопросов.

А. Д. Кейлин.

Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology—February 1926.

В февральской книжке журнала Американского Института Уголовного права и Криминологии (Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology) интересна статья Lanford Bates об индивидуализации наказания. В ней автор трактует широко распространившийся в Америке

взгляд Итальянской школы, т. наз. детерминистическую или индивидуалистическую концепцию наказания. „В настоящее время, говорит судья в Техасе Меск, существует все возрастающая гуманная и достойная похвалы социальная тенденция индивидуализации наказания—обращается внимание не только на объективную и субъективную природу и качество самого преступления, но также и на истинную природу индивидуума, его возраст, прошлое и возможность его социального и морального возрождения".

Это индивидуалистическое течение проявляется во многих странах устройством особых учреждений, классифицирующих преступников не по роду преступлений ими совершенных, но по их индивидуальности.

Проф. Saleilles различает 3 вида пенальной индивидуализации: законную, судебную и административную. Автора главным образом интересует 2-й вид, а именно судебная индивидуализация. Он говорит, что судья не только должен стремиться проводить в жизнь закон для охраны общества, путем наложения соответствующего наказания, но и смотреть на преступника как на человека, стараться понять и изучить его. В Америке пенология за последнее время продвинулась далеко вперед именно благодаря этой тенденции к всестороннему и наиболее близкому подходу к личности преступника. Большой вклад в науку индивидуализации наказания сделал Dr. William Healy своим трудом „Индивидуальный преступник", в котором он проводит мысль о том, что индивидуальное воздействие на преступника является и главным фактором защиты общества.

Lanford Bates приводит в своей статье ряд желательных мер, ведущих к прогрессу по линии индивидуализации. Некоторые из них проведены в Америке и вошли в повседневное употребление, другие же еще находятся в области теории.

Принцип индивидуализации осуществляется в Америке широким распространением детских судов, есть также специальные суды, разбирающие различные семейные дела. Желательно более полное деление судов на специально детские, затем суды ведающие семейные дела и суды разбирающие дела взрослых. Необходимо создание при судах психопатических лабораторий или психиатрических клиник для определения умственных способностей преступников. В Америке уже при многих судах имеются таковые для определения сумасшествия—некоторые устанавливают слабоумие. Организация такого рода лабораторий необходима для ближайшего ознакомления судей с личностью преступника, для выявления его психических и физических особенностей, наследственности и различных социальных факторов, влияющих на его характер и пр. Затем должна быть развита система условного освобождения (Probation System). Для этого необходим при судах штат опытных в этом деле лиц обоего пола. В Америке эта система широко применяется и приобретает все возрастающее значение. Таким образом, для успешного проведения принципа индивидуализации суды должны иметь штат опытных гуманных судей, которые с помощью хорошо организованных Probations Officers и социальных работников должны близко подходить к каждому преступнику, изучать его индивидуальность, узнавать все его нужды, а также быть в курсе всех учреждений, в которые размещаются преступники. Что касается методов воздействия, то это должно быть предоставлено администрации самих учреждений. Суды должны широко пользоваться системой условного освобождения, неопределенным приговором, освобождением до приговора и пр.

Классифицированный суд, психиатрическая лаборатория и правильно поставленная система условного освобождения являются необходимыми спутниками всякого прогрессивного суда.

Автор еще выдвигает идею т. наз. Clearing House или Classification Prison для установления постоянной связи между судьей и местом заклю-

чения для индивидуального воздействия на преступника. Организация классифицированных тюрем представляет шаг вперед к установлению системы Clearing House. Такова тюрьма Sing Sing в Нью-Йорке—громадное здание оборудованное психиатрической лабораторией и клиникой со всеми медицинскими и хирургическими приспособлениями.

Clearing House должны стоять между тюрьмой и возвратом к обществу; это, так сказать, своего рода пенальное чистилище. Они нужны для предписания методов воздействия на преступников в виду трудности этого для индивидуальных судей и для заботы о каждом преступнике после признания его виновным. Таковы в общих чертах затронутые автором в его статье вопросы, которые им детально разработаны, для чего им использована богатая литература, что видно из приложенной библиографии.

В следующей статье „Jurisdiction over Crimes“ автор, профессор права Вашингтонского университета Albert Levitt, разбирает две доминирующих теории юрисдикции преступлений—территориальную и космополитическую. Первая более узкая, связывающая ответственность за преступление с территорией, на которой оно произошло, и вторая более широкая, карающая всякое преступление независимо от того, где оно совершено. В англо-американском законодательстве в настоящее время два типа преступных деяний охватываются этой космополитической теорией, а именно пиратство и аггресивные действия против т. наз. нецивилизованных народов, не находящихся под каким-либо цивилизованным протекторатом. Пиратство как преступление против законов всех наций подсудно суду каждой страны. Нападение на нецивилизованные народы, не находящиеся под каким-либо цивилизованным протекторатом, запрещено английским законом (Pacifie Islanders Protection Act 1872, Section 9) и американским (уголовный кодекс 1910 г. ст. 308).

Далее автор касается вопроса о распространении космополитической теории юрисдикции на уголовные преступления, что имеет большое значение для уголовного права, так как по существу действительная опасность для общества состоит не в том, что преступление совершено на известной территории, но в самом факте существования лиц с анти-социальными тенденциями. Такого рода лица должны быть судимы, где бы они ни находились.

Автор подробно разбирает связанные с этой теорией вопросы (о подсудности т. наз. транзиторных преступлений и пр.), а также проведение в жизнь этой теории в Англии и Америке. В конце он останавливается на возражениях, выставляемых против этой теории.

Автор след. статьи—„Преступление с психиатрической точки зрения“ профессор психиатр Пенсильванского университета Charles Burr, разбирая затронутый вопрос, приходит к весьма пессимистическим выводам, что преступник в том узком смысле слова, как его понимают психиатры, или родился без способности развить социальный инстинкт, или же утратил его вследствие болезни—такого рода преступники должны быть изолированы на всю жизнь или же, если они являются убийцами или насильниками, то их надо казнить, так как они представляют угрозу обществу и расе.

В небольшой статье об отделении умственно-дефективных, автор-профессор права Мичиганского университета Burke Shartel подробно разбирает Мичиганское законодательство по этому вопросу—вошедший в силу закон 1923 г. об отделении умственно-дефективных и конституционную власть законодательства предусматривать отделение дефективных.

В цитируемой книжке журнала имеются еще статьи John R. Oliver „Криминология и здравый смысл“, затем Wade Millis. „Первый конституционный опыт“ краткий очерк конституционного строительства С. А. Штатов и статья Nellie Perkins—директора психопатологической клиники детского суда в Detroit—о необходимости социализации судебной процедуры при

заключении в гос. воспитательные школы для слабоумных.

В конце книжки—краткий отчет о 9-м международном тюремном конгрессе и маленькая статья Weber and Guilford с значении умственных недостатков в проблеме преступности.

В отделе библиографии отмечены 3 книги: Sheldon Glueck „Психич. болезнь и уголовное право", Mary Sayles—„Детский школьный вопрос" и Bruec Smith—об организации гос. полиции.

Ю. Падерина.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

I. **А. Н. Одарченко.** Идея права на землю в ее прошлом и настоящем 3

II. Проф. **П. И. Алексеев.** Давность и земельные правоотношения 9

III. Проф. **Т. М. Яблочков.** *(Окончание).* Невозможность исполнения и сила договорного обязательства 14

IV. Проф. **Б. Б. Черепахин.** *(Окончание).* Исковая давность по обязательствам из причинения вреда по Гражд. Кодексу . 20

V. **С. Завелевич.** О варрантных операциях 29

VI. Вопросы цивилистики 1. **Ив. Троицкий.** Трудовой договор и „личный наем" 36

2. **В. С. Малченко.** Неиспользованный отпуск 39

3. **В. С. Малченко.** Договор в сфере выселения из жилищ . 41

4. **В. С. Малченко.** Момент вступления в силу арбитражного решения 42

VII. Проф. **Н. Н. Товстолес.** Об ответственности наследника по обязательствам наследодателя 44

VIII. **Н. Н. Рейнке.** К вопросу о юридической природе ликвидационных комиссий 56

IX. **Е. А. Розов.** Вопросы практики по подоходному налогу . . 65

X. **Ю. Ю. Бехтерев.** К вопросу о повышении квалификации работников пенитенциарного дела 69

XI. **В. Ф. Владимирский.** Врачебная тайна 73

XII. Проф. **М. Н. Гернет.** Женщины-убийцы 78

XIII. **А. С. Кирзнер.** Об уголовной регламентации ответственности за несоблюдение правил по технике безопасности в промышленных предприятиях 91

XIV. **К. Ф. Аркина.** Несовершеннолетние бродяжки 95

XV. **А. М. Ладыженский.** Памяти проф. Т. М. Яблочкова . . . 104

XVI. Библиография. **Б. Д. Плетнев.** В. И. Киснемский. Государственные конвенции и гос. синдикаты. Изд. Наркомторга СССР. М. 1926 г. **А. В. Горбунов.** И. Л. Баевский и Л. С. Фриц. Сборник действующего законодательства по социальному страхованию (с разъяснениями). Юр. Изд. НКЮ РСФСР. М. 1925 г. **А. В. Горбунов.** Проф. А. И. Елистратов. Административное право РСФСР. Ленинград 1925 г. **В. Н. Ширяев.** Проблемы преступности. Вып. I. Государственный институт по изучению преступности и преступника. Гос. Изд. 1926 г. **Е. Богданская.** Адам Эттингер. Преступник в освещении антропологии и психологии. Варшава 1924. **Аносов.** Проф. Полянский. Должностные растраты их уголовное преследование. М.

1926 г. Изд. „Прав. Защ.“. **М. Н. Гернет.** Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовн. технике и тактике. Изд. НКВД РСФСР. М. 1925 г. **Ю. А. Иванов.** Н. В. Болдырев и С. Я. Гессен. Современная Европа. Экономический и политический обзор всех государств. Зап. Европы после войны. Изд. „Сеятель“. Л. 1925 г. **А. К.** Новые книги по вопросам международного права и мировой политики . 106

XVII. Из иностранной жизни и литературы **А. Д. Кейлин.** Рабочее законодательство Италии. Новое обсуждение конвенции о восьмичасовом рабочем дне. Проблема кодификации международного права. **Ю. А. Падерина.** Journal of The American Institute of Criminal Law and Criminology. February—1926 118

Ответств. редактор проф. **А. М. Винавер.**

Кооперативное Изд-во „ПРАВО и ЖИЗНЬ“.

Москва—34, ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 17, Тел. 1-63-64.

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

1. **Проф. Б. В. Попов.** Исковая давность. Коммент. к ст.ст. 44—51. Гражд. Код. Ц. 40 к.

2. **И. В. Шерешевский.** Представительство: А. Поручение. Б. Доверенность. Коммент. к ст.ст. 251—275 Гражд. Код. Ц. 1 р. 40 к.

3. **И. Брауде.** Акционерные Общества и Товарищества в торговле и промышленности. Сборник действ. узаконений с кратким комментарием. Изд. 2. Ц. 1 р.

4. **Проф. А. Н. Трайнин.** Кризис науки уголовного права. Ц. 25 к.

5. **В. Н. Ширяев.** Дисциплинарная ответственность служащих. Ц. 80 к.

6. **И. Л. Брауде.** Третейские суды. Коммент. к гл. XXII Г.П.К. и к Полож. о трет. суде. Ц. 50 к.

7. **Проф. П. И. Люблинский.** Меры пресечения. Коммент. к ст.ст. 143—161 Уг.-Пр. К. Изд. 3-е. Ц. 90 к.

8. **Проф. М. М. Гродзинский.** Обвиняемый, его обязанности и права в процессе. Ц. 1 р. 50 к.

9. **И. С. Плехан.** Государственные подряды и поставки. Действ. законы, положения, инструкции, циркуляры и разъяснения НКЮ, НКФ и др. с приложением образцов деловых бумаг и предметным указателем. Ц. 1 р. 90 к.

10. **Налоговые льготы кустарям и ремесленникам.** Сборник действ. законоположений с разъяснением НКФ СССР и РСФСР. Руководство для налоговых органов и ремесленников. Сост. А. С. Костин, Е. А. Розов и А. В. Смарагдов, под ред. Нач. Нал. Управ. Наркомфина РСФСР П. Я. Федорова. Ц. 1 р. 20 к.

11. **И. Т. Бубнов и А. Я. Миллер.** Гербовый сбор в кредитных учреждениях. Пособие для сотрудников и клиентуры кредитных учреждений под ред. П. Ф. Дерюжинского. Ц. 2 р. 70 к.

12. **П. А. Крюков.** Наглядное пособие к Герб. Уставу. Ц. 20 к.

По требованию книги высылаются наложенным платежом.

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРАВО и ЖИЗНЬ“.

Москва—34, ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 17, Тел. 1-63-64.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Уголовный Кодекс. Полный текст с постатейными пояснениями под редакцией профессоров *М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина.*

С приложением „Основных начал Уголовного Законодательства Союза ССР“, комментированного „Положения о воинских преступлениях“, постатейного указателя юридической литературы, хронологического указателя внесенных изменений и дополнений, с текстом всех прежних редакций и алфавитно-предметного указателя. Всего 458 стр. Ц. 3 р. 90 к. (при непосредственном обращении в контору Изд-ва пересылка за счет Изд-ва).

Новые законы о Кооперации. Сист. сборник декретов, постановлений, инструкций, примерных уставов и пр. Состав. *А. М. Долматовский,* под ред. проф. А. М. Винавера. С подробным оглавлением. 476 стр. Цена 5 руб.

Законы о строительстве. Сист. сборник действующих декретов, постановлений, инструкций, циркуляров и пр. Сост. *Н. И. Васильев,* Зав. Юрбюро Госстроя ВСНХ, с вводной статьей испо. Председателя Госплана РСФСР *В. И. Вельмана.* С хронологическим и алфавитно-предметным указателем. Всего 405 стр. Цена 3 р. 50 к.

Справочник-указатель постатейный, алфавитно-предметный к циркулярам НКЮ, Верхсуда СССР, Верхсуда РСФСР, определениям и разъяснениям Пленума Верхсуда РСФСР и ведомственным постановлениям, изданным за 1922—1924 гг. и январь — март 1925 г.

Справочная книга для работников судебных и административных учреждений. Цена 3 руб.

По требованию книги высылаются наложенным платежом.

N0054803
ЮФ СПбГУ

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРАВО и ЖИЗНЬ“

Москва—34, ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 17. Тел. 1-63-64.

На днях выходит из печати

Эрих Анушат

ИСКУССТВО РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЗАКОНЫ ЛОГИКИ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

под редакцией Начальника Научно-Технического п/отдела Отд. Уг. Розыска ЦАУ НКВД С. М. Потапова.

Контора Издательства исполняет заказы по высылке книг, изданных до 1918 г. и после, как юридических, так и по всем отраслям знания.

Цена 2 руб.

Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ".

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Практические Комментарии к действующим Кодексам:

I. Гражданский Кодекс. Проф. Б. В. Попов. Исковая давность, ц. 40 к. Проф. М. М. Агарков. Подряд, ц. 60 к., Проф. А. М. Винавер. Неустойка, ц. 30 к. Проф. И. Б. Новицкий. Имущественный наем, ц. 60 к. Проф. А. М. Винавер. Купля-продажа, ц. 1 р. 20 к. Проф. И. Б. Новицкий. Заем. 3-ье изд., ц. 35 к. Проф. И. В. Шерешевский. Представительство: а) Поручение, б) Доверенность ц. 1 р. 40 к. Проф. И. Б. Новицкий. Обязательства из договоров, ц. 60 к. Проф. И. Б. Новицкий. Право собственности, ц. 75 к. Проф. В. И. Серебровский. Наследственное право ц. 1 р. Проф. И. Б. Новицкий. Обязательственное право, ц. 75 к.

II. Гражд. Процессуальный Кодекс. Я. А. Канторович. Государств. учрежд. и предпр. в Гражд. Процессе, ц. 90 к. И. Л. Брауде. Третейские суды, ц. 50 к.

III. Уголовный Кодекс. Профессора М. Н. Гернет, А. А. Жижиленко, М. М. Исаев, П. И. Люблинский и А. Н. Трайнин. Общая часть Уголовного Кодекса, ц. 1 р. 75 к. Проф. М. М. Гродзинский. Преступления против личности, ц. 80 к. Проф. А. А. Жижиленко. Воинские преступления, ц. 65 к. Проф. А. А. Жижиленко. Половые преступления, ц. 40 к. Проф. А. Н. Трайнин. Хозяйственные преступления, 3-ье изд. ц. 1 р. 25 к.. Проф. М. Н. Гернет. Имущественные преступления, ц. 50 к. Уголовный Кодекс. Научно-попул. практ. комментарий под редакцией М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина. ц. 3 р. 90 к.

IV. Уголовно-Процессуальный Кодекс. Проф. А. А. Жижиленко. Судебное заседание, ц. 90 к. Проф. П. И. Люблинский. Меры пресечения. Изд. 3-е, ц. 90 к. Проф. П. И. Люблинский. О доказательствах в уголовном суде. Изд. 2-ое, ц. 90 к. А. С. Тагер. Кассационное обжалование судебных приговоров. Изд. 2-ое, ц. 1 р. 70 к.

V. Земельное Законодательство СССР. Проф. И. Б. Новицкий. Трудовая аренда земли и вспомогательный наемный труд в трудовых земледельческих хозяйствах. Ц. 70 к. И. Новицкий. Право трудового землепользования. Ц. 1 р. 25 к.

Сборники: законы о торговле, т. I, II и III (с алф. предм. указателем в т. III) ц. по 2 р. за том, т. IV (с алф. предм. указателем) ц. 3 р. Составили С. А. Гуревич и Н. П. Дмитревский, под ред. проф. А. М. Винавера, Н. К. Муравьева и В. Ю. Вольфа. **Законы о деньгах и валютных операциях,** под ред. проф. А. М. Винавера, ц. 1 р. 40 к. **Законы о кустарях и их артелях,** под ред. проф. А. М. Винавера, ц. 75 к. **Налоговые льготы кустарям и ремесленникам.** Сост. А. С. Костин, Е. А. Розов и А. В. Смарагдов, под ред. и с предисл. нач. Нал. Упр. П. Я. Федорова. Ц. 1 р. 20 к. **Законы о торгах** под ред. проф. А. М. Винавера, ц. 1 р. 25 к. **Новые законы о кооперации.** Сост. А. М. Долматовский, под ред. А. М. Винавера, ц. 5 р. **„Законы о строительстве"** сборник сост. Н. И. Васильев. Ц. 3 р. 50 к. **„Гос. подряды и поставки"** сост. И. С. Плехан, ц. 1 р. 90 к.

Разные издания: И. Брауде. Акционерные Общества и Товарищества в торговле и промышленности (с кратким комментарием и прилож. примерного устава акц. о-в и договора полн. т-ва). Ц. 1 р. Проф. **А. Н. Трайнин.** Кризис науки уголовн. права, ц. 25 к. Проф. **В. Н. Ширяев.** Дисциплинарная ответственность служащих. Ц. 80 к. Проф. **М. Гродзинский.** Обвиняемый, его обязанности и права в процессе, ц. 1 р. 50 к. Акад. **А. Ф. Кони.** Воспоминания о С. Ю. Витте, ц. 50 к. **Преступный мир Москвы.** Под ред. и с пред. проф. М. Н. Гернета. Издание иллюстрированное, ц. 3 р. 60 к. Проф. **М. Н. Гернет.** В тюрьме. Очерки тюремной психологии. Изд. иллюстр., ц. 1 р. 80 к. Проф. **М. М. Исаев.** Подпольная адвокатура. ц. 20 к. **Б. А. Ландау.** Концессионное право СССР, ц. 75 к. Проф. **М. Д. Загряцков.** Административная юстиция и право жалобы, изд. 2-ое, ц. 2 р. 25 к. Систематический Указатель к циркулярам, определениям и решениям Верхсуда СССР, Верхсуда РСФСР, опублик. за время с 1922 г. по март 1925 г., ц. 3 р. **И. Т. Бубнов.** Простой вексель и операции с ним, ц. 75 к. **Б. В. Иванов.** Практические вопросы гербового сбора, ц. 80 к. **И. Т. Бубнов и А. Я. Миллер.** Гербовый сбор в кредитных учреждениях. Под ред. П. Ф. Дерюжинского. **Ц.** 2 р. 70 к. **П. А. Крюков.** Наглядное пособие к Гербовому Уставу, ц. 20 к. **А. Гельвиг.** Современная криминалистика. Методы раскрытия преступлений. Перев. с нем. под ред. проф. Люблинского, ц. 1 р. **Р. Гейндль.** Уголовная техника. Из мастерской Уголовного Розыска. Перевод с немец. под ред. П. И. Люблинского, ц. 90 к. **Г. Шнейкерт.** Тайна преступника и пути к ее раскрытию. Перев. с нем. под ред. проф. Люблинского, ц. 60 к.

Серия научно-популярных изданий: **„В защиту детства".** Вып. I. Д-р Т. Е. Сегалов. Психопатология имущественных преступлений у детей, ц. 35 к. Вып. II. Проф. П. И. Люблинский, Кинематограф и дети, ц. 60 к. Вып. III В. И. Куфаев. Систематический указатель русской юридической и педагогической литературы по детской беспризорности, ц. 75 к. Проф. М. М. Рубинштейн. Соц.-правовые представления и самоуправление у детей. Ц. 1 р. 80 к.